



НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2014

Содержание

1. КТО УБИЛ «СОЛИДАРНОСТЬ»?
2. У НАС ИСПОРТИЛСЯ КОМПАС
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ГДЕ СЕГОДНЯ ОБИТАЕТ ЦЕНЗУРА?
5. ИМПЕРИЯ НЕВОЗМУТИМОГО СПОКОЙСТВИЯ
6. ЧТО БУДЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?
7. ПОЛЬША ВЕЛИКОЛЕПНО ДИКАЯ
8. ИСТОРИЯ НЕ ТОЛЬКО ЛОШАДИ
9. МЫ УВЕЛИЧИВАЕМ ЭКСПОРТ В РОССИЮ
10. ОРХИДЕИ ОТЛИЧНЫЕ, ПОТОМУ ЧТО ПОЛЬСКИЕ
11. УКРАИНСКИЙ КРИЗИС?
12. ИКОНА ПОЛЬСКОГО ДИЗАЙНА: КРЕСЛО ЭТО ПУСТЯК!
13. В ДОЛИНЕ ДНЕСТРА
14. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО
15. ТА, ЧТО НЕ ПОГИБЛА
16. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
17. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
18. РОССИЯ, БЕЛАЛУСЬ И УКРАИНА НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛОВ
19. ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ В ПОЛЬШЕ 1989 ГОДА
20. МУЗЫКА, КАКОЙ СВЕТ НЕ ВИДЕЛ
21. ХЛЕБНИКОВ – СТИХИЯ И МЕРА
22. РАССКАЗЫ
23. ЛЕТОПИСЕЦ ЧЕСТИ В ПОЛЬШЕ
24. ДНЕВНИК ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ
25. К НАСЛЕДНИКУ

КТО УБИЛ «СОЛИДАРНОСТЬ»?

Если бы не военное положение ген. Ярузельского, не было бы плана Бальцеровича. Если бы не план Бальцеровича — сегодня не праздновал бы победы Ярослав Качинский. О сложных моментах польской политики рассказывает известный оппозиционер и историк, профессор Кароль Модзелевский.

— *Выборы 1989 г., Польша в эйфории, а вы говорите: «Эти выборы показали, что итоги всех интриг за Круглым Столом можно подвести так: кто другому яму роет...» Почему?*

— Меня не было за круглым столом, но я постоянно поддерживал контакты с Владеком Фрасынюком^[1] — мы оба жили во Вроцлаве, — который ездил на встречи в Магдаленку^[2] и участвовал в заседаниях Круглого Стола. Владек, как и все наши, ужасно боялся, что нам предложат принять участие в выборах и войти в парламент. Мы были убеждены, что это ужасный тупик, что нам придется взять на себя ответственность за экономическую катастрофу, в которой не было нашей вины. Короче говоря, что мы окажемся в золотой клетке. Однако, с другой стороны, мы отдавали себе отчет в том, что такова цена согласия на повторную легализацию «Солидарности».

— *Которой боялись «они».*

— Вот именно, этот страх был симметричным, хоть и с обратным знаком. У партийно-правительственной стороны душа уходила в пятки, когда они соглашались вновь легализовать профсоюз, одновременно надеясь, что оппозиция войдет в государственные структуры и будет вести себя ответственно. При этом, конечно, подразумевалось, что партия сохранит власть, так как будет иметь заранее согласованное большинство — 65% в Сейме и, возможно, приличное представительство в Сенате. Был расчет, что если, к примеру, в Лодзи у «Солидарности» есть свои структуры, и партии там не получить сенаторского кресла, то уж в какой-нибудь Бялой-Подляске, почему бы и нет?

Однако все упустили из виду приходские структуры. В результате оппозиция набрала 99% мест в Сенате, но мы получили палату с чрезмерным представительством

захолустно-приходской Польши. При выборах в Сейм тоже перемудрили.

— *То есть?*

— За Круглым Столом правительственно-коалиционная сторона решила, что отдаст нам в качестве приманки свободные выборы в Сенат, взамен требуя согласия на договорные выборы в Сейм. За аксиому они приняли получение причитающихся им 65% мандатов. Вот только даже в случае партийных мандатов действовало правило: кроме кандидата, выдвинутого руководством ПОРП, может выдвигаться и другой член партии, если соберет 3 000 подписей. Этот другой, как правило, пользовался поддержкой «Солидарности». В результате значительная часть депутатов от ОКП, ДП, ПАКСа^[3] и даже ПОРП была обязана своими мандатами не столько партийным властям, сколько избирателям, а значит, ощущала себя независимой и не голосовала согласно партийным инструкциям. И когда пришло время голосовать по кандидатуре ген. Войцеха Ярузельского на должность президента, оказалось, что с большинством что-то не складывается, что даже некоторые партийные собираются голосовать против Ярузельского. Объявили тревогу.

— *Ярузельский прошел за счет голосов оппозиции — Гражданского парламентского клуба (ГПК), объединявшего оппозиционных депутатов и сенаторов в 1989–1991 гг.*

— Говорят, что он был избран с перевесом в один голос. Однако если говорить об оппозиции, Ярузельскому помогли выиграть в целом пять наших голосов: два, принадлежавших депутатам, которые решили вообще не голосовать, чтобы понизить порог явки — и одним из них был Марек Юрек. Был еще один сенатор, впоследствии очень правых взглядов, который проголосовал за Ярузельского, и было двое, специально проголосовавших так, чтобы их голоса были признаны недействительными: Анджей Веловейский и Анджей Стельмаховский. Прошу обратить внимание, что это голоса людей, близко связанных с Церковью, так что данный вопрос, должно быть, оговаривался с церковными кругами.

— *А вы в ГПК вели переговоры, делали какие-то предварительные расчеты?*

— Нет. Никто не осмелился открыто выступить против решения о том, что нужно дать Ярузельскому выиграть. Нам и в голову такое не могло прийти. В то же время нас пугали тем,

что случится, если кандидатура генерала не пройдет. А, собственно, нас и не нужно было пугать. Мы и сами боялись.

— Чего?

— Единственной нашей силой были избирательные бюллетени, которые, как известно, из бумаги, у наших противников были танковые войска, ОМОН, милиция, госбезопасность и Советский Союз. Мы боялись, что если результаты выборов им не понравятся, они захотят перечеркнуть соглашение Круглого Стола. И сделают это, не моргнув глазом. Нужно было спасти это хрупкое соглашение. Отсюда появилась мысль, что нужно позволить Ярузельскому выиграть. Случилось это, впрочем, унижительным для него образом, так как победа с таким слабым большинством и то лишь благодаря соперникам, стала горькой пилюлей.

— У вас был вариант на случай, если бы Ярузельский проиграл голосование?

— Можно было предположить, что произойдет бунт аппарата, потому что аппарат был уже деморализован поражениями и тем, что его лидеры не чувствовали сильной московской поддержки. Однако было безопаснее обеспечить себе переходный период с Ярузельским в качестве президента. Он был нужен, чтобы переход прошел мягко. Конечно, если кому-то требуется миф об основателях, чтобы пролилась кровь, то пожалуйста: в Румынии она пролилась, даже расстреляли диктатора с супругой, но, кажется, ни к чему хорошему это не привело.

— Вы выбрали президента, пришла очередь премьера. Адам Михник выдвинул требование: «Ваш президент, наш премьер». Вам оно не понравилось.

— Напомню, что и Мазовецкому тоже. Я считал, что в ситуации, когда вторая сторона сохраняет за собой силовые инструменты власти: министерства внутренних и иностранных дел, национальной обороны, а нам придется отвечать за экономику в катастрофическом состоянии, это плохое решение. Оно ведет нас к банкротству.

У Мазовецкого была еще лучшая аргументация. В «Тыгоднике Солидарность» он написал, что мы сила, которая никогда не мыслила себя в категориях власти, у нас нет экономической программы, а перед лицом краха экономики правящая сила должна такую программу иметь, то есть мы не готовы взять на себя эту роль.

— *И все же взяли. Что стало решающим моментом?*

— Я не участвовал в формировании правительства, на всякий случай, чтобы никто мне ничего не навязывал, я уехал в отпуск.

— *Был ли выбор Тадеуша Мазовецкого в качестве премьера наилучшим из возможных? Рассматривался также Бронислав Геремек.*

— Не имело значение, на кого падет выбор, было несколько кандидатур, и все хорошие. Мазовецкий пользовался поддержкой Валенсы и «Солидарности», но его выбор не был ключевым, если говорить о последствиях. В этом смысле ключевым был выбор Лешека Бальцеровича в качестве вице-премьера и министра финансов.

— *О Бальцеровиче даже говорилось, что это он премьер.*

— Он, похоже, боялся только Яцека Куроня.

— *Потому что Куронь взял на себя социальные последствия плана Бальцеровича?*

— Яцек всегда брал на себя самое трудное. Конечно, можно пытаться понять, почему он дал убедить себя Бальцеровичу, а, может, и самому Джеффри Саксу, чью теорию шокового реформирования экономики воплотил в жизнь Бальцерович. Я хорошо знал Яцека и думаю, что его увлекла последовательность мышления Сакса. Яцек говорил, что эта последовательная концепция обладает политической ценностью, и ее можно перевести на язык, который будет понятен народу. Только со временем он понял, каковы ее социальные последствия, и тогда начал сожалеть о своем решении, обвиняя во всем только себя, потому что никогда не обвинял других.

— *Что стало последней каплей?*

— Мы тогда не разговаривали друг с другом. Я не ссорился с ним, но он был в правительственной команде, а я вне ее. Однажды я сказал журналисту, что филантропия, которой занимается Яцек Куронь, не вылечит социальные болячки, порожденные политикой правительства. Я знал, что слово «филантропия» Яцека ранит. Мне не стоило этого говорить. Мы вновь сблизились лишь через несколько лет. Я понял, что Яцек начинает пересматривать свое отношение к плану Бальцеровича, когда прочитал его статью под заголовком «Утопия социальной справедливости после падения

коммунизма». Мы снова мыслили сходным образом, но поезд уже ушел.

— Вы против того, чтобы считать план Бальцеровича единственным решением на то время.

— Потому что это пропагандистская фраза. Не существует никакого единственного решения, разве что кто-то умирает. Тогда действительно нет иного выхода. Кроме того, нет общих теорий для всего, которые высмеивал еще Станислав Лем. Нельзя использовать одну и ту же теорию для Чили, Польши 25 лет тому назад и для сегодняшней Украины. Это несравнимые ситуации. Поэтому утверждение, что не было иного решения, кроме плана Бальцеровича, это чушь. Так говорят представители такого же доктринерского течения, как марксизм. Впрочем, те, кто стали последователями неолиберализма, прежде нередко были последователями марксизма. Они лишь сменили взгляды, а мировоззрение осталось тем же. Тот, кто думал иначе, считался невеждой или шарлатаном. Это не академический уровень дискуссии. Неизвестно, существовал ли иной выход, так как его даже не пытались искать. Политически вопрос был предопределен.

— Мазовецкий искал других кандидатов на пост министра финансов, но все ему отказали. Единственным, кто согласился, был Бальцерович.

— Это правда, но следует спросить, почему никто из наших не хотел браться за эту задачу. Ответ следующий: потому что уже не было силы, которая поддержала бы того, кто отважился искать другой путь. Этой силой могла быть «Солидарность», но ее уже не существовало. Знаю, многие сочтут, что я несу ересь, но «Солидарность» убили во время военного положения. «Солидарность» — это же не руководящие кадры, советники, а огромное движение, руководимое, как минимум, сотысячным штатом активистов с предприятий, для которых эта деятельность была первым и важнейшим опытом их экзистенции, и отступление от него казалось невозможным. И все же эту мощь переломили насилием и страхом. Ведь человек, на которого нацелены стволы винтовок, может сдаться и спасти свою жизнь, но потом он будет уже не тот. То, что сломано, нелегко восстановить. Подполье — это уже была другая «Солидарность», другое качество, другое явление, хотя под тем же знаменем. Конечно, это знамя олицетворяло память людей об их важнейшем испытании и, как таковое, обладало волшебной силой, но в действительности сохранился лишь миф. Движение не выжило. Этот миф позволил нам выиграть выборы, а потом стал прикрытием для плана

Бальцеровича, хотя этот план бил непосредственно по той среде, которая была базой «Солидарности». Другими словами: если бы в 1989 году в Польше была «Солидарность» 1980 года, то, даже приди кому-нибудь в голову план Бальцеровича, никто не посмел бы воплотить его в жизнь.

— Вы называете план Бальцеровича планом, призванным добить государственные предприятия.

— Я не использовал именно такой формулировки, но я действительно так думаю. Я голосовал в Сенате против пакета законов Бальцеровича, против введения налога на сверхнормативную заработную плату и дивиденды, который добивал государственные предприятия. Уже будучи сенатором, к тому же сенатором, который говорит, что думает, я поехал на встречу с членами «Солидарности» фабрики «PZL Hydral» во Вроцлаве. Огромное предприятие, 6 тысяч человек, квалифицированный персонал, производство гидравлических элементов авиационных двигателей для Варшавского договора. Я говорил, что я против плана Бальцеровича, потому что этот план направлен против таких людей, как работники этого предприятия, и в смотревших на меня глазах видел лишь возмущение: «Как же так? У нас свое правительство, мы должны его поддерживать». А потом, когда оказалось, что их предприятие закрывают, было уже слишком поздно. Большие перемены уже прокатились по ним. Их сделал возможными — не выношу этого слова, так как его присвоили себе наши низкопробные правые силы — мейнстрим «Солидарности». Результат этих перемен — пять миллионов безработных, потому что именно настолько сократилось количество рабочих мест в Польше, что примерно совпадает с числом безработных и эмигрантов, выехавших на заработки. И вне зависимости от того, насколько модернизированной страной стала Польша, как высока теперь ее конкурентоспособность, это произошло за счет потери большей части промышленного и человеческого потенциала.

— В своей последней книге «Клячу истории загоним. Признания потрепанного всадника» вы упоминаете и о других последствиях плана Бальцеровича. Например, об успехе на выборах Стана Тыминского^[4] в 1990 году.

— Я называю Тыминского первым результатом Бальцеровича. Люди, которые равнялись на знамя «Солидарности», верили, что хранители этого символа будут действовать в их интересах. На самом деле они получили от них болезненный пинок в зад. Их поразил синдром обманутого доверия. Поэтому так легко

было попасть под влияние лозунга: «Кто-то украл нашу победу», — и крика: «Воры, воры!», — который относился не только к бизнесменам, не платившим рабочим зарплату, но и к политикам. Это создало почву для популизма, первым проявлением которого был Стан Тыминский.

— *А следующим Анджей Леннер*^[5].

— Самым простым, непосредственным и громким. Однако наиболее эффективным образом до сих пор действует на этом поле партия «Право и справедливость» (ПиС).

— *Значит Ярослав Качинский — бенефициар плана Бальцеровича?*

— Это эффектная фигура мысли (смех). О ней стоит поразмыслить. Я сказал, что не было бы плана Бальцеровича без военного положения ген. Ярузельского. В этом смысле можно также сказать, что не было бы председателя партии Качинского без плана Бальцеровича. Ведь Качинский эксплуатирует фрустрацию тех, кого великая польская модернизация оставила за бортом. Более 20% общества. Сегодня это еще и молодежь, не помнящая 1989 г. И хотя то разочарование не было ее непосредственным опытом, оно стало ее травмой, которая превратилась в горячее для партии, умеющей всем этим распорядиться. Эта партия — ПиС.

— **Качинский и сам испытал фрустрацию, когда Лех Валенса вышвырнул его из президентской канцелярии.**

— Валенса как президент попал в собственную ловушку. Вначале за Круглым Столом он боролся за ограничение президентских полномочий, так как испугался того, что ПОРП хочет владеть постом президента с широкими полномочиями. У него получилось, браво. После чего он стал президентом и страшно ругался, что ему тесен костюмчик, который он сам пошил. А Ярослав Качинский как глава его канцелярии начал играть в собственную игру. Их пути должны были разойтись.

— *Сегодня Лех Валенса — это история, а Ярослав Качинский раздает карты.*

— Согласен. И угрозу возвращения ПиС к власти я считаю вполне реальной. Не в ближайшую раздачу, так в следующую, если находящейся у власти «Гражданской платформе» придется создать экзотическую коалицию. Это может закончиться правительственным кризисом, который откроет дорогу Ярославу Качинскому к победе на очередных выборах. Я

полон опасений, потому что помню о злоупотреблениях правительства ПИС в области юстиции, прокуратуры, права.

— *Оно сделало из этого элемент политической игры.*

— Нет. Партия «Право и справедливость» сделала кое-что похуже. Они начали создавать структуры полицейского государства, а у меня на это аллергия, потому что по мне эта махина не раз проехала. Я знаю, что значит, когда прокуратура допрашивает по ночам и говорит: или остаешься под арестом, или рассказываешь то, что мы хотим услышать. ПИС двигался в направлении практики сильного государства, но прежде всего такого, которое не оглядывается на закон. Я этого боюсь. Не говоря уже о свистопляске вокруг Смоленска. А так как это партия, которая манипулирует в области социальных недугов, шансы у нее велики.

— *Как вы оцениваете наши отношения с Россией? А, в сущности, наш страх? Не оказались ли мы в той же ситуации, что и 25 лет назад, с той лишь разницей, что тогда это был Советский Союз?*

— Страх по-прежнему есть. Это смесь антирусской фобии и рациональных опасений. Доктрина Гедройца, которая утверждает, что, если Россия поглотит Украину, то Польша окажется в опасной зоне, актуальна как никогда. Недавно проф. Адам Даниэль Ротфельд очень точно диагностировал амбиции Путина: Путин не завоевывает мир, Путин борется за душу России. Почти все русские, а я их очень неплохо знаю, даже близкие к диссидентской среде, ощущают боль после распада Советского Союза. Для нас падение коммунизма означало смену строя, деградацию части общества, но и освобождение Польши от московского ига. А какое чужое иго сбросили они? Для русских смена строя совпала с распадом государства и с намного более глубоким, чем у нас, обнищанием, с ухудшением повседневной жизни, с банкротством государства, которое долгими месяцами не выплачивало ни пенсий, ни зарплат. Путин нащупал больное место после Советского Союза и строит на этом свою позицию. Русские рассматривают его деятельность как возвращение отечеству утраченных земель. Скажем прямо — дальнейшая экспансия на Украине будет тяжелым испытанием и для Польши, и для всего мира.

— *Безработица, политический популизм, страх перед Россией. С чем еще мы не справились во время трансформации?*

— Ой, вы касаетесь очень болезненного места.

— *Расскажите, пожалуйста.*

— Образование. Нам совершенно не удалась реформа образования — от начальной школы до университета. В начальных и средних школах бедствием стали тесты, которые отучают от самостоятельного творческого мышления и заставляют детей думать лишь в определенных рамках. Это ужасно. Высшая школа, к сожалению, тоже отягощена подобным заблуждением. Так называемая болонская реформа драматическим образом снизила уровень обучения в лучших учебных заведениях, а в слабых, число которых в нашей стране значительно увеличилось, не многое изменила, потому что они и так скверные. Мы должны вернуть целостную магистратуру по крайней мере на лучших факультетах в Польше. Нельзя допустить, чтобы безвозвратно исчезло формирование гуманитариев высокого уровня. Если мы откажемся от формирования элит, это будет фатальное по своим последствиям решение. Я эгалитарист, но без образованных элит нам останется лишь повесить себе камень на шею и плюхнуться в воду.

Беседу вела Александра Павлицкая

Кароль Модзелевский (род. в 1937 г.) — профессор истории, оппозиционер, трижды отбывший заключение во времена ПНР. В первый раз после того, как вместе с Яцеком Куронем написал «Открытое письмо Партии» с критикой ПОРП, затем после марта 1968 г., а также в период военного положения. В тюрьмах и изоляторах провел в целом более восьми лет. Был активистом «Солидарности», придумавшим название профсоюза. На выборах 1989 г. получил мандат сенатора. В 2006 г. стал вице-президентом Польской академии наук. Медиевист, выпустил, в частности, посвященный средневековью труд «Варварская Европа», недавно вышли его воспоминания, озаглавленные «Клячу истории загоним. Признания потрепанного всадника».

-
1. Владислав Фрасынюк – политик, активный член профсоюза «Солидарность», в 1989 году участник переговоров Круглого Стола. Здесь и далее прим. пер.
 2. Магдаленка – местность под Варшавой, где проходили подготовительные встречи участников Круглого Стола.
 3. ОКП – Объединенная крестьянская партия (польск. ZSL – Zjednoczone Stronnictwo Ludowe) – политическая партия, союзник ПОРП в деревне. ДП – Демократическая партия (польск. SD – Stronnictwo Demokratyczne) – центристская

политическая партия. ПАКС (польск. PAX) – светская католическая организация.

4. Станислав (Стан) Тыминский — польский бизнесмен, кандидат в президенты на выборах в 1990 и 2005 годах, в 1990 г. прошел во второй тур.
5. Анджей Леппер — польский политик, лидер партии «Самооборона Республики Польша», занял третье место во время первого тура президентских выборов в 2005 г.

У НАС ИСПОРТИЛСЯ КОМПАС

В 1989 году мы были бедными и прозябали в хаосе, но знали, в каком направлении двигаться. Сегодня мы значительно богаче и стабильнее, однако мир, который нас окружает, пребывает в хаосе.

Свыше 10 млн. полек и поляков родились после 1988 г. Почти половина населения не помнит падения коммунизма, а про Польскую Народную Республику знает по рассказам родителей. Прошлое перестает быть чем-то реальным.

История, с которой мы знакомы по страницам книг, обычно отличается от истории, прожитой нами самими. Объективные оценки того, что мы достигли в течение 25 лет, демонстрируются с помощью статистических данных, и они великолепны. Но субъективные оценки отличаются, потому что по-разному складывались наши судьбы.

Согласно едва ли не единодушному мнению историков и экономистов, у нас за плечами — лучшая четверть века в истории Польши. Существуют опасения, что эту удачную полосу не удастся продлить на очередные 25 лет, поскольку над Центрально-Восточной Европой сгущаются тучи, а будущее глобальной экономики тоже рисуется далеко не в светлых тонах. Я убежден, что в следующем двадцатипятилетии мы не обречены ни на успех, ни на катастрофу. Много будет зависеть от нас самих, а в еще большей степени — от процессов, которые от Польши не зависят.

Начало истории

На исходе XX века крупнейшую интеллектуальную ошибку довелось совершить Фрэнсису Фукуяме, который в 1989 г. под впечатлением домино, опрокидывающегося в Центральной Европе, написал эссе «Конец истории?» Там он доказывал, что либеральная демократия — это единственный строй, который выдержал испытание временем. Этот строй в состоянии обеспечить счастье отдельным личностям, а значит история достигла своего конца.

Однако падение СССР, объединение Германии и установление либеральных правительств в Центральной Европе стали камешками, которые привели в движение настоящую лавину

глобализации. Благодаря ней быстро начала расти экономическая мощь Китая и нескольких других стран, которые мы на протяжении долгих лет привыкли считать бедными и отсталыми. В течение ближайших 25 лет Китай по уровню хозяйственно-экономического потенциала обгонит США либо... переживет тяжелый кризис, который может привести к дестабилизации Восточной Азии, где проживает одна треть человечества. Оба эти сценария — грозные.

Мировая экономика стала сложным механизмом сообщающихся сосудов, — когда в одном месте начинаются трудности, их ощущают страны, находящиеся за тысячу километров от центра кризиса. Глобализация ускорила ход истории, а вовсе не закончила его. Возникли терроризм и несимметричные войны (когда одна из сторон с виду кажется гораздо слабее, но прибегает к таким средствам, как терроризм), волны миграции и проявления сепаратизма.

Падение советского государства, насильно объединявшего десятки народов, дестабилизировало регионы бывшего СССР. Возникли государства, вроде бы суверенные, но полностью зависящие от России. В некоторых из них власть захватили кланы или олигархи, а формальное право перестало иметь значение.

Ответом Европы на глобализацию было создание общей валюты. Этот замысел оказался плохо подготовленным, и Европейский Союз через 10 лет после введения евро погрузился в кризис. Его катализатором послужило евро, а подлинной причиной — чрезмерно разветвленное и дорогостоящее государство всеобщего благосостояния.

Либеральная демократия показывает свою слабость перед лицом украинского кризиса. Политики не в состоянии принимать жесткие решения, потому что думают о ближайших выборах, а не об исторических процессах, которые происходят непосредственно за границами их стран. Граждане, населяющие либеральные демократии, хотят безопасности, но не хотят за нее платить.

25 лет назад поляки, отвергая коммунизм, рассчитывали на то, что присоединятся к миру живущих в безопасности людей богатых. Однако в странах демократического капитализма ускорились перемены. Мы примкнули к миру, который начал бурно меняться.

В экономике и хозяйственно-экономической политике распался консенсус — единые взгляды мировых элит по

вопросам направления перемен, основных вызовов и эффективных ответов на них. Никто уже не верит в прогнозы; впрочем, последние сильно разнятся.

Лоуренс Саммерс, один из наиболее влиятельных американских экономистов, министр финансов при Клинтоне и неформальный советник Барака Обамы, утверждает, что богатый мир вошел в длительный период экономической стагнации, прерываемой циклическими кризисами.

Существуют и оптимистические предсказания. Волна инновационных решений, возникших за последние 20 лет и еще не вошедших в массовое производство (новые материалы вроде графена, трехмерная печать, огромные базы данных), начнет приносить плоды и расшевелит сонную экономику. Сланцевая революция и новые технологии экономии и использования энергии изменят соотношение сил в мировой энергетике.

Никто не знает, какой из сценариев в конечном итоге реализуется.

Без компаса

Известная истина говорит о генералах, которые готовятся к предыдущей войне, а новая, характеризующаяся совершенно другой логикой, застигает их врасплох. Это относится не только к военным. Экономисты и статистики основываются на исторических данных, пытаются их экстраполировать. Политики привыкли к стандартным процедурам, и новые проблемы, которые не удастся решать с их помощью, становятся для таких деятелей полной неожиданностью.

Именно так обстоят дела, скажем, с Украиной, которая представляет собой не такое государство, как Франция или Польша, и то, что там происходит, не удастся описать с помощью известных нам понятий. То, что случилось в Крыму, а сейчас творится в Восточной Украине, не является ни восстанием, ни революцией, ни гражданской войной, ни войной между двумя суверенными государствами. Похожие трудности испытывали американцы в 2001 г., пытались понять, кто же их атаковал. И вслепую, наугад решили, что это Афганистан и Ирак.

В следующей четверти века будет всё больше и больше ситуаций, не укладывающихся в известные нам схемы. Новой парадигмы требует такая наука, как экономика. Год назад бывший заместитель главы Федеральной резервной системы и

выдающийся знаток монетарной политики Алан С. Блиндер писал, что он не в состоянии обучать студентов с помощью старых учебников, так как нынешняя политика центральных банков полностью отклоняется от теории. Мы еще не знаем, каковы окажутся ее последствия, хотя затянувшаяся нестабильность на финансовых рынках свидетельствует о том, что антикризисные действия, предпринятые правительствами и центральными банками в 2008–2009 гг., релевантностью не отличались.

В Польше часть политиков, особенно на правом фланге общественной сцены, ментально застряла в XIX веке или в межвоенном периоде. В их глазах большой вес имеют такие понятия, как «энергетический суверенитет», «национальный интерес», «продовольственное самообеспечение». Они считают, что Польша окружена странами, которые враждебны ей или же, как минимум, не заслуживают доверия. В экономической политике подобные деятели не видят иной творческой силы, кроме государства, которое, как они сами признают, является слабым и неэффективным.

Временами нас зачаровывают примеры других стран, которые достигли успеха. Мы, однако, не видим при этом более широкого контекста. Находим какой-нибудь один «источник успеха» и зачастую готовы копировать самые плохие идеи: тут и создание государством экономических «национальных чемпионов», эдаких польских «чеболей» (по образцу Южной Кореи), и сокращение рабочего времени (потому что когда-то таким образом поступила Франция), и манипулирование валютным курсом (как делает Китай), и неограниченное дотирование возобновляемой энергии (как в Германии), и ликвидация капитала в качестве одной из опор системы пенсионного обеспечения (поскольку так сделал Орбан, и никто в Венгрии не протестовал).

Однако невозможно вести осмысленную, разумную экономическую политику, построенную на смешении не стыкующихся между собой идей.

В 1989 г. мы не игрались в прокладывание «третьего пути», а приняли стандарты вашингтонского консенсуса — политики, рекомендованной Международным валютным фондом (МВФ) и другими международными организациями. В меню фигурировали такие блюда, как борьба с инфляцией, сбалансированность финансов, приватизация, высвобождение валютного курса и перетоков капитала. Таким был наш компас. То же самое направление указывал и компас, которым мы

стали пользоваться с момента подписания в 1992 г. договора об ассоциации с Европейским сообществом

В меняющемся мире компас испортился. Предписания и рекомендации МВФ выглядят всё более хаотичными. В 2009 г. этот фонд впал в панику и требовал от всех стран, чтобы те быстрее влезали в долги, а год спустя он оказался перед лицом кризиса задолженности на юге Европы. Сегодня главный экономист МВФ Оливье Бланшар рекомендует центральным банкам проинфляционную политику.

У Европейского Союза имеются новые идеи по дальнейшей интеграции (фискальный пакт, банковский союз), но они остаются в сфере дискуссий, так как страны, более слабые с экономической точки зрения, хотят, чтобы за интеграцию заплатила Германия, а Германия хочет вынудить эти страны решительнее вводить у себя бюджетные ограничения и реформы. Пока кризис зоны евро удалось предотвратить благодаря вмешательству Европейского Центрального банка, но еще слишком рано трубить об успехе. По-прежнему возможна очередная волна кризиса, которая поставит под вопрос само существование указанной зоны.

Перед нами дилемма: стоит ли пробиваться в еврозону, трактуя свое там присутствие как политическую инвестицию, которая важна, в том числе и по соображениям безопасности Польши, или лучше держаться подальше от сферы общей валюты, чтобы понести как можно меньшие издержки из-за ее потенциального распада.

В 1989 г. мы были бедными и прозябали в хаосе, но знали, какое направление верно. Сегодня мы значительно богаче и стабильнее, однако мир, который нас окружает, пребывает в хаосе.

Стратегия хаоса

В Польше за последние 25 лет никакая стратегия, никакой план — за исключением плана Бальцеровича — не были полностью внедрены в жизнь. А их было довольно много. Некоторые были чистойшей пропагандой, как, скажем, «Стратегия для Польши» Гжегожа Колодко, в других излагался комплекс взаимоувязанных представлений о том, что необходимо сделать в Польше, дабы справиться с проблемами, которые возникнут через десяток-другой лет; таким был отчет «Польша 2030. Вызовы, связанные с развитием», разработанный в 2008 г. группой стратегических советников премьер-министра Дональда Туска под руководством Михала Бони. Но

единственное, что от них осталось — это тексты в СМИ и несколько конференций. Если мы знаем, что надо делать, еще не означает, что мы это делаем.

Жизнь программ коротка, поскольку политики не придают им особого значения — даже в тех случаях, когда предъявляют их в качестве интеллектуальных достижений своих правительств. Вдобавок к этому правительства в Польше — по крайней мере, до 2007 г. — менялись в среднем раз в два года, и каждое следующее очищало ящики от программ предшественников.

Такая ситуация разочаровывает экономистов и социологов — потенциальных советников политиков, — а также практиков хозяйствования, которые ценят значимость стратегии, реализуемой предприятиями, корпорациями или бизнес-группами. Удручает она и публицистов, пытающихся описать действительность понятным способом. Раздаются зловещие голоса современных кассандр, прорицающих, что Польша, не располагая ясным планом и четко определенной политикой, неспособна к решению тысяч проблем, которые раздавят нас, затормозят развитие, повергнут в хаос.

Но на протяжении 25 лет существования несовершенной, однако все же независимой, демократической и рыночной Польши те очередные проблемы, которые казались не поддающимися решению, исчезали или по меньшей мере переставали быть насущными. Неконкурентоспособная польская экономика, которая в конце 80-х годов XX века продавала за твердую валюту только сырье, а также сельскохозяйственные и продовольственные товары на смешную сумму, составлявшую 6 млрд долларов в год, сегодня экспортирует тысячи переработанных продуктов, ежегодно выручая за них свыше 200 млрд долларов. Дефицит во внешней торговле, который пугал экономистов в середине 90-х годов, перестал быть проблемой. Страны южной Европы жалуются на слишком конкурентоспособную немецкую экономику, за которой они не в состоянии поспевать. Польша уже несколько лет имеет в торговле с Германией положительное сальдо.

Инфляция, с которой мы жили в течение чуть ли не более полутора десятков лет, в начале минувшего десятилетия внезапно исчезла. Это обошлось нам тремя годами экономического замедления (2001–2003), но с 10-процентной инфляцией нас не впустили бы в Евросоюз.

Дефицитные государственные предприятия — посткоммунистическая версия говорила о них: «слишком большие, чтобы рухнуть», — рухнули или же были

приватизированы. Профсоюзные лидеры подобных предприятий, которые в 90-х годах угрожали варшавским политикам, перешли на пенсию либо занялись бизнесом.

Бедная деревня расцвела, главным образом благодаря деньгам Евросоюза, а также благодаря евросоюзному рынку, всасывающему продукцию польского сельского хозяйства. Земля, которая перед этим на протяжении десяти или пятнадцати лет пустовала, стала ценным активом, который «унавоживается» прямыми доплатами. Я участвовал в нескольких конференциях, посвященных будущему деревни и сельского хозяйства. Преобладали пессимистичные голоса: что польское сельское хозяйство не выдержит конкуренции с более производительным европейским, что дешевую землю раскупят богатые немцы и голландцы. Однако именно деревня стала крупнейшим бенефициаром вступления Польши в Евросоюз, а польские сельскохозяйственные продукты залили Европу.

Но вместо прежних проблем появляются новые. Нас огорчает и низкий уровень инновационности, и тот факт, что мы дали высшее образование нескольким миллионам выпускников вузов, чей уровень соответствует бывшим профессионально-техническим училищам. Мы расстраиваемся из-за несбалансированного энергетического рынка, несовершенства пенсионной системы и эмиграции миллионов молодых поляков, которые уехали в погоне за заработками. Нас беспокоят демографические тренды. Я максимально далек от утверждения, что перечисленные проблемы каким-то чудесным образом исчезнут. Но если нам удастся с ними справиться, то скорее благодаря тем обладающим минимальной эффективностью, почти незаметным действиям, которые в конечном итоге и ведут за собой большие перемены, а не посредством реализации каких-то программ, придуманных правительством и его советниками.

Решения или корректировки?

Известный публицист «Файнэншл таймс» Мартин Вольф в своей недавней статье о дилеммах Китая констатировал: «Самый важный вопрос звучит так: могут ли силы, корректирующие китайскую экономику, возобладать над способностью властей плавно управлять такими корректировками?». Кто-то отметил, что коммунистическая партия Китая (КПК) представляет собой самую эффективную организацию в мире — она намечает цели на 20 лет вперед и последовательно их реализует. Вольф, в определенной степени замороженный Китаем, считает, что процессы, как бы автоматически и сами по себе происходящие в экономике,

которая находится под управлением КПК, могут выскользнуть из-под контроля.

Польская экономика (к счастью) не управляется и не контролируется правительством или партией, а наше государство — это малоэффективная организация. Тем не менее, наши политики стоят перед проблемой, несколько схожей с той, что возникает у коммунистических мандаринов, — либо они своевременно примут надлежащие решения, либо ситуация будет развиваться без таких решений.

Если дыра в разрушенной нынешним правительством пенсионной системе будет углубляться, то государство не обанкротится, но дело дойдет до «корректировки» посредством инфляции, которая отнимет у сегодняшних и будущих пенсионеров несколько десятков процентов их покупательной способности. Если государство не внедрит механизмы, позволяющие осуществлять окупаемые инвестиции в энергетику, то экономика не остановится, но наступит «корректировка» — растущие цены на энергию замедлят экономический рост и уменьшат зажиточность поляков. Такие корректировки мы уже пережили, а впереди нас ждут другие. Было бы хорошо, если бы политики, как пишет Вольф, «плавно управляли корректировками». Если им это не удастся, то Польша может на много лет застрять в ловушке среднего дохода.

Ловушка плохой политики

В сентябре 2013 г. Всемирный банк опубликовал работу под названием «Ловушка среднего дохода: обзор концепций и опыта», авторами которой являются Фернандо Габриель Им и Дэвид Розенблатт. Теория следующим образом разъясняет, что собой представляет данная ловушка: бедным странам легко догонять более богатые с помощью простых действий, таких, например, как строительство дорог, проведение санитарных мероприятий, значительно понижающих смертность, импорт капитала и технологий. Но, когда такие страны достигнут среднего уровня, им трудно продолжать погоню за более богатыми, так как необходимо развивать современную промышленность и рыночные институты, а также четко и эффективно соблюдать законы.

Согласно проведенным Имом и Розенблаттом исследованиям экономики в 101 стране, которые в 1960 г. находились на среднем уровне развития, в 2008 г. только 13 из них присоединились к группе стран с высокими доходами (Экваториальная Гвинея, Греция, Гонконг, Сингапур,

Ирландия, Израиль, Япония, Маврикий, Португалия, Испания, Пуэрто-Рико, Южная Корея, Тайвань). Быстрый рост редко продолжался дольше десятилетия, а иногда кончался провалом и отступлением на прежние позиции. Часто он бывал результатом благоприятных внешних обстоятельств, например, повышения цен на сырье, добываемое в данной стране, а не хорошей экономической политики.

Поляки за последние 25 лет продвинулись с уровня одной трети среднего европейского дохода до двух третей. Но всё равно мы и сейчас беднее самых бедных стран старого Евросоюза — Португалии и Греции. У нас есть шансы догнать их к концу текущего десятилетия, но Германию и Францию мы можем не догнать и до конца века. Документ под названием «Долголетний финансовый план государства», принятый правительством Польши в конце апреля с. г., исходит из предположения, что к 2020 г. темп роста ВВП устойчиво упадет до 2,3%, а к 2030 г. — до 1,7%.

Таким образом, правительство предполагает, что в течение 15 лет мы потеряем ту избыточную динамику, которую имеем на сегодняшний день по отношению к экономикам стран Западной Европы, в том числе Германии. Другими словами, оно прогнозирует, что через неполные десять лет мы окажемся в ловушке среднего дохода и перестанем догонять более богатую Европу!

Ловушка среднего дохода — это в сущности ловушка плохой экономической политики. Она приводит к тому, что уровень инвестиций становится слишком низким, а недостаточно высокие сбережения в любом случае проедаются. Предпринимателей наказывают за поиск инновационных, иными словами, более рискованных, решений. Чиновников награждают не за то, каким способом они помогают предпринимателям, но — насколько действенно они наказывают последних за совершенные ими ошибки. Операционные издержки в экономическом обороте высоки, поскольку государственные институты (например, суды) действуют с недостаточной эффективностью.

Бюрократические инструкции и налоговая система отбивают у людей желание что-либо делать. Миллионы молодых пенсионеров, принадлежащих к привилегированным группам, живут за счет работающих, чей труд облагается высоким налогом в виде взносов в систему социального страхования. Публичные финансы находятся в полном беспорядке, вследствие чего правительство экономит на инвестициях.

Выбраться из ловушки плохой политики можно только одним способом — необходимо сменить плохих политиков.

Нынешний политический класс управляет страной непрерывно на протяжении 25 лет. На его счету много успехов и изрядное количество ошибок, но сегодня он устал и лишен идей на будущее. В состоянии ли польская демократия породить политиков, которые будут лучше? Вот самый важный вопрос грядущей четверти века.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 4 июня — 25-летняя годовщина выборов 1989 года. В Польшу прибудет около 20 глав зарубежных стран и коронованных особ. Среди них — президент Франции Франсуа Олланд, президент Германии Йоахим Гаук, президент США Барак Обама и новоизбранный президент Украины Петр Порошенко. В этот день Варшаву посетят делегации более чем 40 государств» (по материалам «Жечпосполитой» от 2 июня)

• «Сначала ведь даже речи не было о том, чтобы выиграть выборы. Важнее было легализовать подпольную «Солидарность», чего всячески пытались не допустить коммунисты. Когда же, наконец, они стали соображать, куда ветер дует, то предложили оппозиции сделку с невыгодными для нее условиями — пусть, мол, грядущие выборы обеспечат коммунистам большинство голосов, в то время как лишенная властных полномочий оппозиция возьмет на себя ответственность за судьбу Польши. «Круглый стол» закрепляет эти договоренности. 65% мест в Сейме принадлежат коммунистам, представителям старой ПНР-овской системы. 35% мандатов составляют пул, за место в котором борются беспартийные кандидаты, в том числе не входящие в движение «Солидарность». Выборы в возрожденный спустя десятилетия Сенат проходят абсолютно демократично. (...) Соглашения «Круглого стола» были подписаны 5 июня 1989 года. (...) 13 апреля была определена дата выборов. На все про все у «Солидарности» было неполных два месяца. (...) В итоге «Солидарность» получила все, какие только можно, места в Сейме, а также 99 (из ста) мест в Сенате (...). 5 июня мы проснулись в совсем другой, обновленной Польше, которая еще два месяца назад не могла и присниться даже самым смелым мечтателям». (Павел Смоленский, «Газета выборча», 4 июня)

• «Если я когда-то и восхищался Польшей, осознавая при этом глубокую уверенность, что мы реализуем — как свою, так и многих поколений — мечту о свободном, независимом государстве, то олицетворением этих чувств было правительство Тадеуша Мазовецкого. Меня совершенно не смущало присутствие в его составе генералов Чеслава Кищака и Флориана Сивицкого. У меня не было ни тени сомнения в том,

что Мазовецкий стал премьер-министром благодаря парламентскому большинству, то есть, в том числе, благодаря депутатам из ПОРП (Польская объединенная рабочая партия — прим. пер.) (...). Было очевидно, что им, по примеру участников «Солидарности», тоже хочется вести себя порядочно. Я хорошо помню их активность и увлеченность, настойчивые поиски собственной идентичности и подлинности. Это был наиболее современный и модернизированный, прогосударственный и бескорыстный польский парламент. Мы строили страну своей мечты. Я и представить не могу, чтобы сегодня депутаты работали над каким-либо реформаторским проектом допоздна в Рождественский сочельник, а ведь именно в таких условиях был принят «план Бальцеровича». (...) У нашего поколения есть кое-какие привилегии независимо от нюансов наших биографий — ибо мы завоевали свободу», — Владислав Фрасынюк. («Газета wyborcza», 31 мая)

• «Советский Союз вполне мог просуществовать еще очень долго. Так что полякам очень повезло мирно покинуть эту систему. Это было не слишком неожиданным, но всё-таки очень нестандартным событием. (...) Дошло даже до сотрудничества между Варшавой и Москвой, точно так же, как между польскими властями и «Солидарностью». Без этого взаимодействия эпохальные изменения вряд ли были бы возможны. И всё же главным элементом этого «треугольника» была «Солидарность». (...) Сегодня-то нам известно, что Ярузельский обсуждал с Горбачевым разные варианты, но последний всё-таки склонялся к переговорам. Однако ключевым обстоятельством оказалось то, что эти переговоры было с кем вести. Только в Польше существовало массовое движение, способное к такого рода диалогу. (...) Между 80-м и 89-м годами Валенса был абсолютно незаменимой фигурой, потребность в которой была совершенно очевидна. Для того, чтобы создать движение такого размаха и вдобавок держать его под контролем, при этом постоянно поддерживая прочную связь между рабочим классом и интеллигенцией, необходим был человек поистине большого масштаба. Невозможно вообразить всё это без Валенсы. (...) Поляки были первыми, кто сверг коммунистический режим, и именно поэтому им пришлось соглашаться на менее радикальные перемены. (...) Когда в 1989 г. в Польше начиналась революция, никто не знал, каковы ее возможности, как далеко это может зайти. (...) Эти 25 лет уже можно считать историей. Нападение России на Крым стало переломным моментом. Мы живем уже в другую историческую эпоху, и еще неизвестно, какой она будет», — Тимоти Снайдер. («Жечпосполита», 4 июня)

- «Почти полсотни зарубежных делегаций приветствовала на Замковой площади и Краковском предместье мэр Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц. (...) Среди тех, кто слушал выступление Барака Обамы на Замковой площади, было немало украинцев, которые пришли со своими национальными флагами». (Войцех Карпешук, «Газета wyborча», 5 июня)

- «Выступление американского президента на варшавской Замковой площади прерывалось бурными овациями дважды. Первый раз — когда Барак Обама заявил, что «Польша никогда не останется одна перед лицом внешней угрозы», США будут с максимальной скрупулезностью выполнять обязательства, вытекающие из ст. 5 Североатлантического договора. И спустя несколько минут, в ответ на слова американского президента о том, что Америка поддержит Украину на ее пути к строительству демократического государства и рыночной экономики, а также интеграции со странами Запада». (Ежи Белецкий, «Жечпосполита», 5 июня)

- «Барак Обама так объяснил причину, по которой он начал свой визит в Европу именно с нашей страны: “Активное участие Америки в обеспечении безопасности Польши и других наших союзников в Центральной и Восточной Европе — это краеугольный камень нашей собственной безопасности”. (...) Американский президент коснулся и конкретики. (...) Подразделения американских военных, сменяющиеся в Польше, будут усилены. (...) Американские корабли в Балтийском море начнут регулярно патрулировать береговые линии Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, а в Черном море — побережья Румынии и Болгарии. Обама также объявил, что будет актуализирована схема действия НАТО, согласно которой вооруженные силы альянса в случае необходимости приходят на помощь нашей стране. (...) Будет принято решение о дальнейшем развитии натовской военной инфраструктуры на территории Польши и других стран нашего региона. (...) Президент Бронислав Коморовский, в свою очередь, пообещал обратиться к правительству и парламенту с предложением об увеличении оборонного бюджета до 2% ВВП. (...) Уже сейчас Польша тратит на оборону 1,95% ВВП, так что увеличение этих расходов до 2% будет носить сугубо косметический характер». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 4 июня)

- «Американский президент сделал и другое, не менее важное заявление относительно поставок сланцевого газа на наш континент, что поможет существенно уменьшить зависимость стран ЕС от российского сырья». (Павел Вронский, «Газета wyborча», 4 июня)

- «Ситуация в Центральной и Восточной Европе вновь привлекает внимание Обамы. (...) Он демонстрировал свой неподдельный интерес к этому региону буквально на каждом шагу, к примеру, когда появился на ужине в Королевском замке, чтобы пообщаться с лидером крымских татар. Неизвестно, что происходило за закрытыми дверями во время многочисленных встреч политиков в Варшаве. Но мы знаем, что таких встреч было не счесть, и некоторые из них тщательно скрывались от средств массовой информации». (Бартош Венглярчик, «Жечпосполита», 5 июня)

- «То обстоятельство, что ЕС не был представлен на польских торжествах, просто шокирует. (...) Это был праздник польско-американской свободы, Европа на нем отсутствовала. В выступлениях политиков ничего не говорилось о европейской интеграции. (...) Пылкость американского месседжа сильно контрастировала с европейской сдержанностью и даже холодностью. Президент США говорит и действует в духе Леха Качинского, Европа — в духе Путина. (...) Мы всегда подчеркивали, что основой безопасности Польши является трансатлантический союз», — Кшиштоф Щерский, бывший замминистра иностранных дел. («Жечпосполита», 5 июня)

- «Командующий американскими сухопутными вооруженными силами прибудет в Польшу в воскресенье. Генерал Рэймонд Одиерно обсудит в Варшаве новые планы относительно совместных боевых учений Польши и США. Беседы в Генеральном командовании ВС Польши будут более конкретными, нежели политические декларации». (Петр Фалковский, «Наш дзенник», 5 июня)

- Президент Бронислав Коморовский на торжественных мероприятиях, посвященных 70-летию открытия «второго фронта» в Нормандии: «Наше сегодняшнее торжество ярко демонстрирует, что страны Запада, сотрудничая друг с другом, отлично умеют сдерживать агрессию». («Газета выбора», 7–8 июня)

- «Президенты Бронислав Коморовский и Лех Валенса вручили лидеру крымских татар Мустафе Джемилеву премию «Солидарности». «Премия «Солидарности» — это единственная в мире награда, вручаемая страной, которая делится своим опытом перехода от диктатуры к демократии (...)», — подчеркнул министр иностранных дел Радослав Сикорский. (...) Лех Валенса поблагодарил лауреата «за потрясающее мирное сопротивление, которое пока что не закончилось победой». (...) Новоизбранный президент Украины Петр Порошенко (...) поблагодарил Польшу за то, что первая в

истории премия «Солидарности» вручена именно Джемилеву — “настоящему патриоту и герою Украины, лидеру украинских татар”. (...) Премия «Солидарности», помимо международного престижа, обладает и материальным эквивалентом в размере миллиона евро. Из этих средств 250 тыс. евро получает лауреат, 700 тыс. евро из программы «Польская помощь» Польша инвестирует в избранный им проект, а 50 тыс. евро предназначены для учебно-ознакомительного путешествия лауреата по Польше». (Войцех Чухновский, «Газета выборча», 4 июня)

- «В программе торжественных мероприятий, посвященных 25-летней годовщине выборов 4 июня, были три ключевых элемента. Первый — беспрецедентное для польско-американских отношений выступление Барака Обамы. (...) Второй — встреча нового президента Украины Петра Порошенко с президентом США в Варшаве. (...) И третий — премия «Солидарности» им. Леха Валенсы, врученная лидеру крымских татар Мустафе Джемилеву». (Ярослав Курский, «Газета выборча», 7-8 июня)

- «Смена общественного строя в 1989 г. была необходима — так, согласно данным ЦИОМа, считает 71% поляков. 45% опрошенных заявили, что перемены, произошедшие в Польше после 1989 г., принесли больше плюсов, чем минусов, и лишь 15% респондентов придерживались противоположного мнения. В то же время участники опроса крайне негативно оценили ситуацию в социальной сфере, по мнению 61% опрошенных в польском обществе значительно снизился уровень доброжелательности и отзывчивости». («Газета выборча», 14 мая)

- «39% участников опроса, проведенного агентством «TNS Польска», положительно отзывались о ПНР. Негативно же социалистическую Польшу оценивают 36% респондентов. (...) 53% утверждают, что период Третьей Речи Посполитой явно относится к светлым страницам польской истории, противоположного мнения придерживается 34% опрошенных. (...) С 2006 г. мнение поляков относительно ПНР остается стабильным». («Жечпосполита», 4 июня)

- «25 мая 2014 г. в 15.24 в Военно-медицинском институте после тяжелой и продолжительной болезни скончался генерал Войцех Ярузельский», — сообщил пресс-секретарь института, полковник Гжегож Каде. (...) “Я о многом жалею, но более всего о том, что судьба против моей воли вовлекла меня в политику (...)”, — заявил однажды Ярузельский в интервью газете “Польска The Times”. («Польска», 26 мая)

• «“Войцех Ярузельский умер, приняв последнее причастие”, — сообщило вчера Католическое информационное агентство». («Факт», 27 мая)

• «Мои московские знакомые спрашивают меня, будет ли в посольстве Польши в Москве выставлена книга соборезнований. Они хотели бы выразить то, что они чувствуют в связи со смертью бывшего президента Польши, близкого им, как здесь говорят, “человека непростой судьбы”», — Вацлав Радзивинувич. («Газета выборча», 27 мая)

• «Войцех Ярузельский — фигура трагическая. (...) Это довольно характерный для той системы персонаж, отлично представлявший себе, на какую жестокость способны советские коммунисты. Он был до смерти напуганным человеком из интеллигентной, благородной семьи, поддавшийся страху и чудовищному давлению. (...) У меня к нему даже и особых претензий — то нет. Это была целая система, целый режим, не один Ярузельский был таким. Но он, безусловно, заслуживает уважения, поскольку ему пришлось наступить на горло собственной гордости, чтобы сесть за Круглый стол с преступниками, которых раньше он отправлял в тюрьмы. Для этого требуется определенная смелость», — Владислав Фрасынюк. («Дзенник газета правна», 26 мая)

• «В 1989 году Ярузельский отлично понимал, что Круглый стол будет крахом коммунизма, а не попыткой его спасения. Он знал систему изнутри. Но в тот момент патриотизм одержал верх над идеологией. И этим он отличался от других диктаторов того времени, таких, как Чаушеску или Хонеккер. Эти двое превратились в психопатов, окруженных придворными лизоблюдами, и жили в собственном иллюзорном мире, не замечая никого и ничего вокруг. Ярузельский таким не был, он считался с тем, чего хотел народ. Да и жил он скромно, не строил себе дворцов, как Чаушеску или Янукович, не был сталинистом вроде Хонеккера. (...) Много лет он был карьеристом и оппортунистом, как, например, в 1968 году, когда, будучи начальником Генерального штаба и министром национальной обороны, участвовал в интервенции в Чехословакию и антисемитской кампании, а два года спустя — в усмирении протестов на польском взморье. Но некоторые люди способны меняться и достойно принимать вызовы новой эпохи», — Ален Финкелькраут. («Жечпосполита», 26 мая)

• «У многих это в голове не укладывалось — месса за упокой души генерала Войцеха Ярузельского. За бывшего коммунистического диктатора и президента в военно-полевом соборе Войска Польского молилось множество людей. В

заупокойной службе приняли участие три польских президента — нынешний, Бронислав Коморовский, и два бывших, Александр Квасневский и Лех Валенса. (...) Кроме них, на траурной церемонии появились министр национальной обороны Томаш Семомяк, посол Российской Федерации Александр Алексеев и посол США Стивен Мулл (...). Мессу отслужил архиепископ Юзеф Гуздек, полевой епископ Войска Польского (...). Сослужили, в частности, о. Адам Бонецкий и свящ. Войцех Леманский. С прощальным словом к собравшимся в соборе обратился президент Бронислав Коморовский (...). “Я хочу искренне и от всего сердца сказать: пусть ему польская земля будет пухом”, — заявил президент». (Камиль Шевчик, «Супер Экспресс», 30 мая)

• Фрагменты прощального слова президента Бронислава Коморовского: «Сегодня я прощаюсь с Войцехом Ярузельским, человеком, который был президентом Польши в переломный момент ее истории, политиком, внесшим существенный вклад в то, чтобы наша страна смогла пойти по дороге глобальных системных реформ после выборов 1989 года. Как главнокомандующий, я прощаюсь с заслуженным солдатом-фронтовиком, который на поле боя с гитлеровскими захватчиками показал беспримерное мужество и любовь к Отчизне. (...) Как представитель поколения «Солидарности» я прощаюсь (...) с человеком, взвалившим на себя всю тяжесть ответственности за самое трудное и, быть может, самое трагическое политическое решение за всю послевоенную историю Польши». («Газета wyborcza», 31 мая)

• «59% поляков считают, что проведение церемонии похорон Войцеха Ярузельского, которая состоялась на Воинском кладбище Повонзки, на государственном уровне — это правильное решение, и лишь 32% придерживаются противоположного мнения, сообщает Институт исследования рыночных и общественных отношений «Homo Homini». (...) Несовпадение во взглядах отчетливо проявилось в пятницу, на похоронах генерала. Во время заупокойной мессы и после ее окончания несколько десятков человек перед собором Войска Польского провело манифестацию с резким осуждением личности покойного. (...) Еще сильнее раскол обозначился на кладбище. Когда гроб с останками последнего руководителя ПНР (и первого президента Третьей Речи Посполитой — В.К.) опускали в могилу, раздался свист и крики “Позор!”. Противников генерала от погребальной процессии отделяли полицейские кордоны». (Янина Бликовская, «Жечпосполита», 2 июня)

• «Профессор Ежи Эйслер в своей новой книге (...) заявляет: “Почти ежегодно публикуются результаты опросов, неизменно демонстрирующие, что большинство поляков вовсе не дает однозначно негативной оценки военному положению в Польше, соглашаясь с правотой генерала Ярузельского, принявшего такое решение”. Далее он пишет: “Ничего удивительного, что для значительной части польского общества генерал Ярузельский остается национальным героем, одной из ключевых фигур в послевоенной истории Польши и выдающимся политиком. Другая же часть общественности, в свою очередь, видит в нем жестокого и циничного коммуниста в военной форме, предателя, усердно отстаивавшего лишь интересы Кремля”», — Даниэль Пассент. («Политика», 28 мая – 3 июня)

• «Краткий годовой отчет министра иностранных дел Радослава Сикорского. (...) Важнейшая перемена: в связи с украинским кризисом приоритетным направлением польской внешней политики является обеспечение безопасности. (...) Брюссель прислушивается к мнению Варшавы, поскольку Польша не впадает в русофобию и хорошо играет в команде — четко формулирует свою позицию, но при этом отдает себе отчет в ограничениях, неизбежных для общей политики 28 европейских стран, и именно в этих рамках ищет эффективные решения возникающих проблем. (...) В ЕС Сикорского считают одним из лучших европейских министров иностранных дел». (Вавжинец Смочинский, «Политика», 14–20 мая)

• «“Напряженная ситуация на Востоке и попытки разделить Украину будут иметь последствия и для Польши. Все организационные принципы, касающиеся мобилизации, особенно в приграничных воеводствах, остаются в силе. (...) Предупреждения относительно возможных провокаций и попыток нанести удар по репутации польского государства, о которых необходимо постоянно помнить, также остаются в силе”, — подчеркнул вчера премьер-министр Дональд Туск на встрече с воеводами». («Газета wyborcza», 13 мая)

• «В тексте польской конституции заложена цивилизационная основа нашей жизни: “Прирожденное и неотъемлемое достоинство человека есть источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и защита являются обязанностью публичных властей”. (...) Благодаря этому фундаментальному комплексу ценностей и норм мы можем позволить себе думать так, как нам нравится, делать все, что не ограничивает свободу другого человека, можем открыто верить

в Бога, можем публично высказываться по вопросам, которые считаем важными. (...) В такой ситуации, как сейчас, когда одно из соседних государств воюет против этих ценностей и норм, мы начинаем осознавать, насколько важны они для нашей общественной жизни. Благодаря Путину мы пережили откровение: вне этих принципов и ценностей жить нельзя. (...) Наш страх перед Путиным связан с тем, что Запад вдруг столкнулся с чем-то абсолютно непонятным для большинства из нас. Россия признает другие нормы и ценности, там действует совершенно иной моральный кодекс, эта страна иначе видит смысл и содержание политической деятельности. Это чуждая нам цивилизация, поэтому она ведет себя по отношению к нам столь враждебно. Вот почему этот страх в значительной мере обоснован. Призрак цивилизационного конфликта показал нам наши слабые стороны: асимметрию евроатлантического единства, нежелание рисковать, потребительское отношение к жизни, уничтожающее человеческую личность...», — Кшиштоф Рак. («Жечпосполита», 17–18 мая)

- «Мы очень рады, что украинский вице-премьер Владимир Гройсман согласовывает свои предложения относительно децентрализации с послом Польши Мартином Свенцицким, пользуясь при этом поддержкой нашего правительства и опираясь на те модели, которые уже были опробованы в Польше. (...) В этой ситуации меньше всего меня беспокоит реакция России на европейские амбиции украинского общества», — министр иностранных дел Радослав Сикорский. («Жечпосполита», 29 мая)

- «Искрой, благодаря которой вспыхнуло пламя революции [на Майдане], была вера украинцев в то, что в Европе нас ждут, равно как и инициированная Польшей идея «Восточного партнерства». (...) Путин отлично знает, какую огромную роль здесь сыграла Польша. И этого он вам не простит», — Юрий Луценко, советник и.о. президента Украины Александра Турчинова. («Жечпосполита», 16 мая)

- «“Чего хотят русские?” (...) на эту тему подробно высказался глава московского Института стратегических оценок Александр Коновалов. Главный интерес для России представляют современные авиационные двигатели с цифровым управлением для вертолетов и реактивных самолетов (компания «Мотор Сич», Запорожье), а также газотурбинные двигатели нового поколения для кораблей и судов на воздушной подушке (предприятие «Зоря»-«Машпроект» в Николаеве). (...) В сфере интересов Москвы также находятся

следующие предприятия: Черноморский судостроительный завод в Николаеве — единственное на постсоветском пространстве предприятие, способное выпускать авианосцы, Южный машиностроительный завод («Южмаш»), на котором производятся, в частности, стратегические ракеты РС-20 «Воевода», а также киевское авиастроительное предприятие «Антонов». (...) Президент Путин во время встречи с главами российских регионов официально пригласил в Россию всех специалистов украинского военно-промышленного комплекса. (...) «Мы предоставим им жилье и достойное вознаграждение», — пообещал он. (...) С весны этого года американцы интенсивно изучают технологические возможности ракетных заводов Харькова и Днепропетровска. 80% российских баллистических снарядов производится на украинских предприятиях». (Мария Пшеломец, «Польска збройна», июнь). (...) «Президент Американской торговой палаты в Украине Бернارد Кейси заявил, что США планируют инвестировать около 10 млрд долларов в развитие украинской космической промышленности, технологические достижения которой уже сегодня используются при строительстве американских летательных аппаратов. (...) Днепропетровские заводы «Южмаш» и «Южное» занимаются разработкой и изготовлением системы подачи топлива для американской ракеты-носителя «Антарес» первой ступени». (Войцех Лучак, «Рапорт: армия, техника, оборона», май)

• «Агенты ФСБ, которые задержали меня в ресторане «Диван» в центре Симферополя и затем подвергли многочасовому допросу, предъявляли мне претензии в том, что я встречаюсь здесь, в первую очередь, с крымскими татарами. И были очень удивлены, когда я обратил их внимание на то обстоятельство, что в момент задержания я сидел за одним столом с украинцами. Для них «славяне» — это, прежде всего, россияне. Украинцев же они считают «фашистами»», — из Симферополя Вацлав Радзивиллович. («Газета wyborча», 24–25 мая)

• «Пророссийские сепаратисты (...) похитили в Донецке польского священника Павла Витека. (...) В переговорах об освобождении священника принял участие польский консул в Донецке Якуб Волансевич — последний и единственный представитель западной дипломатии в этом городе. (...) Вчера, во второй половине дня, стало известно об освобождении священника», — из Киева Збигнев Парафянович и Михал Потоцкий. («Дзенник — Газета правна», 29 мая)

• «В последние месяцы украинские журналисты стали объектом многочисленных нападений со стороны спецслужб,

«неизвестных злоумышленников», российских военных и пророссийских журналистов. Свыше 160 сотрудников украинских СМИ были ранены, двое погибли, многие лишились профессионального оборудования. (...) Общество польских журналистов объявило сбор средств для своих украинских коллег. Собранные деньги будут переданы украинским партнерским организациям для последующего распределения среди потерпевших». («Впрост», 12–18 мая)

• «В интересах Польши всячески поощрять европейские амбиции Украины, а в интересах России — противодействовать политике новых киевских властей. Было бы замечательно, если бы Польша стала своего рода представителем Украины в ЕС, сохраняя при этом реалистический подход к оценке России и ее политики. Мы также должны всячески поддерживать стремление части украинского общества к интеграции с ЕС. При этом ни в коем случае нельзя допустить, чтобы украинцы оказались обмануты в своих надеждах относительно грядущего вступления Украины в Евросоюз», — Александр Халль. («Жечпосполита», 16 мая)

• «“План включения Украины в ЕС, а затем и в НАТО, преследует своей целью окружить Россию со всех возможных сторон. Сознательная часть польского народа, не поддающаяся лжи, а также политическим и медийным манипуляциям, видит в этих действиях серьезную угрозу для всех славян!” — это цитата из «Открытого письма к российскому народу и властям Российской Федерации». Письмо подписали, в частности, бывший профессор Краковской политехники Ян Шарлинский, адвокаты Рышард Парульский и Мариан Баранский, бывший депутат от партии «Самооборона» Здислав Янковский, Зигмунт Вжодак (бывший депутат от партии «Лига польских семей» и бывший член Национальной комиссии независимого профсоюза «Солидарность»), а также профессор Анна Разьны, заведующая кафедрой современной русской культуры Института России и Восточной Европы на факультете международных и политических исследований Ягеллонского университета. (...) Подписанты призывают российское руководство “не уступать властям и общественным организациям западных стран, в том числе польским”. (...) И далее: “Тысячи поляков, лишенных доступа к СМИ, солидарны с властями Российской Федерации. Мы особенно высоко ценим положительную роль г-на президента Владимира Путина”». («Газета wyborча», 17–18 мая)

• «Профессор Анна Разьны (...) до 2012 г. возглавляла весь Институт России и Восточной Европы. Во время ее руководства

институт тесно сотрудничал с фондом «Русский мир». Это фонд был создан в 2007 г. указом Владимира Путина. (...) В совете фонда состоит министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, а президентом фонда является Вячеслав Никонов, депутат Государственной Думы, бывший советник председателя КГБ, внук Вячеслава Молотова». (Анна Грабек, «Жечпосполита», 20 мая)

- «Анна Разьны состояла в «Лиге польских семей», а в 2008–12 гг. возглавляла политсовет этой партии. Много лет сотрудничает с телеканалом «Трвам», принадлежащим о. Тадеушу Рыдзыку. (...) Кроме того, она является членом научного совета Высшей школы общественной и медийной культуры, чью деятельность также курирует о. Рыдзык. (...) На этой неделе совет факультета международных исследований Ягеллонского университета тайным голосованием отказал Анне Разьны в ее просьбе о продолжении сотрудничества с университетом». (Марта Пеха, «Польска», 23–25 мая)

- «В Донецк (...) приехал Бартош Бекер, лидер радикальной националистической организации «Фаланга». Он принял участие в пророссийском митинге. (...) В Донецке Бекер находится по приглашению самопровозглашенной Донецкой народной республики». (Войцех Муха, «Газета Польска цодзенне», 30 мая)

- «Партия «Избирательная акция поляков Литвы» уже много лет тесно сотрудничает с литовской же партией «Русский альянс». Во время последней предвыборной кампании лидер «Избирательной акции» Вальдемар Томашевский боролся за голоса избирателей довольно странным образом. Он неоднократно публично ставил под сомнение легальность нового украинского правительства, утверждая, что в Киеве произошел государственный переворот. В то время, пока Литва обеспокоена собственной безопасностью, а НАТО увеличивает количество самолетов, охраняющих небо над странами Балтии, Томашевский принял участие в праздновании Дня победы, организованном российским посольством, прицепив к лацкану пиджака «георгиевскую ленточку». Сложно сказать, удалось ли ему этими жестами заработать дополнительные голоса на выборах, но нет никаких сомнений в том, что Томашевский смог существенно подпортить имидж поляков в Литве». (Из Вильнюса Агнешка Филипьяк, «Газета выборча», 24–25 мая)

- «Президент Литвы Даля Грибаускайте выступила против оригинального написания фамилий в документах и двуязычных табличек с названиями улиц. (...) На воскресных выборах в Европарламент «Избирательная акция поляков

Литвы» в коалиции с партией «Русский альянс» получила 8,06% голосов (один мандат). Вальдемар Томашевский, новый депутат Европарламента пообещал, что в Брюсселе он будет отстаивать интересы национальных меньшинств». (Из Вильнюса Агнешка Филипьяк, «Газета выборча», 27 мая)

- В Польше на прошедших в воскресенье выборах в Европейский парламент «Гражданская платформа» получила 32,13% голосов (19 мандатов), «Право и справедливость» — 31,78% (19 мандатов), коалиция Союз демократических сил и «Унии труда» — 9,44% (5 мандатов), «Конгресс новых правых» — 7,15% (4 мандата), крестьянская партия ПСЛ — 6,80% (4 мандата). Больше всего голосов набрали два европарламентария предыдущего созыва — Ежи Бузек (254 319 голосов) и Данута Хюбнер (225 546 голосов). Явка составила 23,82%; пять лет назад она была чуть выше — 24,5%, а на самых первых выборах в Европарламент составляла 20,9%. (по материалам «Жечпосполитой» от 27 мая)

- «“Польше пришлось не только привести свое законодательство в соответствие с нормами европейского права, но и существенно пересмотреть правоприменительную практику с учетом всё тех же европейских традиций. Для польских чиновников это был самый настоящий культурный шок”, — заметил Ярослав Петрас, глава Генерального секретариата Совета ЕС, на вчерашней конференции в Национальной школе государственного управления (НШГУ). (...) “Уже не раз Европейской комиссии приходилось буквально спасать польских госслужащих от вмешательства политиков в их деятельность. Можно с уверенностью сказать, что ЕС является своего рода гарантом независимости чиновников”, — заявил Ян Паства, директор НШГУ. (...) Польские госслужащие получают необходимый опыт работы в структурах ЕС. В самой крупной и наиболее представительной из них — Европейской комиссии — трудится около 1 440 поляков». («Жечпосполита», 20 мая)

- «После десяти лет нахождения Польши в ЕС (...) польский ВВП вырос с 884 млрд злотых до 1 600 млрд злотых, (...) а его среднегодовой рост составил 4%. (...) Средняя зарплата «чистыми» в сфере частного предпринимательства в марте 2014 г. впервые превысила 1 тыс. евро, в то время как в 2004 г. ее размер составлял лишь 530 евро. (...) Доходы же аграриев выросли втрое». (Марек Мейсснер, «Жечпосполита», 9 мая)

- «Сравнительно высокому росту экономических показателей в Польше в 2004–2013 гг. (4% в год по отношению к 1% в ЕС-27), а также тому, что польской экономике удалось избежать

рецессии в кризисные 2009–2010 гг., в значительной мере поспособствовали деньги Евросоюза. По нашим оценкам, около 20% среднегодового роста стало результатом совместного с ЕС инвестирования. (...) Наш ВВП составил 67% от среднеевропейского. (...) На 8% вырос показатель занятости поляков в возрасте от 20 до 64 лет. (...) Мы полагаем, что рост этого показателя почти на половину зависел от финансовых вливаний из фондов ЕС. (...) Благодаря деньгам Евросоюза в 2004–2013 гг. количество работающих поляков в возрасте от 20 до 64 лет выросло примерно на 800 тыс. человек. Почти 250 тыс. человек благодаря дотациям либо льготному кредитованию открыли собственный бизнес», — вице-премьер и министр инфраструктуры и развития Эльжбета Беньковская. («Польска», 30 мая — 1 июня)

• «В первом квартале 2014 г. польский ВВП увеличился на 3,4%. Это один из лучших показателей в Европе: увеличился не только экспорт, но и спрос внутри страны, также вырос объем инвестиций. В прошлом году рост ВВП составил 1,6%». («Тыгодник повшехный», 8 июня)

• «В 2013 г. государственные расходы по отношению к ВВП были самыми низкими в истории польской экономики (при условии, если вычесть из общей суммы средства ЕС). (...) Правительство прогнозирует, что до 2017 г. (...) государственные расходы окажутся ниже 39% ВВП. (...) Начиная с 2010 г. расходы по отношению к ВВП снижаются более чем на 1% ВВП ежегодно. Такие темпы должны сохраниться до 2017 года, после чего снижение составит почти 7% ВВП в год». (Марек Хондзинский, Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 14 мая)

• Европейский банк реконструкции и развития «в 2013 г. инвестировал в польскую экономику 750 млн евро. (...) Президент банка Сума Чакрабартти (...) заявил, что финансирование будет сосредоточено на энергетическом секторе и приватизационных проектах». (Гжегож Семёнчик, «Жечпосполита», 16 мая)

• «Европейская комиссия представила новый проект энергетической стратегии, в котором нашло отражение большинство положений о создании энергетического союза, предложенных премьером Дональдом Туском. (...) Еврокомиссия, однако, не приняла предложение о создании системы общего импорта газа для обеспечения потребностей всех стран ЕС. Тем не менее, эта идея еще будет проанализирована Еврокомиссией; пока что в Брюсселе дан «зеленый свет» созданию государствами ЕС региональных

консорциумов для закупок газа». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 29 мая)

• «ЕС производит всего лишь 10% мировой эмиссии углекислого газа. За последние 20–30 лет степень участия стран Евросоюза в эмиссии углекислого газа снизилась примерно на 5%, в том числе благодаря переводу транспорта на электрический привод и уменьшению экономической роли угольных электростанций. Следовательно, исходя из содержания климатического пакта ЕС, Польша может себе позволить активизировать строительство угольных электростанций», — Станислав Гомулка. («Жечпосполита», 16 мая)

• «Наши запасы угля невероятно велики. (...) На околошахтных отвалах находится около 6 млн тонн угля. (...) Если совсем недавно тонна энергетического угля стоила 170 долларов, то сегодня она стоит около 70 долларов. (...) В случае с коксовым углем ситуация похожа: стоимость одной тонны такого угля снизилась с 300 до 140 долларов. (...) Польские шахты устанавливают свою надбавку, поскольку несут большие расходы: средняя стоимость такой угледобычи составляет около ста долларов. (...) Польский уголь все больше вытесняется импортным, более дешевым. (...) В прошлом году в Польшу было завезено более 10 млн тонн импортного угля. (...) Польская энергетическая система построена на каменном и буром угле. 80% добываемого каменного угля направляются на электростанции и теплоцентрали. (...) Существует негласная инструкция, руководствуясь которой, государственные энергетические компании покупают дорогой польский уголь, чтобы спасти шахты от банкротства. (...) Уже сегодня некоторые электростанции, работающие на угле, пора останавливать, поскольку их производство совершенно убыточно». (Адам Гжешак, «Политика», 14–20 мая)

• «За последние десять лет глобальная конкурентоспособность польской экономики существенно снизилась. Одновременно у нас на 90% подорожала энергия, а стоимость газа для нужд промышленности выросла на целых 175%. Как следствие, себестоимость производимых товаров в Польше сегодня даже чуть выше, чем в США. (...) Такие выводы содержатся в последнем отчете “The Boston Consulting Group”». («Жечпосполита», 20 мая)

• «Под Губином и Бродами, возле границы с Германией, находятся запасы бурого угля объемом 1,6 млрд тонн. Концессию на их добычу рассчитывает получить «Энергетическое предприятие “Губин”». (...) Инвестиционный проект лаконичен: строительство шахты по добыче бурого угля

и электростанции мощностью 1800–2700 МВт. (...) Европейский Гринпис решил не допустить реализации этого проекта. “Мы будем бороться до конца”, — пообещал Мацей Мускат, директор «Гринпис-Польша». (...) Защитники природы намерены обратиться с жалобой на действия инвесторов в Европейскую комиссию. (...) 22 мая в Любушском воеводстве находился Дональд Туск, который поддержал планы энергетиков». («Газета wyborча», 28 мая)

• «Европейская комиссия обвиняет Польшу в использовании устаревших методик предотвращения наводнений, а также в игнорировании директив ЕС, согласно которым одним из главных условий борьбы с наводнениями должна быть минимизация возможного вреда, наносимого окружающей среде. (...) Соответствующая жалоба Европейской комиссии будет в скором времени рассмотрена Европейским судом. Чиновники Евросоюза с 2008 г. добиваются от Польши практического соблюдения Рамочной Директивы ЕС по водной политике. (...) Размер штрафа может составить 133 тыс. евро за каждый день просрочки внедрения Польшей соответствующих правил ЕС. (...) Возможно, принципиальная позиция Европейской комиссии предотвратит гибель польских рек. (...) Согласно докладу Всемирного фонда дикой природы, если мелиоративные работы не будут остановлены, то до 2015 г. углублению будут подвергнуты 27 тыс. км рек. Это, в свою очередь, приведет к увеличению скорости течения, а последствия засухи и паводков будут гораздо более серьезными, чем сейчас». (Михал Оконский, Адам Вайрак, «Газета wyborча», 14 мая)

• «В прошлом году государство проиграло 110 судебных процессов, заплатив в рамках возмещения ущерба, причиненного действиями чиновников, 400 млн злотых. Только в связи с исками о возмещении вреда к органам государственного казначейства из бюджета пришлось выплатить 14,7 млн злотых, а также проценты на ту же сумму. Ежегодно в суды поступает около 5 тыс. очередных исков, из которых несколько сотен связаны с контрольной деятельностью органов казначейства. Общая сумма исковых требований, зарегистрированных в прошлом году, составила 10,5 млрд злотых, при этом почти 270 млн злотых пришлось на те требования, ответчиком по которым выступают органы казначейства». (Виолетта Красновская, «Политика», 4–10 июня)

• «Вчера во Дворце культуры и науки в Варшаве состоялся II Конгресс «Непобедимых-2012». Эта общественная организация

объединяет людей, пострадавших от действий чиновников и органов правосудия. (...) Как вернуть этим людям веру в справедливость? Об этом рассуждали специально приглашенные эксперты: бывший председатель Конституционного суда Ежи Стемпень (...), создатель Форума гражданского развития Лешек Бальцерович (...) и Анджей Садовский из Центра им. Адама Смита (...). Приглашения на конгресс были разосланы депутатам, сенаторам, премьер-министру, президенту, руководителям министерств и ведомств. (...) Однако на мероприятии появились лишь представитель канцелярии президента и заместитель Уполномоченного по правам человека». (Янина Буковская, «Жечпосполита», 14 мая)

• Название общественного движения «Непобедимые-2012» связано с тем, что «в марте 2012 г. встретились 20 человек, каждый из которых в свое время стал жертвой польской государственной машины: одному без всякого на то основания прокуратура предъявила серьезное обвинение, другой был арестован с целью давления и получения показаний, в отношении третьего судом был вынесен несправедливый приговор и так далее. (...) Все мы в той или иной степени были вынуждены столкнуться с государством, нарушившим наши права. (...) В наши ряды вступило уже несколько тысяч человек. (...) Прибавьте к ним еще и семьи пострадавших, а также тех, кто боится предавать свои проблемы гласности. (...) Думаю, что в движении участвует не менее полутора десятка тысяч человек. (...) Сила чиновников основана на чувстве безнаказанности, а мы противопоставляем ей силу, источником которой служит ощущение несправедливости. (...) Большинство из нас занимается этой общественной деятельностью не для того, чтобы вернуть потерянное имущество или деньги, а ради торжества справедливости. (...) Многим из нас в какой-то степени сломали жизнь, так что неудивительно, что люди требуют от государства определенной компенсации», — говорит Мартин Колодзейчик. («Жечпосполита», 13 мая)

• «Профессор Кристина Иглицкая (...) считает, что основной причиной, по которой эмигранты-поляки не хотят возвращаться на родину, является отсутствие чувства безопасности. Речь идет о безопасности финансовой и социальной, безопасности на рынке труда и в отношениях с государством. Обобщая, можно сказать, что это такое состояние, когда человек, находясь в собственной стране, не чувствует себя в чужой, враждебной среде, объясняет профессор Иглицкая. (...) Наш предыдущий опыт эмиграции

показывает, что мы всегда сторонились чужих. Теперь же мы уезжаем из Польши, которая, формально оставаясь нашей, сама стала чужой». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 10–11 мая)

• «“Количество поляков, желающих получить гражданство Великобритании, с 2010 г. постоянно растет. После граждан Индии мы вторая по величине этническая группа резидентов, — комментирует Конрад Ягодзинский, пресс-секретарь польского посольства. — Сегодня в Великобритании проживает около 600 тыс. поляков — это в десять раз больше, чем в 2004 году”. Количество поляков, получивших британское гражданство: в 2009 г. — 458, в 2010 г. — 1 419, в 2011 г. — 1 863, в 2012 г. — 3 043, в 2013 г. — 6 066. Источник: “Home Office”». («Жечпосполита», 30 мая)

• «27-летний Труонг, целый год содержавшийся в центре для иностранцев в Белостоке, пытался воткнуть себе в живот обрезок стали, чтобы избежать депортации. Попытка успехом не увенчалась. Вечером польские пограничники посадили его в самолет. (...) Несколько недель назад он был допрошен сотрудниками вьетнамских органов безопасности, с которыми наше МВД сотрудничает уже много лет. (...) Обычно те лица, которых в Польше допрашивают вьетнамские спецслужбы, депортируются ускоренными темпами — так поляки стирают следы этого позорного сотрудничества», — говорит Роберт Кшиштоф из польского «Общества свободного слова». (Якуб Медек, «Газета wyborcza», 31 мая)

• «Сотрудница маршалковского управления в Кельце перешла в ислам в 2008 году. В апреле 2013 г. она была уволена с работы в дисциплинарном порядке. Районная прокуратура возбудила следствие по данному факту, поскольку подозревает, что здесь не обошлось без нарушения прав работника и дискриминации в связи с вероисповеданием». («Газета wyborcza», 4 июня)

• «“Дьявол — отец евреев?” — так звучит название необычной книги с подзаголовком “Несколько слов на тему иудео-христианского диалога”. Это увесистый сборник статей о Михала Чайковского, которые он публиковал годами, развивая одну и ту же, заявленную в названии книги тему: 24 раздела, 1 064 страницы! (Издательство “Европейская образовательная коллегия в Варшаве”, 2013), — Йонаш. (»Газета wyborcza», 24–25 мая)

• «Кшиштоф Чижевский, основатель центра «Пограничье» в Сейнах, получил в Тель-Авиве премию Дана Давида, которую называют «израильской Нобелевской премией». (...) Именно «Пограничье» издало в 2000 г. книгу Томаша Гросса «Соседи»,

вызвавшую большой резонанс и ставшую поводом для широкой дискуссии относительно польско-еврейских отношений и общего прошлого поляков и евреев». («Политика», 21-27 мая)

- «В начальной школе № 166 на улице Житной будут сформированы мультикультурные классы с дополнительным изучением иврита и еврейских традиций. Это первая государственная начальная школа такого рода в Варшаве. В ней учатся дети мусульман из Чечни, а также ученики вьетнамского, украинского, белорусского, казахского происхождения...». («Газета wyborcza», 26 мая)

- «В понедельник суд Вроцлава приговорил Давида Гашинского, руководителя вроцлавского отделения партии «Национальное возрождение Польши» (НВП), к 20 дням ареста, а лидера футбольных болельщиков «Шлёнска» Романа Зелинского — к штрафу размером 5 тыс. злотых. Остальные экстремисты были наказаны штрафами от 1 000 до 5 000 злотых, а также арестами на срок до 30 дней. В июне 2013 г. около сотни членов НВП и футбольных фанатов ворвались на лекцию профессора Зигмунта Баумана во Вроцлавском университете. (...) На суде обвиняемые заявили, что сделали это из патриотических побуждений». («Газета wyborcza», 20 мая)

- Анна Низимек «ноябрьским днем 1943 года появилась в нашей львовской квартире, сказав моей бабушке, Эмилии Пайгерт: “Простите, я еврейка...”», на что та ответила: “Всё в порядке, малышка, будь как дома”. Так началась наша дружба, наша близость и наша история, так тесно переплетенная с тяжелой и мрачной историей войны и Холокоста», — Адам Пайгерт. («Газета wyborcza», 16 мая)

- «Выросло количество уголовных дел, возбужденных в связи с преступлениями, основным мотивом которых стала расовая и национальная ненависть. В 2000–2003 гг. прокуратура зарегистрировала в общей сложности 35 таких правонарушений, зато в 2012 г. их количество уже составило 362 подобных эпизода». («Жечпосполита», 4 июня)

- «Подробные схемы вентиляции, электропроводки и даже размещения противопожарного оборудования в резиденции главы республики Польша, президента Бронислава Коморовского, можно без труда отыскать в интернете. Эти данные там разместила Канцелярия президента, которая объявила конкурс на выполнение ремонтных работ в этих помещениях. (...) На плане электропроводки можно найти подробный проект ящика с предохранителями, (...)

информацию относительно источников питания электропроводки и аварийной системы, здесь же находится схема вентиляции. (...) Кроме планировки помещений, в сети также размещены проекты шкафов-купе, кухонной мебели и туалетной комнаты. К документам приложен план территории, прилегающей к президентскому дворцу и Бюро национальной безопасности, на котором обозначено буквально каждое дерево». (Виктор Ферлецкий, «Жечпосполита», 16 мая)

- «Опольский суд под угрозой ликвидации обязал «Общество силезцев» сменить название организации, а также внести ряд изменений в устав. Эти обязательства наложены на общественников в рамках исполнения решения Верховного суда, принятого еще в прошлом году. Верховный суд пришел к выводу, что формулировки «силезец» и «силезский народ», присутствующие в названии и уставе организации, противоречат статье 3 Конституции Польши. По мнению Верховного суда, они вводят граждан в заблуждение относительно реального существования такой национальности, как “силезец”». («Жечпосполита», 13 мая)

- «У нас любят рассуждать о том, что пруссы подверглись онемечиванию, жители Российской империи — русификации, но никто не вспоминает, что мы то же самое проделывали с литовцами, украинцами, белорусами, лемками. Мы всячески угнетали и душили всех, кто был слабее нас. (...) Моя цель, также как и цель большинства героев всех моих книг — построить такое общество, где люди не убивают друг друга (...). Я здесь родился, я хочу здесь жить, и если события примут совсем уж скверный оборот, самое худшее, что может со мной случиться, это оказаться в “ничто”, где ждет меня “никто”, — Игнаций Карпович, чей новый роман «Сонька» уже поступил в продажу. («Газета выборча», 24–25 мая)

- «Арборист ухаживает за отдельным деревом или целой группой деревьев с момента их посадки и до естественной гибели. (...) Когда в стране сменилась система, что открыло новые возможности, мы с друзьями основали фирму «Эко-Трек», которая вот уже пять лет занимается уходом за деревьями, их охраной и профилактической вырубкой. Я решил заниматься исключительно деревьями. (...) Четыре года назад я и мои знакомые открыли три отделения Польской школы арбористики — вроцлавское, бельское и великопольское. (...) Я стараюсь оберегать деревья и поддерживать их рост. В социалистической Польше их с присущей тем временам беспечностью всюду рубили на дрова, уничтожая вековые экземпляры в старинных парках. (...) Но то, что происходит

сейчас, беспокоит меня еще больше. С лица земли исчезают целые аллеи, появившиеся еще в те времена, когда люди ездили в каретах. (...) К сожалению, мне не удалось отговорить вроцлавского инвестора от вырубки столетнего дуба, и я считаю это своим личным поражением. (...) Мне хотелось бы, чтобы тема уважения к деревьям поднималась как можно чаще, вот почему мне и пришла в голову идея создать Федерацию польских арбористов. Эта организация объединяет полсотни человек, от садоводов до юристов, занимающихся охраной природы», — Ежи Столярчик.

ГДЕ СЕГОДНЯ ОБИТАЕТ ЦЕНЗУРА?

В начале июня, в 25-ю годовщину первых полусвободных выборов после падения коммунизма в Польше, в варшавском сквере Свободного слова президент Бронислав Коморовский и группа издателей, полиграфистов и распространителей прежнего самиздата совместно открыли памятник, посвященный достижениям независимого издательского движения. Скульптура в форме тянущегося вдоль площади развернутого листа бумаги увековечивает труд тех, кто во времена тоталитарного порабощения мысли и слова отказал в послушании коммунистическому государству и решил не принимать к сведению законодательных ограничений, наложенных на средства массовой информации. Никакая власть не имеет права лицензировать ни мышление, ни высказывания – посчитали бунтари и создали в Польше 70-х–80-х годов гигантскую, охватившую всю страну сеть конспиративных издательств, редакций, а впоследствии даже радиостанций.

Место для июньской церемонии было выбрано не случайно — в коммунистические времена в здании, стоявшем близ этого сквера, размещалась штаб-квартира государственной предварительной цензуры, которая контролировала содержание всех материалов, подготовленных к печати в Польше, спектаклей, фильмов и публичных выступлений. Тесное и непрактичное здание прежней цензуры недавно снесли, а на его месте появился офисный центр «Liberty Corner» — однако в его холле сохранили на память первоначальный каменный портал с высеченной надписью: «Главное управление контроля печати, публикаций и зрелищ».

Клио, муза истории, должно быть, изрядно позабавилась, глядя, как бывшие диссиденты, революционеры и бунтари толпятся на площадке перед зданием бывшего узилища мысли, открывая памятник свободному слову.

В то же самое время в Польше уже вовсю раскручивался скандал вокруг Международного театрального фестиваля «Мальта 2014». Это мероприятие, которое ежегодно проходит в Познани, стало одним из важнейших культурных событий на карте Центрально-восточной Европы. В этом году в его

программе оказался — а на самом деле должен был оказаться — спектакль «Пикник на Голгофе» аргентинского режиссера и драматурга Родриго Гарсиа.

Анонс о спектакле вызвал ярость в католических и правых кругах: «Это порнографический пасквиль на Иисуса Христа»! Посыпались обвинения в кощунстве и оскорблении религиозных чувств.

Глава польского епископата архиепископ Станислав Гондецкий написал директору «Мальты» Михалу Мерчинскому: «Спектакль повсеместно воспринимается как кощунственный и самым непристойным образом высмеивающий то, что для христиан является величайшей святыней. Выступающие обнаженными актеры глумятся над Страстями Господними, а все в целом пронизано порнографическими ссылками на Святое Писание».

К протестам подключились политики, представляющие националистическое и католическое правое крыло, на интернет-порталах этого лагеря появились призывы к демонстрации и блокированию театрального зала, чтобы сделать невозможной показ спектакля.

Ясное дело, представления никто из протестующих не видел. Впрочем, не только этого. Немалая часть оскорбленных, наверняка, не видела ни одного театрального спектакля. В лагере протестующих широко представлены сообщества футбольных болельщиков и хулиганствующих националистов.

Городским властям поступило уведомление, что перед зданием, в котором должен был быть показан спектакль, состоится демонстрация; организаторы ожидают участия нескольких десятков тысяч человек.

— Мы передали организаторам фестиваля сигнал, что объявленная манифестация на 50 тыс. участников несет в себе определенную опасность. Мы предложили изменить дату и место представления, — сказал представитель полиции Великопольши Анджей Боровяк.

20 июня спектакль отменили. Директор фестиваля «Мальта 2014» опубликовал заявление:

«Мы действуем, ощущая ответственность за наших зрителей, гостей и артистов, а также жителей Познани. Кроме того, мы в очередной раз подчеркиваем, что спектакль не имеет антихристианского звучания. Именно в этом его обвиняют

глухие к каким-либо рациональным аргументам радикальные католические круги. Нападкам подвергаемся мы как фестиваль, нападкам подвергается режиссер — Родриго Гарсиа, нападкам подвергаются сотрудники фестиваля и Культурного центра «Замок», которые получают письма и звонки с угрозами. Яростному преследованию фестиваля сопутствует то, чего мы не можем игнорировать — опасность возможного нападения на зрителей, актеров, наших гостей и жителей Познани».

— Вначале было свободное слово, — сказал президент Бронислав Коморовский во время торжественного открытия варшавского мемориала Свободного слова на площадке, рядом с которой когда-то располагалась коммунистическая цензура.

Интересно, где за следующим поворотом истории поставим мы очередной памятник. У нынешней цензуры нет никакого центра или штаб-квартиры. Она разметана и рассеяна в пространстве, она обитает в головах миллионов. Так какую же площадь мы выберем под памятник?

ИМПЕРИЯ НЕВОЗМУТИМОГО СПОКОЙСТВИЯ

Много денег и ноль приключений. Так можно подытожить десятилетие пребывания Польши в Евросоюзе. Десятилетие жизни в мире, где единственная цель — спокойствие и благосостояние. Именно это сильнее всего злит польских критиков Евросоюза — тривиальность европейского существования.

Недовольство присутствует по обе стороны польской политической сцены, хотя на правом фланге его значительно больше. Правым хотелось борьбы, хотелось приключений, хотелось бросить Россию на колени. Вместо этого они обнаружили пассивность и гнилые компромиссы. Кроме того, их неприятно поразила и озадачила натура Европы. Правые силы полагали, что Евросоюз состоит из наивных космополитов, которые не заботятся о своих национальных интересах, а значит их легко будет использовать для достижения польских целей. Когда они увидели, что дело обстоит иначе, то занялись маниакальным отслеживанием чужих национальных эгоизмов. Они со страстью срывают маски с других, обличая их в том, что сами считают единственно правильной позицией. Левое крыло тоже жалуется, особенно его интеллектуальные элиты. Они хотели принять участие в большом идеологическом проекте, тосковали по великим целям, а нашли только крупномасштабные интересы.

Все подобные разочарования возникли из-за недоразумения. Польша вступила в Евросоюз настолько поздно, что легенды, которые окружают евросоюзную политику, приняла за действительность. В первую очередь у нас поверили, что Евросоюз основывается на мечтах, на идеях. На самом же деле его идеология была плодом успехов, а вовсе не их фундаментом. И пружиной интеграции с самого начала выступали национальные интересы. Рассказ об отцах-основателях Евросоюза, которых пробирала метафизическая дрожь, когда они смотрели на военные разрушения, — это сказка. Будто бы в тот момент они внезапно почувствовали, что являются не только французами, немцами либо

итальянцами, но и европейцами. После чего решили создать новый порядок — без границ, без войн, без соперничества.

Де Голль или Аденауэр не отличались от своих предшественников, тому и другому были ведомы лишь национальные интересы. Причем оба сражались за них жестко и настойчиво. Новым оказалось лишь одно — сражались они мирно. Потому что были необычайно слабы — слабее, чем когда-либо прежде. Бывшие мировые державы пробуждались после войны разоренными, израненными, униженными и выброшенными во вторую лигу в том новом миропорядке, где условия диктовали Америка и Россия.

В рождении Евросоюза не было ни грамма содружественного лиризма. Французы после войны не хотели никакого сообщества, и уж точно не с Германией. Им хотелось ее дальнейшего раздела, а не восстановления. Хотелось brutальной экономической эксплуатации Германии и бессрочного отказа ей в государственном суверенитете. Но американцы настаивали на возрождении Германии, опасаясь беспорядков, из которых снова явится на свет фашизм или же на сей раз — коммунизм. Однако лишь развернутая Сталиным холодная война окончательно решила дело. Страх перед Россией привел к тому, что Германию начали восстанавливать. А Европу — интегрировать.

Но европейцы все это время действовали без тени сентиментальности. Знаменитое Европейское объединение угля и стали, с которого все и началось, было инструментом международного контроля над германскими ресурсами, вооружившими армию Гитлера. А также идеей Франции, как обеспечить себе доступ к немецкому углю, без которого французская экономика не могла стать на ноги после войны. Однако Германия соглашалась на все, так как благодаря этому приобретала международную легализацию.

Евросоюз родился в результате подсчета национальных выгод. Да и потом дела обстояли примерно так же. Это можно видеть, рассматривая как модель пример Франции, которая на протяжении долгих десятилетий выступала в качестве лидера объединяющейся Европы. Ее мотивы всегда носили ярко выраженный эгоистический характер. Она строила Евросоюз, чтобы построить саму себя. Проектировала его под собственные потребности. То были сны де Голля о возрождении французского могущества, о Франции, которая, стоя во главе Европы, окажется сильнее Америки. Де Голль говорил об этом открыто: «Европа служит для Франции средством, дабы

сделаться тем, чем она перестала быть со времен Ватерлоо: номером один в мире».

Французы долго блокировали принятие англичан в Объединение угля и стали, потому что не хотели делиться своей руководящей ролью. Причем делали это грубо, пренебрегая протестами других членов Объединения. Однако и в том, что Англия в конце концов очутилась в Объединении, решающую роль тоже сыграли эгоистические интересы. Малые государства приняли решение ослабить доминирование Франции, а французы в свою очередь перепугались быстро растущей германской экономики. И сочли, что все-таки нуждаются в англичанах, дабы совместно с ними уравнивать немцев.

Двойственность Евросоюза лучше всего обнаруживается на примере Франции. Когда в 60-х годах появились идеи о дальнейшей интеграции, Франция пригрозила выходом из вышеназванного Объединения. Бойкотировала всю его работу, любые совещания и встречи, в том числе на высшем уровне. Де Голль твердо заявлял, что существуют только государства, тогда как все остальное — это «миф». Вместе с тем та же самая Франция строила все более глубокое сообщество, поскольку увидела, что может черпать из него значительные выгоды. Что она способна вынудить других — иначе говоря, главным образом Германию, — чтобы те содержали французских крестьян и даже чтобы упомянутые «другие» выкладывали средства на французские колонии. И это привело к тому, что национальный эгоизм — в случае французов беспримерно алчный — стал строительным материалом для сильного сообщества.

Разумеется, в европейской политике с самого начала были и мечтатели, идеалисты, подлинные европейцы. Но решения принимали не они, а политики, которые — быть может, за исключением немцев — действовали в логике вовсе не европейской мечты, а национальной выгоды. Для политиков красивые слова всегда служили орнаментом и были знаменем, которое извлекалось лишь после того, как им удавалось обтяпать свои делишки. Это хорошо показало объединение Германии — событие, которое стерло с европейской политики всю пропагандистскую глазурь. Ибо оказалось, что, невзирая на 40 лет сотрудничества с Германией, ей по-прежнему никто не доверяет. Франция была подчеркнуто враждебна этому объединению, равно как Англия, да и Италия тоже. Все панически боялись могущества Германии. Гельмут Коль, однако, сыграл жестко, за спиной Евросоюза убедил Буша-

старшего, а потом подкупил Горбачева. Когда Миттеран сориентировался, что постепенно проигрывает, он предложил сделку — объединение взамен за введение общей валюты. Иными словами, большая Германия, но лишенная марки. Вопреки мнению большинства немцев Коль на это пошел, так как понимал, что недоверие соседей губительно для Германии.

Благодаря этому Германия, которая со времен Бисмарка была слишком велика для своего континента, нашла безопасную формулу для собственного потенциала. И таким способом родилось евро, наиболее яркий и выразительный жест объединенной Европы. Общая валюта возникла как следствие отнюдь не сантиментов, а холодной калькуляции. Интеграция не была духовной потребностью европейских государств, она всякий раз оказывалась самым лучшим решением национальных проблем. Евросоюз не являлся проектом, он рождался от случая к случаю.

Когда-то Адам Смит раздумывал над тем, как это возможно, что в капитализме — экономике, основанной на хаосе индивидуальных решений, — возникла столь эффективная система деятельности. И говорил про «невидимую руку рынка», которая все координирует. Аналогично, Гегель раздумывал над тем, как это возможно, что политиков терзают слепые страсти, но, тем не менее, после них остается все лучше и лучше устроенная действительность. И говорил о «лукавстве разума», управляющего историей и из-за кулис подталкивающего мир к лучшему. Так вот, нечто похожее уже полстолетия происходит в Европе. Политики остаются точно такими же, какими они были всегда, однако поступают они иначе. Потому что над их действиями нависают новые необходимости, которые изменили логику их поступков.

Оказалось, что хорошо скроенное сообщество приносит пользу всем игрокам. И крупным, и мелким. Это открытие внесло революционную динамику. И создало новый политический мир, в котором конфликт перестал приносить барыши. Дело обстоит вовсе не так, что Евросоюз изменил природу политики, — он изменил систему оценки интересов, лежащую в ее основе. Интеграция обрела крылья, когда оказалось, что от нее выигрывают все. Естественно, для этого понадобилось придумать правила, позволяющие выигрывать действительно всем. Два поколения политиков, юристов, бюрократов кропотливо шлифовали выгодные для всех принципы. Бельгийцы, голландцы и люксембуржцы отстаивали интересы малых государств, а немцы, французы и англичане учились взаимно уважать свои большие амбиции. В конечном итоге все

удалось, и это привело к тому, что Европа погрузилась в эйфорию. Она создала игру, где каждый выигрывает. Причем намного больше, чем сумел бы выиграть сам по себе, в одиночку. В итоге, руководствуясь эгоизмом, — но изобретательным и терпеливым, — Европа построила реальное сообщество.

Это сообщество вырвало ядовитые зубы у политики национальных государств. Оно изменило задиристые и скорые на драку государства — такие, как Франция, Германия или Англия, — превратив их в предсказуемых партнеров. В этом как раз и заключается феномен Евросоюза — с виду он вроде бы хлипкий, иллюзорный, ему еле-еле удастся скрывать национальные эгоизмы, но вместе с тем этот союз столь глубоко перепахал реалии, что лишил европейцев таких типичных для политики вещей, как хищность, агрессивность и воинственность. Ибо ведь политической диковиной ныне является никак не Россия, забирающая себе Крым, а Германия, у которой подобных мечтаний нет.

Польские правые круги в перемену не верят. И утверждают, будто те вещи, которые раньше делались открыто, сегодня творятся украдкой. Но это неправда. Сегодняшнее мягкое доминирование Германии или предшествующее положение Франции не имеют ничего общего с давними временами. Эгоизм, принимающий во внимание интересы других стран, — это совсем другой эгоизм по сравнению с тем, что господствовал в Европе вплоть до середины XX века. Упрямство Ангелы Меркель или надменность Жака Ширака — это нечто отличное от прежней политики силы.

Особую линию в претензиях по отношению к Евросоюзу образуют издевки над его политической неуклюжестью. И действительно, у Евросоюза есть проблема с принятием решений. В важных делах он медлителен и нерешителен, тогда как в делах мелких — педантичен и назойлив. Евросоюз не в состоянии отреагировать на аннексию Крыма, зато хочет царить в вопросе о кривизне бананов. Но это так же смешно, как и несущественно. Поскольку с тем же успехом можно свести историю Римской империи к факту, что столь многие из ее императоров переступили через границу безумия. В общем — то так оно и было, но что из этого? Величие Рима основывалось не на достоинствах его правителей, а на силе их государства. Не на изъянах Нерона или Калигулы, а на нечувствительности империи к таким изъянам. Подобным же образом обстоит дело и с Европейским Союзом. Сущность этой организации

закljučается не в ее решениях, а в ее размере. Не в величии ее свершений, а в величине ее ресурсов.

Евросоюз представляет собой исключительную империю, потому что складывается из одних только провинций. Это империя без Рима. Империя без императора. В силу вытекающих отсюда особенностей она не может быть быстрой и четкой в своих решениях. Тому, для кого образцом власти служит армия, европейская империя покажется анархией. В ней нет одного предводителя, а главы провинций годами не в состоянии принять совместное решение. Однако важнее не то, что они не в силах это сделать, а что принимать его им совсем не обязательно. Их империя настолько велика, что у них есть время на всё.

Их встречи на высшем уровне можно признать беззаботными пиршествами говорунов, эгоистов и кунктаторов. Но можно также приложить несколько больше умственных усилий. И заметить все своеобразие ситуации — в этих пиршествах никто не осмеливается им мешать. Поскольку Европа — это сила. Она столь же богата, как Америка, столь же богата, как Китай и Япония, вместе взятые. Она может себе позволить политическую бездеятельность. Может себе позволить вялую медлительность. Может себе позволить паралич в сфере принятия решений.

Пассивность Европы — это проявление ее силы, а не слабости. Ибо она является сознательным выбором. Ценой за суверенитет, от которого европейские государства не хотят отречься. Конечно же, всякого рода мелкие вопросы передаются в руки брюссельских комиссаров, но о крупных решениях этого уже не скажешь. Главы европейских государств прекрасно знают, что Евросоюз не умеет быстро принимать решения. Каждые несколько лет они ищут выход из такой ситуации, придумывают очередные проекты сильного лидерства или единой внешней политики — только для того, чтобы чуть ли не через пару дней после этого отправить их в мусорную корзину. И правильно делают. Потому что цена за четкость и энергичность по-прежнему слишком велика. Придется передать власть в руки одного политика, чтобы тот мог действовать от имени всей Европы. Принимать решения быстро, категорично и властно. Например, сидя за столом с Путиным, он решал бы различные вопросы от имени Польши, от имени Германии, Франции, Англии. Однако сегодня ни одна из стран не соглашается на это. Никто не хочет втемную отдавать свое право на принятие стратегических решений. Возможно, когда-нибудь обстоятельства вынудят Европу к

этому, но до тех пор, пока Евросоюз сможет позволить себе роскошь пассивности, он будет ею пользоваться.

Отсутствие решительных действий Евросоюз возвел в ранг политического кредо. Он пассивен даже в вопросе собственной безопасности. Европейцы не испытывают желания ни вооружаться, ни вести войны. Когда они видят угрозу, то вместо того, чтобы действовать, предпочитают вступать в переговоры. Американцев подобная позиция доводит до бешенства. Они жалуются, что европейцы не хотят помочь их стране поддерживать мир на планете. Что под их зонтиком Европа построила себе безопасный рай, за который не хочет платить. Что она не реагирует на угрозы. Что пробует «выписаться» из истории. В общем — то да, пробует. Но ошибка ли это? Пожалуй, нельзя выписаться из истории навсегда. Но, коль скоро что-то удастся на протяжении полувека, то, быть может, оно будет удаваться еще в течение какого-то времени? Возможно, даже в течение достаточно длительного периода? Какой же смысл имело бы в таком случае прекращение данного эксперимента именно теперь, когда его успех максимален? Тем более что можно себе представить еще более обширную Европу, которая станет еще сильнее отпугивать противников.

Поляков раздражает такая пассивная стратегия, особенно в отношении России. Однако, вступая в Евросоюз, нельзя было ожидать ничего другого. Поляки ошибочно запомнили, будто весь Запад противостоял Советскому Союзу. На самом деле все было иначе. Только американцы проявляли активность, Европа же колебалась по отношению к коммунизму, проявляла неустойчивость — раз договаривалась с Москвой, в другой раз легонько дергала ее за усы. И после того, как ей удалось на таких условиях пережить холодную войну, она уверовала в свои методы. Когда на Балканах разразилась война, Европа вновь безучастно ждала. Вмешательство американцев унизило ее гордость, но не изменило позицию. И сегодня Европа ведет себя по отношению к Путину очень похоже. Она слишком сильна, чтобы испугаться. Слишком умна, чтобы действовать опрометчиво. И слишком эгоистична, чтобы ради украинцев пожертвовать своим спокойствием.

Поляки любят обвинять Евросоюз в отсутствии политического реализма. Но этот порок, пожалуй, в большей степени присущ обвиняющей стороне. Европа ловка, расчетлива и опытна. За повседневной возней ее бюрократов, за инертностью европейских политических структур скрываются глубокие пласты политической рассудительности. Если Евросоюзу чего-либо и не хватает, так это не разума, а привлекательности. Его

политика — очень мещанская, очень прозаическая. Сосредоточенная на торговле, на производстве, на удобствах повседневной жизни. В минувшие времена европейская политика — как и всякая иная — питалась войнами, славой великих деяний, гордостью за свои победы. На этом фоне сегодняшняя политика выглядит совершенно бесцветной. Так происходит с момента окончания войны, с той минуты, когда европейские политики распрощались со своими любимыми игрушками — грубой дипломатией, а также с армией, обучаемой и подготавливаемой для нашествия на соседей. Этим завершилась эпоха вечного перемещения границ, эпоха такой политики, за которой стоял пафос крови и страдания.

Травма Второй мировой войны превратила политику в бизнес. Главы государств стали менеджерами своих экономик, которые в ходе переговоров добиваются лучших условий для собственников и для работающих. Польские критики Евросоюза не в состоянии принять и одобрить такую тривиальность. От политики они ждут не спокойствия, а вызовов, не безопасности, а глубоких переживаний. Ждут экзистенциального приключения, метафизического смысла. Но такую позицию не назовешь мудрой. Длящееся уже полстолетия отсутствие военных страданий — это не пустяк, который можно проигнорировать. Гельмут Коль часто говорил, что в Европе будет либо Евросоюз, либо война. И это был вовсе не моральный шантаж по отношению к скептикам, а холодный диагноз.

Уже много лет продолжаются дискуссии, изобрела ли Европа новый порядок, перешла ли она на более высокий уровень, на очередную фазу политического развития, или же она всего лишь воспользовалась полувековым периодом жизни под американским защитным колпаком? Ответ остается неизвестным, потому что никто не в состоянии предвидеть, как поведет себя Евросоюз, когда окажется перед лицом крупной угрозы. Рассыплется ли он или же раздавит врага? Лишь эта реакция выявит сущность Евросоюза, лишь будущее скажет, тривиальна Европа или нет.

Но одно можно с уверенностью утверждать уже сегодня. Ведь это неправда, что чем длиннее эксперимент, тем он скучнее. Напротив, чем дольше он тянется, тем интереснее становится. Дальнейшая судьба мещанской Европы более интересна, чем возврат к тем временам, когда за разнообразие и яркость политической жизни отвечали господа в мундирах. Кто перерос мальчишеское очарование войной, тот понимает, что построению мира устойчивой сытости и вечного спокойствия

присущ больший размах, нежели припахивающему казармой пафосу упорного сопротивления истории. Тем более что никогда неизвестно, чего требует от нас история. Ее мнимые вызовы с течением времени оказываются нашими ошибками. Продуктом наших комплексов, душевных травм или скуки.

Роберт Красовский — публицист и издатель. Основатель и бывший главный редактор газеты «Дзенник Польска-Эуропа-Свят» («Газета Польша-Европа-Мир»). В настоящее время — совладелец издательства «Червонэ и чарнэ» («Красное и черное»). Работает над книгой об истории Третьей Речи Посполитой. Автор обширных интервью с такими политиками, как Лешек Миллер, Ян Рокита и Людвик Дорн.

ЧТО БУДЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?

Когда осядет конфетти после празднования десятой годовщины нашего членства в Евросоюзе, есть смысл оглядеться вокруг. Это десятилетие, которое для Польши было, видимо, самым лучшим в ее истории, для Евросоюза оказалось самым трудным с момента его основания. Указанный 10-летний период начался с непростого пополнения Евросоюза десятью новыми государствами-членами в 2004 г., за которым последовало отклонение европейской конституции, далее имел место хозяйственно-экономический обвал зоны евро в 2010 г. и громогласные размышления Великобритании о выходе из Евросоюза. Сегодня Европа изрядно потрепана, и она значительно слабее той, куда мы вступали 10 лет назад.

За истекшее десятилетие она перенесла три кризиса. Во-первых, экономический — банкротства Греции, Ирландии и Португалии чуть было не убили общую валюту, а их следствием стала двойная рецессия в зоне евро. Во-вторых, социальный — на юге Европы дело дошло до взрывообразной вспышки безработицы, а в целом впервые за несколько десятков лет сократилась численность европейских средних классов. В-третьих, наблюдается политический кризис — затраты на спасение банкротов способствовали волне евроскептицизма на севере континента, а это привело к тому, что в Европейский парламент попало самое большое за много лет представительство противников Евросоюза. И это еще не конец.

Мы в Польше почти не ощутили трех названных кризисов, рассказы о них мы зачастую воспринимали как детские сказки. Аналогичным образом сегодня испанцы или греки думают о ситуации в Украине, а она как раз может оказаться четвертым, самым грозным вызовом для Евросоюза — кризисом безопасности близ его собственных границ.

Каким будет Евросоюз в 2024 году

Но есть и хорошие вести: ведь что не убило Евросоюз, то его укрепит. Конечно же, Лиссабонский договор установил в Евросоюзе диктат отдельных государств-членов, а кризис зоны евро дополнительно укрепил позицию их столиц по отношению к Брюсселю. Но у межправительственной Европы существуют свои ограничения. В длительной перспективе не

удастся управлять блоком, проводя по каждому решению переговоры между 28 государствами. Помимо этого, все отчетливее видно, что наряду с собственными национальными интересами у нас имеются также общие интересы, которые выше, чем национальные — как, например, потребность в регулировании банков или в обеспечении поставок энергии.

Европейцы пока еще напуганы кризисом и скорее ожидают от своих правительств защиты от Евросоюза. Но в Европу медленно возвращается экономический рост, а если украинский кризис все-таки удастся разрешить, то вернется и оптимизм, а также стремление к более глубокому сотрудничеству. При крупнице удачи нынешняя волна антиевросоюзного популизма разобьется о монолиты брюссельских институтов, а сами европейцы помирятся с Евросоюзом. Независимо от опросов общественного мнения экономическая интеграция в зоне евро прогрессирует, а когда Европа вновь станет пользоваться поддержкой, то придет время и для политической интеграции.

В грядущем десятилетии Евросоюз станет площадкой для строительства, а скорее для перестройки своих институтов. Вскоре развернется дискуссия о новом евросоюзном договоре — учитывающем посткризисные перемены в зоне евро и, быть может, позволяющем Великобритании более раскрепощенное членство, но вместе с тем модернизирующем сегодняшние институты сообщества. В Брюсселе говорится, среди прочего, про двухпалатный Европейский парламент, про министра финансов зоны евро, а также про перестройку Европейской комиссии. Дебаты о политической реформе по-настоящему начнутся после европейских выборов и распределения евросоюзных должностей.

В 2024 г. Евросоюз может стать не столь многочисленным и наполовину федеральным. Если он сохранит нынешний состав, то в нем почти наверняка будут присутствовать разные уровни интеграции. Зона евро объединится еще теснее и, видимо, создаст собственные политические структуры, а более широкий Евросоюз застынет в существующем виде — как единое хозяйственно-экономическое пространство с унифицированным законодательством и открытыми границами, но с национальными валютами, бюджетами и правительствами. Если зона евро выберется из полосы трудностей, то в нее захочет вступить больше государств, но их вхождение будет обусловлено более высокими требованиями, чем теперь.

Проскочит ли искра

Для Польши дилемма ближайших лет ясна: входить в зону евро или не входить? Политики могут прикрываться неблагоприятными результатами исследований общественного мнения и отсутствием в сейме того большинства, которое необходимо, чтобы изменить конституцию, но для Польши это цивилизационный выбор — решение, — сопоставимое по значимости с самим вступлением в Евросоюз. На сей раз игра ведется не за общий рынок и открытые границы, а за политическое влияние на Европу. Именно в зоне евро сосредотачивается сегодня евросоюзная власть — кто не расплачивается в евро, у того меньше возможностей влиять на то, что происходит в Европе, а дальнейшая интеграция будет продвигаться вокруг общей валюты.

Польша хочет больше значить в Европе, так что с политической точки зрения ей необходимо войти в зону евро. Проблема в том, что подсчет экономических выгод дает сегодня менее очевидные итоги, чем перед кризисом. Со своей собственной валютой Польша не только успешно выдержала недавние финансовые перипетии, но и неплохо на них заработала — девальвация злотого в 2009 г. способствовала нашему экспорту. В свою очередь, те страны, которые служат для нас в Европе образцами — Испания и Ирландия, — поплатились за свое членство в зоне евро самыми серьезными за много лет спадами в экономике. Чтобы не кончить сходным образом, Польша должна перед возможным вхождением в указанную зону подготовиться к игре в первой лиге.

Поэтому так важно, как Польша обойдется с теми 340 млрд злотых, которые она получит в течение очередной евросоюзной семилетки. В 2014–2020 гг. речь пойдет уже не о том, чтобы как можно быстрее израсходовать указанные средства, а о том — каким образом разумнее всего инвестировать их в будущий, органический рост. Польские фирмы должны начать придумывать собственные продукты, заводы и фабрики — создавать больше добавленной стоимости, а работающие — получать адаптированное к потребностям развивающейся экономики образование. Правительство не может просто отдать соответствующие распоряжения, как при строительстве автострад, но у него есть возможность так впрыснуть евросоюзные средства, чтобы кроме пустого коловращения денег проскочила искра, порождающая развитие.

ПОЛЬША ВЕЛИКОЛЕПНО ДИКАЯ

Все у нас так себе, за исключением совершенно уникальной природы. За 25 лет существования независимой Польши мы вместе сделали для нее больше, чем за 20 лет Второй Речи Посполитой и 44 года Польской Народной Республики вместе взятых. Перед нами еще масса проблем, но наше отношение к природе вызывает удивление.

Бывает, что некоторые вещи изнутри не видны, их легче заметить кому-то со стороны. «У вас в Польше исключительное отношение к природе», — сказала мне как-то Нурия. «Такое ужасное?» — грустно пошутил я, как подобает типичному поляку. Ведь откуда-то взялись эти загаженные леса и выражение «мужик живому не отпустит»^[1], передающее отношение большей части населения ко всему, что бегают и летает. «Нет! Такое хорошее», — сказала она.

Я не очень хорошо понимал, что она имеет в виду. Если бы оно было таким хорошим, то нам не приходилось бы тогда постоянно собачиться из-за Беловежской Пущи, висеть на деревьях над Роспудой или следить за лапами охотников, которые только того и ждут, чтобы здесь снова начать легально отстреливать волков. Как Нурия, которая хотя родом из Испании, но почти двадцать лет живущая в Польше, может этого не видеть?

Но Нурия не сдавалась: «Вместо того чтобы жаловаться, посмотри на цифры, касающиеся крупных животных», — сказала она. Я посмотрел.

Тысяча волков и ни одной облавы

Должен признаться, что чем больше я углублялся в проблему, тем больше я понимал, что в словах Нурии есть смысл. Возьмем крупных диких животных, тех, которые вызывают больше всего конфликтов и эмоций. Идеально для такого сравнения подходят волки. Их у нас около тысячи, и в этом для нас нет ничего особенного. «Что такое тысяча волков для большой страны, в которой полно лесов?» — скажет большинство читающих этот текст. Ничего особенного? Сравним это со Скандинавией, которая славится дикой природой.

Во-первых, леса покрывают только около 30 % территории Польши, а это меньше, чем в среднем в Европе. В Швеции и Финляндии они занимают 70 %.

Во-вторых, плотность населения у нас в 6–8 раз больше и составляет свыше 120 человек на квадратный километр, в то время как в Швеции это 20 человек, в Финляндии — 16, а в Норвегии еще меньше. Если взять всех скандинавских волков, то окажется, что на огромной территории Швеции, Норвегии и Финляндии их почти в два раза меньше, чем у нас. Вдобавок в Польше, в общем-то, никто не делает особой проблемы из того, что они у нас есть. За исключением некоторых охотников и иногда овцеводов, мало кто жалуется на волков. Господствует всеобщее мнение, что они полезны нашим лесам, так как спасают молодые деревья от оленей.

Для многих волк — это мифологическое животное и символ свободы. Кого не трогает песня «Облава» Яцека Качмарского? В то время как в Швеции одна из партий всерьез предложила уменьшить наполовину популяцию волков и других хищников, в том числе беркутов. В Норвегии правительство, не моргнув глазом, разрешает охотникам выследить и отстрелить порядка двадцати волков из нескольких десятков, обитающих в этой стране. Каждые несколько лет в обеих этих странах происходит «сокращение» популяции хищников, чтобы успокоить жителей. Вы читаете и думаете — в Польше такое невозможно! Вот именно!

Господин президент, животное — это не мясо в шкуре

Вывод напрашивается сам собой: легко охранять природу в большой стране с малой численностью населения и гораздо трудней в средней и густонаселенной — такой, как Польша. Ведь у нас плотность населения почти такая же, как в Дании, а эта страна не славится дикой природой, зато в Польше, кроме волков есть еще рыси, медведи и самая большая популяция зубров.

Такое сосуществование возможно только в той стране, у жителей которой партнерское и нематериальное отношение к природе. Над ним можно смеяться и считать его наивным романтизмом, но оно, однако, имеет глубокий смысл. Дикая природа здесь, рядом с нами, не только гарантирует нам хорошее самочувствие (представим себе, как скучна и безжизненна была бы Польша без этих животных и диких уголков), но это еще и своего рода буфер, который может спасти нас от неприятных последствий изменений климата.

У нас более дружественный подход к природе, чем у многих европейцев, американцев и канадцев. Дерево у нас не обязательно для того, чтобы его срубить и пустить на доски, животное не для того, чтобы содрать с него шкуру или съесть его мясо. Это очень разумный подход к природе в мире, где население увеличивается, а ресурсы уменьшаются.

В целом мы положительно относимся к многочисленным популяциям животных, от которых не получаем никаких материальных выгод в привычном смысле этого слова. Мы восхищаемся ими и гордимся тем, что они у нас просто есть. И не случайно заядлый охотник Бронислав Коморовски перед тем, как его выбрали в президенты, должен был объявить, что сменит ружье на фотоаппарат. Его штаб отлично знал, что многие поляки обеспокоены отстрелом диких животных, и что пристрастие к охоте может ему серьезно повредить.

Это, однако, не всё. Когда в 2007 г. мы боролись за то, чтобы кольцевая дорога в г. Августове не уничтожила уникальных торфяников Роспуды, Центр изучения общественного мнения опубликовал результаты исследований, которые для многих стали шокирующими. Из них следовало, что 41% (!) респондентов считает, что модернизация страны, то есть строительство дорог и автострад, не может происходить ценой уничтожения природы — ее сохранение важнее всего. Тех, кто высказал противоположное мнение, было 24%, а 27% опрошенных утверждали, что лучше всего было бы совместить две эти задачи. И это говорили жители страны, одной из проблем которой является отсутствие современной инфраструктуры!

Трудно прятаться в вырубленном лесу

Культ диких пущ, идущий со стародавних времен, у нас еще весьма силен. Это показали исследования, проведенные факультетом экономических наук Варшавского университета и касающиеся использования лесов. Из них следует, что поляки обожают ходить в лес, любоваться природой, собирать грибы. Мы любим смешанные леса, в которых растут деревья разных возрастов и пород, любим даже те, в которых есть и сухие деревья. Нам очень не нравится, когда кто-то эти леса вырубает. Это может быть следствием нашего исторического опыта. Когда-то полущутя, полусерьезно в разговоре с одним известным шведским ученым я сказал, что, может, полякам не нравится, когда в лесах вырубают деревья, и они не любят слишком правильных лесов потому, что леса нам нужны были для чего-то другого, чем остальным европейским народам. Если те относились к лесам обычно, то есть смотрели на них как

на склад сырья, то для нас они были местом, в котором мы прятались и партизанили. А как известно, в вырубленном лесу особо не спрячешься.

Наш исторический опыт, отличный от остальных стран Европы, связан не только с катаклизмами. Ведь Польша, а именно Речь Посполитая, на вершине своей мощи была страной, в которой дольше всего просуществовала (поскольку сознательно охранялась) европейская мегафауна. У нас жили туры, дикие лошади, тарпаны и сохранившиеся до нашего времени зубры. Все эти животные считались в Европе тотемными. Конечно, мы охраняли их как животных для королевской охоты, но не всегда. На туров уже за сто лет до их вымирания не охотились и сохраняли их во «славу королевства».

«Оскар» и «Грэмми» для нашей природы

Почему это тяга к природе так сильна сегодня? Почему мы не хотим, чтобы к нам приезжали охотиться на волков богатые охотники из Германии или Франции, и зарабатывать на этом, как это делают словаки или белорусы? У меня простое объяснение. Природа для многих людей неприкосновенна и священна, поскольку это одна из немногих вещей, которые нас объединяют и которой мы можем гордиться. Нас разделяет отношение к прошлому, религии, к чужим и другим. Нас разделяет Смоленск, радуга и гендер, отношение к рынку, капитализму и государству. Можно долго перечислять список разделяющих нас вещей, но даже такие непримиримые индивидуалисты, как мы, нуждаются в чем-то, что нас бы объединяло. Одни сознательно, другие — инстинктивно, но все мы стремимся в некое общее пространство, в котором можно встретиться даже с теми, кого в другом месте окатили бы волной презрения. Это необходимое условие для функционирования общества.

Таких вещей, вокруг которых мы могли бы объединиться, у нас очень мало. Мы не обладаем ни промышленной, ни технологической мощью. У нас нет ни Кремниевой долины, ни Гугла. Наша культура, по крайней мере, популярная, не делает головокружительной карьеры в мире. На польских артистов не сыплются ни «Оскары», ни «Грэмми». В спорте мы тоже не блещем. Наши памятники старины в сравнении с европейскими занимают, скорее, среднее положение. Войны и коммунизм вымели из нашей страны многие вещи, которыми сегодня гордятся другие народы. Всё у нас так себе, кроме совершенно уникальной природы. Не удивительно, что она стала для многих современным символом патриотизма и

идентификации со страной. Вдобавок, это символ необыкновенно привлекательный, не связанный ни с какой бедой или национальной трагедией. Это не символ прошлого, но это то, что находится здесь и сейчас, и от нас зависит, будет ли она существовать дальше. Это не символ, направленный против кого бы то ни было — против наших соседей или против людей внутри страны. Любить Беловежскую Пущу, волков или Роспуду может как член оппозиционной партии «Право и справедливость», так и член правящей партии «Гражданская платформа», офисный планктон и защитники креста, член партии Союз демократических левых сил и фанат Паликота, верующий и атеист. Зубрами и аистами может гордиться как левая феминистка, так и консервативная католичка. Я видел это на Роспуде, которую защищали люди совершенно разных взглядов. В лагере, блокирующем строительство в одном ряду стояла Казимира Щука и Анджей Гвязда, а в судах ее защищал представитель по гражданским делам Януш Кохановский, хотя, по мнению многих, защита Роспуды была направлена против партии, которая его на эту должность поставила.

Прекраснейшие герои свободной Польши

Безусловно, после 1989 г. появилась масса проблем и угроз для нашей природы. Я бешусь, когда вижу, как часто ее поистине уникальные уголки становятся жертвой локальных интересов и тихих дружеских соглашений. Я знаю, что у нас серьезный провал в территориальном планировании. В конце концов с этим нужно что-то делать, так как отсутствие территориального планирования не только опасно для ландшафта, уникальных животных и растений, но имеет общественную и экономическую значимость и тормозит цивилизационное развитие страны как ничто другое.

Серьезной угрозой является обычное желание «распилить» фонды, в том числе евросоюзные. Это видно особенно на малых речках, которые выпрямляют и регулируют совершенно без надобности, только для того, чтобы потратить публичные деньги. Объемы этих работ, разбросанных по всей стране, настолько широки, что можно уже говорить об экологической катастрофе.

У нас до сих пор мало охраняемых территорий, многие леса заслуживают того, чтобы их оставили в покое. Мы не справляемся с проблемами, которые требуют чуть больше фантазии и знания, например, такими, как климатические изменения и их последствия. Всё это правда, но правда и то, что на протяжении 25 лет после 1989 г. нам удалось сделать

больше, чем за всё время ПНР и Второй Речи Посполитой. Мы можем этим гордиться.

Уже с середины 90-х такие крупные хищники, как волки и рыси, в Польше взяты под охрану. Никому из наших соседей, у которых обитают многочисленные популяции волков, не удалось этого добиться. Такое сокровище, как Беловежская Пуща, лучше всего сохранившийся низинный лес умеренной полосы в северном полушарии, который безжалостно вырубался уже почти сто лет, теперь все-таки достаточно хорошо охраняется. Конечно, пока не вся Пуща стала национальным парком, но нам удалось расширить его границы, создать сеть заповедников. Самое главное то, что в 2012 г. министр окружающей среды принял решение о радикальном уменьшении вырубок и строжайшей охране всех лесонасаждений, которым больше ста лет.

Мы добились успеха, о котором масса натуралистов, в том числе и такие влиятельные люди, как Владислав Шафер или Ян Карпинский, не могли и мечтать. Мы сохранили уникальные торфяники Роспуды и доказали, что можно строить дороги, ни уничтожая природы. Сегодня я могу признаться, что изначально мало кто из участников акции верил в ее успех: опасения, что бульдозеры закатают торфяники Роспуды, были огромны.

Конечно, не последнюю роль в этих успехах играет наше членство в Евросоюзе: мы должны соблюдать его законы, касающиеся окружающей среды. Но этих самых законов было недостаточно, чтобы защитить природу Румынии, Болгарии и Словакии. Для того чтобы Евросоюзный закон работал, необходимы люди, которые умеют его использовать. В Польше они есть. У нас, наверное, самые эффективные в нашем регионе, а может, и во всей Европе защищающие природу организации. Их деятели — это сливки нашего гражданского общества. Молодые и старые, но всегда отлично подготовленные, желающие действовать и способные на самопожертвование. Они умеют проводить не только разовые акции, но и целые кампании, растянутые на годы для того, чтобы в итоге спасти какой-нибудь кусочек общественного блага. Это коллективная работа (что в Польше редкость) юристов, ученых, журналистов, художников, а также массы обычных людей. Это их как огня боятся все никчемные политики центрального и локального уровня, для которых развитие измеряется километрами отлитого бетона.

Я не стану перечислять здесь неправительственные организации и работающих в них людей только потому, что

боюсь кого-нибудь забыть, но для меня именно хранители природы являются величайшими и прекраснейшими героями свободной Польши. И я хочу им сказать: работать с вами это честь и удовольствие. Я знаю, что еще не одно дело мы сделаем вместе, а за то, что вы уже сделали, Польша (или, по меньшей мере, ее лучшая часть) вам благодарна.

1. Припев из песенки Казимежа Гжеськовяка о мужике, от которого ни одна живая тварь живьем не уйдет. — Ред.

ИСТОРИЯ НЕ ТОЛЬКО ЛОШАДИ

Если спросить польского читателя, с какими животными ассоциируется для него русская литература, то выбор, безусловно, пал бы на лошадей. Невозможно вычеркнуть из памяти невероятные, пронзительные картины страданий этих благородных животных, оставленные нам Федором Достоевским (страшный сон Раскольникова), Львом Толстым (в «Холстомере»), Исааком Бабелем или автором «Хорошего отношения к лошадям» Владимиром Маяковским. Фрагменты эти, однако, составляют малую частицу огромного урока эмпатии по отношению к животным (и даже несколько шире — по отношению к природе), который можно извлечь из произведений русских писателей и писательниц. В том, что широко понимаемая экологическая проблематика — это чрезвычайно существенная составляющая русской словесности, убеждает недавно изданная обширная монография Юстины Тыменицкой-Суханек, польской русистики из катовицкого Силезского университета, под названием «Русская литература по отношению к субъективизации животных. В кругу экофилософских проблем».

Даже само название этого научного труда показывает, что нас ждет встреча с весьма значимым проектом, ставящим целью глубокое погружение в несколько проблемных областей одновременно. Как уже говорилось, Юстина Тыменицкая-Суханек — филолог. Она специалист по истории русской литературы, в особенности последних двух веков. Вместе с тем в новой книге исследователь предстает и знатоком ряда иных областей знания. Важнейшей из них представляется обозначенная в заглавии экофилософия. Что кроется за этим, до недавнего времени таинственным, термином? Если сказать самым кратким образом, то экофилософия, которую ранее называли также философией экологии или глубинной экологией, представляет собой новое направление философской науки, концентрирующееся в кругу проблематики природной среды. Чрезвычайно важный элемент этой все более популярной ныне отрасли знания — внимание к этическим вопросам ответственности в отношениях человек–животное или человек–природа.

Говоря о животных, которые являются главными «героями» книги Тыменицкой-Суханек (мы найдем здесь литературные портреты собак, кошек, свиней, коров, медведей и многих других), следует непременно указать, что благодаря достижениям науки XX века, а в особенности благодаря развитию таких дисциплин, как этология или зоопсихология, взгляд на «братьев наших меньших» претерпел весьма глубокие преобразования. Если еще до относительно недавнего времени статус животных едва ли существенно отличался от статуса неодушевленных предметов, то сегодня они становятся объектом всевозможных рассуждений в философском, этическом, культурном, юридическом и даже в теологическом дискурсе. Признание животных полноправными, наделенными сознанием персонами, как и признание за ними морального статуса, никого сегодня уже не удивляет и не возмущает. Что существенно, глубокие изменения, которые на наших глазах произошли в мышлении о животных, не могли не сказаться на том, как мы сами себя воспринимаем в качестве человеческих существ. «Антропоцентричный монумент Человека как исключительного феномена, обладающего монополией на речь, душу и разум, — выразительно формулирует автор рецензируемой книги, — пошатнулся в основании». Иными словами, мы все чаще порываем с мифом о человеке как венце творения, одновременно осознавая, что тот, кто мыслил себя моральной вершиной, — именно он целеустремленно разрушал нашу планету, довел до гибели многие виды флоры и фауны.

А какое касательство вышеуказанные мировоззренческие перемены имеют к русской литературе? Вот, собственно, вопрос, ответ на который решила найти польская русистка. Опираясь на подборку примеров из русской литературы (как из беллетристики, так и из публицистики), Тыменицкая-Суханек внимательно исследует, в какой мере русские писатели задумывались над этическим содержанием отношений человека с животными, можно ли в их произведениях найти следы критики человека за то, насколько жестоко поступает он с представителями фауны (охота, браконьерство, промышленное звероводство). Рассматриваемая под таким углом русская литература, вопреки суждениям, согласно которым она определяется как антропоцентричное «безраздельное царство человека» (взгляд Игоря Яркевича), предстает собранием произведений, в которых, говоря метафорически, человек нередко оказывается на скамье подсудимых. Его обвиняют в бесчувственности, самовлюбленности, жестокосердии, особенно по отношению к самым слабым существам — к животным. По прочтении

представляемой здесь монографии смело можно сказать, что над зданием русской словесности — и по сию пору — витает дух Толстого как неоспоримого литературного авторитета, но также и как вегетарианца, который напоминает нам, что полагаемое нами самым обыденным — поедание животных — связано с причинением страданий и смерти живым существам. Существам, с которыми у нас больше общего, чем того, что нас разделяет.

Хотя монография Тыменицкой-Суханек из многокрасочной фрески русской литературы вычленяет лишь один цвет, лишь один сюжет (анималическая и экологическая проблематика), она все же многое нам рассказывает о картине в целом. Благодаря замечательной историко-литературной эрудиции автора, польский читатель получает экскурс в историю русской литературы с середины XIX века (особенно внимательно рассматривается творчество великих реалистов) до самого близкого нам времени («постмодернистский экологизм» Андрея Битова). Наряду с каноническими писателями, произведения которых не раз переводились в Польше, исследователь уверенно вводит имена менее известные польскому культурному кругу, однако, безусловно заслуживающие упоминания (Николая Щербина, Александра Куприна, Михаила Пришвина, Даниила Андреева), при этом следует добавить, что книга богато инкрустирована цитатами. Этот популяризаторский аспект представляется дополнительным достоинством труда польской русистики, обладающего всем необходимым, чтобы найти читателя также и за пределами герметичного академического мира.

Безусловно, эта книга может заинтересовать всех, кому небезразлична судьба животных. Из нее можно узнать, что великой литературе не раз удалось опережать открытия науки. То, что со столь упорным трудом открывали исследователи животных в XX веке, для писателей и поэтов уже давно было очевидно: животные — это наши ближние, они чувствуют и страдают не меньше, чем люди, а тот, кто их сознательно обижает, едва ли достоин в полной мере называться человеком.

Юстина Тыменицкая-Суханек. Русская литература по отношению к субъективизации животных. В кругу экофилософских проблем. Издательство Силезского университета. Катовице, 2013, 374 стр. (на польском языке).

МЫ УВЕЛИЧИВАЕМ ЭКСПОРТ В РОССИЮ

С председателем компании «Хортекс Холдинг» Томашем Курпишем беседовала Беата Древновская

Мы присматриваемся к предложениям слияния, которые появляются в регионе, — говорит председатель компании «Хортекс» Томаш Курпиш.

— Россия — это основной рынок экспорта замороженной продукции компании «Хортекс»: на нее приходится около 80% экспорта фирмы. Как повлиял на ваши поставки российско-украинский конфликт и политическое напряжение?

— Политические события не влияют на экспорт нашей замороженной продукции на Восток. Мы без проблем продаем ее не только в Россию, но и на Украину. В случае с Украиной, действительно, возрос риск, касающийся платежей, но «КУКЕ» [польская страховая компания «Корпорация страхования экспортных кредитов» — пер.] по-прежнему страхует транзакции. Мы полагаем, что ни Евросоюз, ни Россия не решатся на введение экономических санкций.

— Удалось ли вам увеличить экспорт в Россию в финансовом году, который заканчивается 31 мая 2014 года?

— Если смотреть на увеличение продаж, то в этом году их будет на 15–20% больше, чем в предыдущем. Это, в частности, результат нашего входа в российские торговые сети. Однако из-за ослабления рубля рентабельность наших продаж в России будет в этом году более низкая.

— Вы прогнозировали, что со временем марка «Хортекс» вытеснит поглощенную в 2011 году российскую марку замороженных продуктов «Есть идея». Когда это случится?

— На фирму «Хортекс» приходится 90% экспорта в Россию. Остальное — это продукты марки «Есть идея», очень популярной в Сибири.

— Планируете ли вы строительство предприятия в России?

— Сейчас у нас нет такой необходимости, мы обладаем достаточными производственными силами в нашей стране. На местах мы заказываем только переработку в небольшом количестве грибов и лесных плодов, а также мясных продуктов. Одним из препятствий развития переработки в России служит маленький объем производства овощей. До сих пор 70–80% сырья — это импорт.

— Куда еще за пределы Польши попадают продукты марки «Хортекс»?

— Помимо России и Украины замороженные продукты мы экспортируем также в страны Балтии, Румынию и в Белоруссию. Увеличиваем поставки в Казахстан. Наши соки и нектары продаются также в Великобритании и США. Но в небольшом количестве.

— В чем причина того, что экспорт не только продукции компании «Хортекс», но и польских продуктов вообще по-прежнему растет быстрыми темпами? Только в 2013 г. он увеличился на 11,5%, почти до 20 млрд евро.

— Польские продукты — ввиду большого объема производства, хорошей материальной базы, созданной, в частности, благодаря дотациям Евросоюза, и легкого доступа к сырью — дешевле, чем продукты не только Запада, но и нашего региона. Однако платой за конкурентоспособность оказываются достаточно низкие наценки производителей. В особенности на высококонкурентном отечественном рынке, где наценки еще ограничиваются быстро прогрессирующей консолидацией торговли и дистрибуции.

— Какими будут доходы компании «Хортекс» в 2013–2014 году?

— Мы должны преодолеть рубеж в 800 млн злотых. Год назад мы получили доход в 790 млн злотых при очень большом участии продажи яблочного концентрата. Мы добиваемся также чистой прибыли.

— 2014–2015 год будет более удачным?

— Слишком рано загадывать. Исходя из того, что на наши результаты большое влияние оказывают цены на сырье, которые зависят от сборов, бюджет мы закрываем только летом. Мы, безусловно, будем работать над увеличением продаж и повышением эффективности.

— «Хортекс» — это сильная марка на рынке замороженных продуктов и соков. Планируете ли вы использовать ее популярность и в других сегментах рынка?

— К марке «Хортекс» хорошо подошли бы продукты из овощей и фруктов. Нелегко, однако, найти категорию, в которой мы бы смогли вывести бизнес на должный уровень. Например, получение 10% доли на рынке джемов принесло бы нам только около 40 млн зл. дополнительного дохода, так что нам это не особо интересно, если учесть необходимые инвестиции. Мы рассматриваем также возможность расширить наше предложение, введя в него продукты под другой маркой, которые можно было бы без проблем включить в нашу дистрибуцию.

— Вы планируете слияние с другими фирмами?

— Мы следим за предложениями, появляющимися в нашей части Европы, чтобы быть в курсе того, что происходит на рынке. Сейчас мы, однако, не участвуем ни в одном из проектов такого рода.

— Если «Хортекс» пока не планирует перекупать другие фирмы, то, может, вскоре сам поменяет владельца? Фонд «Argan Capital» ищет желающих купить фирму?

— Чтобы это произошло, мы должны улучшить результаты, в том числе нашу эффективность. В настоящее время наиболее вероятным сценарием, касающимся выхода фонда, является биржа, но последнее слово остается за владельцем.

— Связано ли увеличение продаж с инвестициями?

— Мы тратим на проэкологические и повышающие эффективность инвестиции в среднем ок. 20–25 млн злотых в год. В ближайшее время мы намерены увеличить эти квоты. В 2014–2015 гг. мы планируем предназначить 30–35 млн на модернизацию машинного парка на наших предприятиях, очищение сточных канав на предприятии в Рыках и систему автоматической упаковки замороженных продуктов в Скерневицах.

— Рынок соков, нектаров и фруктовых напитков будет продолжать расти или после периода быстрого развития его тоже ожидает застой?

— Продажи имеют шансы по-прежнему расти, но медленнее, чем раньше — на 34% в год. Увеличение доли будет происходить главным образом за счет вытеснения с рынка

других игроков. Выиграет фирма, которая будет более инновационной в плане продуктов и упаковки.

— На рынке замороженной продукции такая же ситуация?

— Рынок замороженных овощей и фруктов находится на ином — по сравнению с рынком соков и нектаров — этапе развития. И все время растет. Чтобы он развивался, производители должны инвестировать не только в развитие дистрибуции, но также в образование потребителей.

Томаш Курпиш — председатель компании «Хортекс Холдинг» с 2002 года, до этого он в течение двух лет был вице-председателем компании и проводил ее реструктуризацию. Окончил механическую инженерию Гданьского политехнического института и экономику международной торговли в Гданьском университете. Компания «Хортекс» с 2006 года принадлежит фонду «Argan Capital».

ОРХИДЕИ ОТЛИЧНЫЕ, ПОТОМУ ЧТО ПОЛЬСКИЕ

История фирмы «JMD Flowers» восходит ко времени Второй Речи Посполитой, но официально она была создана в 70-х годах прошлого века. Цветы, отмеченные этой маркой, можно найти от Германии до России.

Наша страна славится уже не только водкой и колбасой. Очередным продуктом, который претендует на то, чтобы стать визитной карточкой Польши, становятся цветы.

В Стенжице, на границе Люблинского и Мазовецкого воеводств, располагается садовое хозяйство «JMP Flowers». Это крупнейший производитель цветов в Польше, который к тому же входит в тесный круг европейских лидеров. Внутри страны фирма реализует 85% своей продукции, достигающей сегодня свыше 30 млн шт. цветов в год.

В планы фирмы входит покорение Европы. К наступательной стратегии подталкивают и достигнутые успехи. Цветы «JMP Flowers» можно купить в странах Балтии, Белоруссии, Австрии, Чехии, России, Словакии, Венгрии. «Мы по-прежнему ориентируемся на ближайшие к Польше рынки. Туда мы можем быстро доставлять цветы, выигрывая тем самым в борьбе за клиента во всемирной конкуренции. По этой же причине мы не пытаемся захватить рынок во Франции или Испании, где сильные позиции занимают голландцы», — говорит Яцек Пташек, сын владельца фирмы, представляющий уже второе поколение семьи цветоводов.

Из польского цветочного хозяйства цветы поставляются, например, на украшение императорской резиденции Хофбург в Вене при проведении ежегодного президентского бала. На австрийском рынке, как и на российском, орхидеи успешно конкурируют с цветами из Голландии. В производстве орхидей фирма не имеет себе равных. Это крупнейший производитель в Польше, а в Европе входит в первую пятерку. Кроме того вне конкуренции «JMP Flowers» на польском рынке антуриумов и роз. «Как ни странно, но это очень герметичный рынок. В больших масштабах производством орхидей занимается меньше двух десятков хозяйств. Вдобавок все это семейные

фирмы, все друг друга хорошо знают. Поэтому нам известно, как нас ценят другие», — поясняет Яцек Пташек.

Хотя на странице предприятия написано, что датой его основания считается 1977 год, история фирмы началась еще до Второй мировой войны. Однако к производству цветов владельцы приступили не сразу, да и не всегда фирма действовала под тем именем, что теперь. «Мой прапрадед был главным механиком в Подзамче у графа Замойского, где находился крупнейший садоводческий питомник в Российской империи. За заработанные деньги он купил мельницу, которую, впрочем, потерял после Второй мировой войны. Тогда он и решил осесть в Стенжице и заняться овощеводством. А затея с цветами — это уже начало 60-х годов, когда в хозяйстве появилась первая теплица», — рассказывает Ярослав Пташек, владелец «JMP Flowers».

В конце 70-х годов возникает фирма под нынешним названием. В ее учреждении принимал участие Ярослав Пташек, который, будучи студентом четвертого курса, взял кредит на строительство 2 тыс. теплиц польского типа и котельной на угольной крошке. Новые теплицы с самого начала были предназначены для выращивания цветов, в том числе гвоздик и фрезий. «Создать вторую фирму нас вынудила существовавшая система. Времена социализма не способствовали созданию крупных хозяйств. Вместо того, чтобы развивать одно, выгоднее было создать второе, малое предприятие», — добавляет Яцек Пташек.

В конце 90-х годов в хозяйстве начинается производство роз, было также принято решение об инвестициях в продвижение своего товарного знака. Поэтому исчезают последние овощи и зелень, а фирма полностью специализируется на цветах. Таким образом, начинается новый этап в ее деятельности. Владельцы не скрывают, что изменить профиль производства их вынудила экономическая ситуация. Чтобы работать и на рынке овощей, и рынке цветов, нужно было поддерживать оба канала реализации, а это значительно увеличивало расходы фирмы. Поэтому семья решила сделать ставку на тот сегмент рынка, где ее товарный знак был более известен. Кроме того, по мнению хозяев, у цветов было лучшее будущее, чем у овощей, что — как показало время — было не совсем верно. За прошедшие годы Польша превратилась в производителя европейского масштаба, хотя бы в отношении томатов. Однако владельцы фирмы никогда не жалели о сделанном выборе. Они вели бизнес в соответствии со своим образованием — именно садоводческим.

С конца 90-х годов фирма последовательно развивается. Она значительно расширилась, в несколько раз возросло число работников. Сегодня здесь работает 250 человек. Когда-то их было только тридцать. Под розы и орхидеи отведено по шесть гектаров, под антуриумы — три. Всего хозяйство располагает 15 гектарами теплиц. Владельцы уверены, что их сила зиждется на семейном характере бизнеса. И речь идет не только о хозяйской семье: работники тоже трудятся здесь из поколения в поколение. Каждый вносит собственную долю на развитие предприятия. Это одна из причин, почему руководство фирмы не ищет сторонних инвесторов.

Владельцы утверждают, что «JMP Flowers» не завоевала бы столь сильных позиций на рынке, если бы с самого начала не была сделана ставка на качество производимой продукции. Еще во времена ПНР фирма начала внедрять инновационные технологические решения. Она первой в стране инвестировала в энергосберегающие ставни и голландский климатический компьютер — в системы, которые сегодня стали стандартом в промышленном тепличном садоводстве. В 2007–2012 гг. в два этапа было возведено то, что ныне составляет гордость фирмы, — объект, предназначенный для выращивания орхидей. Это крупнейшее подобного типа предприятие на польском рынке — и притом самое современное в Европе.

Благодаря инвестициям в качество фирма сломала стереотипное представление, что польские цветы не могут быть дороже, чем импортные. Сегодня она диктует цены выше, чем у конкурентов, что позволяет ей зарабатывать больше, хотя при этом фирма продает меньше штук, нежели другие игроки на рынке. Цветы от «JMS Flowers» стоят в два раза дороже, чем те, что продаются в супермаркетах. Фирма сосредоточилась исключительно на сотрудничестве с цветочными магазинами, запрашивающими продукцию премиум-класса, на которой «JMS Flowers» специализируется. «С сетями супермаркетов мы работаем только на зарубежных рынках», — подчеркивает Яцек Пташек.

В цветочных магазинах за орхидеи от «JMS Flowers» надо заплатить около 60 злотых. Производитель объясняет, что половину этой суммы составляет наценка продавца. Кроме того, цены меняются каждый день. Их уровень определяется не только сиюминутной конъюнктурой, но и ценами на цветочной бирже в Голландии.

Руководство заявляет, что доходы фирмы растут, несмотря на то, что, как показывает статистика, поляки из года в год покупают все меньше цветов. Сегодня это 10 штук в год, в то

время как 20–30 лет назад эта цифра была в два раза большей. Вместе с тем рынок сбыта в Польше понемногу возрождается. Как следует из данных Главного статистического управления, постоянно растет число цветочных магазинов. В минувшем году в Польше было зарегистрировано свыше 21,5 тыс. субъектов такого рода, т.е. на 100 торговых точек больше, чем в 2012 году. Эксперты объясняют это явление изменяющимися тенденциями на розничном рынке. Многоотраслевые торговые площадки уже наскучили покупателям, которые все чаще делают выбор в пользу магазинов, специализированных по конкретным ассортиментным категориям. «Наш оборот увеличивается. Конкретных цифр в масштабе года я называть не буду. Могу лишь сказать, что в одной только Австрии рост продаж достигает 100% ежегодно. Мы не хотим раскрывать все свои секреты конкурентам. Знаем, что они, особенно в Голландии, отслеживают все сообщения в прессе о нас. Мы понимаем, что и эта статья будет переведена на английский язык», — информирует Яцек Пташек.

В фирме не скрывают, что завоевать позиции ведущего игрока помогло построение собственной оптовой сети. Сегодня это 15 точек, расположенных не только в Польше, но и в других странах Центральной Европы. Именно благодаря этому цветы из теплиц без посредников идут в цветочные магазины, а уже оттуда попадают к покупателям. Такая схема работы позволяет значительно сократить путь поставки, а значит продлить срок реализации цветов с прилавка и более качественно обслужить клиента.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС?

Для действующих на Украине и в России компаний наступили нелегкие времена. Из-за падения курса рубля и гривны, а также спроса на товары (главным образом, среди украинцев) итоги первого квартала 2014 года оказались значительно хуже прошлогодних. Среди котирующихся на рынке ценных бумаг фирм плохо закрыла квартал, например, группа «Rovese», производитель плитки и санитарной керамики, контролируемый Михалом Солововым, одним из самых богатых людей Польши. Фирма потеряла почти 200 млн злотых прибыли.

Польский бизнес не намерен, однако, от этого рынка отказываться. Он защищается разными способами: сокращает расходы, ограничивает деятельность и инвестиции, повышает цены и внимательней отбирает контрагентов. «Мы работаем на Востоке уже больше 10 лет. Наши марки там известны. Поэтому, несмотря на сложную ситуацию на этих рынках, мы намерены остаться в России и на Украине», — говорит Магдалена Стефанская-Лотковская из «ЛПП», крупнейшего польского швейного предприятия.

Ей вторит Петр Микрут, председатель фирмы «Снежка», производителя красок и лаков. «Мы не отказываемся от развития на украинском рынке. В этом году из-за ситуации, ожидаемой в этой стране, результаты будут похуже, однако в следующем должно быть уже лучше», — говорит шеф компании, продажи которой на Украине в первом квартале были почти на 43% ниже, чем год назад.

Вот главные методы охраны украинских интересов:

Отбор клиентов и контроль платежа

На контроле оплат сосредоточилась, в частности, компания «Снежка», у которой на Украине две фабрики.

— В этом вопросе мы ввели политику рестрикций. С некоторой части клиентов мы берем предоплату, а чтобы не терять контрагентов, предлагаем им в этой ситуации дополнительные скидки, — поясняет Петр Микрут.

Крупный международный холдинг «АСБИС», дистрибьютор IT-продуктов, также решил ограничить деятельность до уровня селективной продажи лучшим клиентам и сократил сроки оплаты.

Борьба с потерями на разнице валютных курсов и повышение цен

Девальвация украинской гривны (ее курс в первом квартале упал по отношению к наиболее важным валютам примерно на 30 %) привела к тому, что компании ищут средства против сильного колебания курсов. Одно из них — это осуществление продаж в гривнах и принятие оплаты в них только до того уровня, до которого можно получить локальное финансирование в этой валюте. Это использует сейчас, в частности, компания «АСБИС».

Падение курса гривны означает также необходимость повышения цен. «Поскольку мы продаем только по модели B2B, например, в крупные розничные сети, то вместе с ними мы могли повышать цены постепенно, а не в один день. Это дало клиентам возможность привыкнуть к новым ценам и принять их», — говорит Константинос Тзиамалис, директор по делам инвесторских отношений и кредита компании «АСБИС».

«Пласт-Бокс», производитель упаковок из искусственных материалов, продает товар только тем партнерам, которые положительно восприняли повышение цен, вызванное необходимостью привести их в соответствие с актуальным курсом гривны. «Эти действия встретили одобрение со стороны подавляющего большинства наших контрагентов», — говорит Гжегож Павляк, председатель компании.

Новые цены вместе с очередными налогами вводит также компания по производству одежды «Редан», продажи которой на Украине в первом квартале упали до 6,6 млн зл. с прошлогодних 10 млн злотых. Сейчас ситуация стабилизируется. «В апреле продажи в гривнах в магазинах были на том же уровне, что и в 2013 году», — говорит вице-председатель компании «Редан» Богущ Крушинский.

Приостановка развития

Фирмы значительно ограничили инвестиционные намерения на Украине и в России. В связи с более осторожным подходом к российскому и украинскому рынкам планы развития торговой сети пересмотрела, в частности, швейная компания «ЛПП». Фирма имеет сегодня 224 магазина в России и 59 на Украине.

Владелец марки «Reserved» сообщил недавно, что вместо планируемых ранее 450 млн злотых на развитие сети в 2014 г. предназначит на эти цели лишь 390 млн злотых.

Решение о приостановке развития на Украине приняла также компания «Редан», у которой в конце апреля был 41 магазин «Top Secret» (11 собственных и 30 франчайзинговых). Она планирует также закрыть несколько представительств. «Мы не принимаем никаких радикальных решений, очень внимательно следим за ситуацией на Украине и все время ее анализируем», — говорит Богущ Крушинский.

На сокращение штатов решилась компания «Снежка», которая стремится к тому, чтобы занятость соответствовала объему продукции. «После того, как мы уволили около 70 сотрудников, на наших украинских предприятиях работает сейчас около 200 человек. Мы будем приспосабливать уровень занятости к изменяющимся условиям, принимать на работу либо увольнять сотрудников», — заявляет Петр Микрут.

Жертвой конфликта на Украине стала также часть сети, контролируемая Кредобанком. В апреле было принято решение об окончательном закрытии всех отделов в Крыму, а в представительствах на востоке Украины (там, где действуют сепаратисты) охрана усилена, а отделения банка работают в режиме закрытых дверей. «Клиентов пропускают в отделения после предварительной проверки охраной банка», — сообщает АО «ПКО Банк Польский».

ИКОНА ПОЛЬСКОГО ДИЗАЙНА: КРЕСЛО ЭТО ПУСТЯК!

Я была дисциплинированной и честолюбивой. В Академии хватало красивых, прекрасно одетых девушек, которые потом закончили женами при мужьях. Когда я шла через двор, подходили наши скульпторы и звали меня с особой интонацией: «Тереса, пошли, будешь позировать». В эту ловушку я не попала. У меня был настрой на работу, которая давала мне огромное удовлетворение.

— Можно сказать, что дизайнером вы стали из-за неправильного прикуса.

— В детстве это было моим кошмаром, зато дало мне первые контакты с искусством. В течение нескольких лет, с 1932 по 1936 год, мама водила меня в известную клинику профессора Зенчака в особняке Кроненберга напротив «Захенты»^[1]. Эти посещения я ненавидела: толпы студентов разглядывали мои зубы, я выходила с болью в челюсти. По соседству располагались «Дворянская кондитерская», «Захента» и Институт пропаганды искусства. Чтобы меня утешить, мама предлагала мне выбор — съесть пирожное или пойти на выставку. Даже выбрав кондитерскую, я все равно была не в состоянии проглотить своим опухшим ртом хоть что-нибудь, так что чаще мы ходили в галерею. Моя мама не слишком разбиралась в искусстве, но пыталась мне объяснять, растолковывать. Мне все безумно нравилось. Ребенком я видела скульптуры Катажины Кобро. Я представляла, как приятно было бы стать художником, делать в жизни что-то, чем люди восхищаются. Мама предостерегала, что это тяжелый труд, а не рабочий день с 9 до 16.

— Папа в свою очередь хотел, чтобы вы стали архитектором.

— Он ждал сына, а родилась третья девочка. Он долго обращался со мной, как с мальчиком. Запретил маме одевать меня в розовое, завязывать бантики. Я носила брюки и ездила с ним на приемку строительных объектов. Отец был инженером, работал в крупной фирме, у него была машина с шофером, и иногда он брал меня с собой на работу. Еще он искоренял девчачье поведение — слезы, обиды, жалость к себе. Я должна была быть сильной. Много лет спустя, уже после войны я, согласно его воле, даже поступила на архитектурный, но выдержала там три

месяца и сбежала в художественную академию. В 1945 г. это было Городское училище декоративного искусства, позже преобразованное в Государственную Высшую школу изящных искусств, а затем объединенное с Академией изящных искусств. Я уже знала, что хочу стать художником.

— Но еще раньше выяснилось, что у вас есть художественные способности.

— Мне было 12 лет, когда началась война. Я предвкушала учебу в гимназии Цецилии Платер-Циберк. Это была дорогая частная школа со своими традициями и правилами, в которую ходили по большей части девочки из богатых помещичьих семей. Мои старшие сестры окончили «Платерку». Я оказалась лишена всего, что было у них – уроки танцев, лыжные прогулки, экскурсия выпускниц в Рим. Училась я на подпольных курсах (уроки проходили также у нас, в квартире на ул. Львовской), а официально числилась в профессионально-ремесленном училище. Мы учились рукоделию, ткачеству и т.п., но все это на каких-то эрзацах, например, вместо льняной канвы была бумажная!

Времена были тяжелые. Нужно было как-то подрабатывать. Моя мама пекла пирожки с капустой и торты, которые я относила в кафе на ул. Снядецких. Она вязала крючком и на вязальной машине платья, блузки с буфами. Пряжи у нас всегда было предостаточно, так как в одном из зданий, принадлежавших деду со стороны мамы, находился склад шерсти, ну и нам доставались всякие остатки, отходы. Я помогала маме — на миллиметровке вырисовывала оленят и другие рисунки и наносила миниатюрки на одежду, делала из пряжи помпончики. Вместе с сестрой мы устроили домашнюю мастерскую. Прикрепили к входной двери вывеску: «Изготовление сабо».

— После войны вы поступили в институт.

— В Городское училище декоративного искусства на ул. Мысливецкой. Я записалась в разные студии, так как еще не знала, буду ли делать мебель или лепить горшки. Я ходила на керамику к проф. Юлии Котарбинской, на ткани к проф. Элеоноре Плутынской, которая до войны работала с деревенскими женщинами. Подписалась на журнал «Штука людова» («Народное искусство»). Учила наизусть про ткани в полоску, ажурные вырезки из бумаги, вышивку на блузках. Это мне давалось легче, чем, к примеру, история искусства, потому что я увлекалась народным искусством.

— Со временем вы выбрали мебель и интерьер.

— Архитектура интерьера была основана на проектировании пространства и элементов убранства, к которым принадлежали: керамика, ткани, скульптура, мебель. У меня были великолепные профессора: Ян Кужонтковский, у которого я делала диплом, Чеслав Кноте и Войцех Ястшембовский. Это были великие мебельщики, получавшие между мировыми войнами призы на выставках в Париже, Нью-Йорке. Из всех элементов убранства интерьера самое сложное — это мебель, а самое сложное из мебели — это стул. Кресло — пустяк, ведь у него есть дополнительная связка, конструкция опоры. Проф. Кужонтковский постоянно задавал нам стулья. И для меня они, в конце концов, заняли в проектировании ключевое место.

— Сколько стульев вы спроектировали?

— Около ста.

— В ваших проектах благо потребителя — это главная ценность. Этому вас учил проф. Кужонтковский?

— Проф. Кужонтковский на своем пути видел человека. Этот человек от нас зависел — наши проекты могли улучшить его жизнь или же ее ухудшить. Проектируя чайник, профессор делал так, чтобы из него не капало, когда наливают заварку. Проектируя стул, следил, чтобы он был удобен, пропорционален и красив. Я тоже всегда была сосредоточена на человеке. Я росла в интеллигентской семье, у меня были любящие родители и сестры общественницы. Одна была командиром харцерской дружины, вторая будущим врачом. Я была слеплена из этой глины. Урок моих профессоров был важен, он привил мне чувствительность к потребностям пользователя.

— Еще во время учебы вы стали ассистентом-стажером на факультете графики, затем ассистентом на факультете архитектуры интерьера. Вы начали сотрудничать с художественными кооперативами «Лад» и центром народных и художественных промыслов «Цепелией», участвовали в конкурсах. Немало для молодой девушки.

— Я очень серьезно относилась к профессии. Была дисциплинированной и честолюбивой. В Академии хватало красивых, прекрасно одетых девушек, которые потом закончили женами при мужьях. Когда я шла через двор, подходили наши скульпторы и звали меня с особой интонацией: «Тереса, пошли, будешь позировать». В эту

ловушку я не попала. У меня был настрой на работу, которая давала мне огромное удовлетворение. Но наше руководство не считало, что мне за это положено что-то дополнительное. Ну, есть девушка — довольно честолюбивая, работоспособная, даже выигрывает конкурсы, ездит за границу, вот и всё.

— **Вы чувствовали давление доктрины соцреализма?**

— С моими профессорами — нет, так как это были выдающиеся творцы. Проф. Кужонтковский был провидцем, современным дизайнером. Но, действительно, дыхание власти чувствовалось за спиной. Помню, как в 1949 г. на выставке в Познани я испытала шок, потому что оказалось, что часть подготовленных нами студенческих проектов комиссия признала неподходящими. На полу валялись поломанные макеты и демонстрационные доски. Какой-то чиновник решил, что то, над чем мы тщательно трудились целый семестр, никуда не годится, и все уничтожил.

— **Что в архитектуре интерьера могло не совпадать с линией властей?**

— Да хотя бы то, что спроектировали кафе или Дом кино. Нужно было проектировать Дом крестьянина или сельский клуб.

— **В 1956 г. вы принимали участие в юбилейной выставке в честь 30-летия «Лада». Ваша мебель получила призы, вы стали заметной в своей отрасли. В числе прочего вы показали «Ракушку» — стул из фанеры, который, хотя и считается сегодня иконой польского дизайна и символом 50-х годов, но массово так никогда и не производился.**

— Я хотела сделать что-нибудь новаторское. Фанера — чудесный материал, очень пластичный — тогда мы открывали ее возможности. «Лад» производил «Ракушку», но по принципу “hand made”. Когда 25 штук поехало на выставку в Париж, назад они уже не вернулись. Французы скупили всё на корню, а у нас клиентам приходилось по несколько месяцев ждать очередной небольшой партии стульев. Столяры жаловались, что эта мебель трудоемкая, требующая внимания.

— **Вы пытались запустить массовое производство?**

— Еще как! В Познани работал Центр изучения и развития мебельной промышленности, с которым я сотрудничала с середины 60-х. Его директор видел в моих проектах что-то новаторское и то, что я изо всех сил хочу прорваться на

производство, а они меня изо всех сил выталкивают. Проекты принимали, даже платили за них, но в производство не внедряли. Потому что изменение технологии стоило очень дорого. А на рынке был такой дефицит мебели, что люди стояли в очереди за всем. Из мебели для взрослых делали детскую, отпиливая, например, у стула ножки, не понимая, что он потерял пропорции, что опора уже не выполняет свою функцию, что мебель искривляет ребенка, опасна для него.

— **Вы переживали из-за этого?**

— Переживала. На основании выигранного конкурса создавался прототип. Если комиссия его приняла, проект должен пойти в производство. Однако фабрики делали все по-своему. Как это было в случае с «растущей мебелью» для детей и молодежи на фабрике в Яроцине. Я получила заказ от Объединения мебельной промышленности — наработалась, голову себе сломала, придумывая, как разместить кровати на книжных шкафах, на шифоньерах, а фабрика написала, что это излишние конструктивные улучшения, что производство будет слишком дорогим, что я трачу слишком много ценного сырья. Предложили мне заменить массив сосны на ламинированную клеенкой ДСП. Я не согласилась на замену. Объясняла, что содержащийся в ДСП альдегидный клей будет отравлять детей, что плита будет гнуться, что она не выдержит конструкции.

— **Скверные материалы, постоянный дефицит — это в ПНР было как хлеб насущный.**

— Мы постоянно с этим боролись. Когда я была ассистентом, то все время испытывала танталовы муки — носилась в министерство с заявками, например, на материалы для конкурса по заказам профессоров. Проф. Кужонтковский хотел бы березу, бук, а приходили прелые сосновые доски. Я собирала газеты, делала клей из ржаной муки — из папье-маше создавались модели. Нужно было выходить из положения — когда с фабрики им. Гвардии Людовой в Радомском я получила гору отходов из гнутого бука, то спроектировала стулья с сиденьями из этих отходов. Все шло в дело — тесьма, пленка.

— **Вернемся к проектированию для самых маленьких. Это важная часть вашей работы. Вы проектировали развивающие игрушки, работали над созданием специализированного оборудования для детской больницы в Прокоциме и в Центре здоровья ребенка. Откуда этот интерес к потребностям детей?**

— Моя сестра была врачом-педиатром. Я поехала в отпуск в Ястшембе-Здруй, где она заведовала реабилитационным отделением (в Польше в то время распространилась эпидемия полиомиелита). Я хотела помочь детям, занять их, развлечь. Проводила занятия по изобразительному искусству, втянулась в эту больничную жизнь. На рынке тогда остро не хватало оборудования для детей, не было никаких директив в этой области. Меня осенило, что я могла бы проектировать как для больных детей, так и для здоровых. Но было нелегко, производители сильно сопротивлялись любым новинкам. За эти годы я спроектировала много мебели, несколько игрушек, в частности, столик со сдвижной столешницей, в котором было место для кубиков, фанерное креслице-качалку «Клоун», разборный шар. Я стремилась, чтобы продукция для детей была безопасной, долговечной, внешне привлекательной, но при этом познавательной, чтобы она развивала интеллект, воображение, воздействовала на органы чувств. Потребности ребенка труднее понять, чем потребности взрослого, который скажет, чего хочет, а что ему не нравится. Ребенок — потребитель более требовательный, но и более беззащитный, зависящий от мастерства проектировщика.

— **Вы одной из первых обратили внимание на эргономику.**

— У нас об эргономике тогда не говорилось. В Институте промышленного дизайна подняли вопрос о требованиях к дизайнеру в 80-е годы. А я за 20 лет до этого, пребывая на стипендии в Финляндии, переписывала и ксерокопировала информацию на эту тему. Я копировала все доступные материалы, покупала книги. Проф. Кужонтковский смотрел на меня с удивлением, но он был выдающимся дизайнером, глаз у него был наметан — он и без указаний ученых знал, как правильно распланировать эти 7 кв.м на человека. Решения, которые я видела у финнов, меня восхитили: простота, естественность, точность решений, функциональность, и все с заботой о ребенке, взрослом, старике.

— **Как на времена реального социализма вы немало путешествовали — три месяца провели в Финляндии на стажировке у самого Алвара Аалто^[2], год — в США в качестве стипендиатки в Школе дизайна Род-Айленд. Там ваши адресованные детям проекты из гнутой фанеры восхитили супругов Имзов^[3]...**

— Мне помог английский. Это тоже заслуга семьи. Еще до войны муж моей тетки, выпускник Главной торговой школы, убеждал нас, что английский — это будущее и спасение от всех

политических проблем, даже от войны (ну, здесь он как раз ошибся). Мои сестры знали французский, я учила английский. Спустя годы это стало большим моим козырем. Никто на факультете не знал английского, так что все стажировки были мои. Я ездила по миру — дети не плакали, муж не изменял. Я была одна, хотела быть одна, и все было честно.

— Вы вызовете неудовольствие всех матерей и восхищение феминисток...

— Но я реализовалась благодаря тому, что выбрала такой стиль жизни. Дизайн — безумно требовательная профессия, если хочешь чего-то достичь. Для меня намного важнее было пойти в столярную мастерскую и до потери сознания делать модель из папье-маше или из сапожного картона. Руки у меня болели, немели. Я делала такие модели, что никто не мог поверить, что это моя самостоятельная работа. К счастью, на это у меня есть фотографическая документация. Я гнула, клеила, обивала. Для меня это было как рождение ребенка. Мало того, что это наполняло меня гордостью, победы в конкурсах приносили мне деньги, которые я потом могла утопить в неудачных проектах.

Много времени у меня уходило на педагогическую работу. Я проводила в академии целые дни, с 9 утра и дотемна, любой студент мог прийти в любой удобный для него момент — и молодая мать с ребенком, и иностранец-стипендиат, который не понимал по-польски. Я купила столько чашек, сколько было студентов. Приносила чай. Мы пили этот чай, и я рассказывала им о новостях, о стажировках, о том, что мне дали поездки. Может быть, я была для студентов немного матерью. Требовательной матерью. Я по-прежнему дружу со своими бывшими студентами.

— В последние годы ваше имя опять на слуху. Публикации о польских женщинах-дизайнерах, выставки, такие как прошлогодняя «Мы хотим быть современными», напоминают о вашей мебели, объектах. Вас радует этот интерес?

— Радует. Конечно, мне всегда хотелось какого-то признания за тяжелый труд. Хотя слава и пришла в конце жизни — мне 85 лет — она все равно мне помогает. Сегодня я думаю про себя, что вкалывала, как ненормальная. Моя родня называла меня «тётя-вихрь». Меня никогда не было на семейных торжествах, у меня всегда не хватало времени на настоящий Новый год с танцами, с выпивкой. Сколько я этих новогодних праздников провела за чертежной доской! Но если я работала, и мне что-то удавалось, силы сразу восстанавливались, и меня охватывало

счастье. Я легла и перед сном думала: «Боже мой, какая чудесная профессия».

— Вы бы хотели, чтобы «Ракушка» пошла в массовое производство?

— Конечно же. Я уже получаю с разных сторон сигналы на эту тему. Однако меня бы больше обрадовало, если бы какой-нибудь производитель заинтересовался комплектом мягкой мебели с 1973 года. По-моему, он был исключительно удачным.

Проф. Тереса Крушевская умерла 6 июня этого года на 88-м году жизни.

-
1. «Захента» — Национальная художественная галерея в Варшаве. Здесь и далее прим. пер.
 2. Алвар Аалто (1898–1976) – финский архитектор и дизайнер, «отец модернизма» в Северной Европе, один из основоположников современной школы дизайна.
 3. Чарлз Ормонд Имз-младший (1907–1978) и Рэй Имз (1912–1988) — американские архитекторы и дизайнеры. Прославились своими проектами фанерной мебели.

В ДОЛИНЕ ДНЕСТРА

На свет я появился в польской семье на Украине в 1894 году.

Слова эти, внешне столь простые, требуют ныне множества разъяснений.

Дело в том, что национальность родителей в те времена имела несколько иное значение, чем теперь^[1]. Младшее поколение привыкло считать национальность в некотором роде расовым фатумом, тяготеющим по наследству над каждым новорожденным. Каждый, говорят нам, родится немцем или же негром и только позже, возможно, становится человеком, если уж вообще дело доходит до таких крайностей.

В долину Днестра эти понятия были привнесены с Запада сравнительно поздно, и я не уверен, что и сегодня там они не являются еще чем-то новым и чуждым. На западе Европы повсюду вдоль языковых границ мы видим сторожевые замки, стены, валы, свидетельствующие о том, что там долгое время шла борьба за каждую деревню, за каждое поле. На нашей памяти велись жестокие битвы за обладание каждой школой, каждой фабрикой, каждой лавкой, каждым пакетом акций, наконец. В огне этих битв народам Запада удалось там и тут установить более или менее определенно свои границы, выгнать чужаков, отказать в визах иностранцам и создать видимость внутреннего единства.

На моей памяти в Восточной Европе еще не было ничего подобного. Вся огромная часть Европы, лежащая между Балтийским морем, Черным морем и Адриатикой, была одной большой шахматной доской народов, полной островов, анклавов и удивительнейших сочетаний смешанного населения. Во многих местах каждая деревня, каждая социальная группа, представители практически каждой профессии говорили на разных языках. В моей родной долине среднего Днестра помещики говорили по-польски, крестьяне — по-украински, чиновники — по-русски с одесским выговором, купцы — по-еврейски, плотники и столяры — как филиппоны^[2] и старообрядцы — по-русски с новгородским выговором, кабанники^[3] говорили на собственном наречии. Кроме того, в этой же самой местности были еще деревни мелкопоместной шляхты, говорившей по-польски, такой же

шляхты, говорившей по-украински, молдавские деревни, говорившие по-румынски; цыгане говорили по-цыгански, турок, правда, уже не было, но в Хотине по другую сторону Днестра и в Каменце стояли еще их минареты. Перевозчики на Днестре все еще называли подольский берег Лящиной, а бессарабский берег — Туретчиной, хотя и Польша, и Турция отошли там уже в далекое прошлое.

В ярах и лесах, помимо этого, жили вне селений т.н. яровые люди с дикими бородами и неясным взглядом, которые, казалось, не говорили ни на каком языке. Я уже опускаю здесь более мелкие особенности вроде Буцновцов, где все евреи были турецкими подданными и никогда не служили в армии, так как самому младшему из них согласно паспорту было пятьдесят лет.

Все эти разновидности национальностей и языков находились притом в частично текучем состоянии. Сыновья поляков порой становились украинцами, сыновья немцев и французов — поляками. В Одессе творились вещи необыкновенные: греки становились русскими, видели там и поляков, вступивших в Союз русского народа. Еще более странные комбинации возникали из смешанных браков.

— Если поляк женится на русской, — говаривал мой отец^[4], — дети их обычно становятся украинцами либо литовцами.

*

Относительная текучесть национальностей поддерживала у вельмож царской администрации надежды на то, что при помощи некоторого давления удастся всех переделать в русских. Надежды эти были тщетными. Нажим администрации не только не уменьшил количественно старые нации, но и пробуждал к жизни все новые народы. На моей памяти как раз развилось национальное украинское, литовское и белорусское движение.

Относительно многие меняли родной язык, но ни один из этих языков не исчезал. Во времена моей молодости несколько из них из крестьянских наречий развились в красивые литературные языки, на которых писали стихи, полные неведомой прежде прелести. Когда одна из национальных традиций начинала ослабевать, из соседних национальностей прибавлялись неофиты, чтобы поддержать ее.

Тайна этих странных и запутанных процессов была, по сути дела, очень проста. В те времена национальность не обладала

характером неизбежной расовой фатальности, но в значительной степени была делом свободного выбора. Этот выбор не ограничивался языком. В долине Днестра, через которую прошли отголоски стольких великих цивилизаций, каждый язык нес в себе иные исторические, религиозные, общественные традиции, каждый представлял собой определенную моральную позицию, закрепленную веками триумфов, поражений, мечтаний и софистики. Выбор этот временами носил черты оппортунизма. Нечто подобное я видел во время моих недавних путешествий в Ужгороде, который теперь снова приобрел венгерское название Унгвар. На главной улице, называемой Корсо, я слышал почти исключительно венгерскую речь. Один старый житель этого города на мой вопрос, всегда ли в Ужгороде было так много венгров, ответил:

— Э, нет. И сейчас их немного. Поменялись только чиновники, а гуляющие на Корсо всегда одни и те же. В австрийские времена они говорили по-немецки и по-венгерски, в чешские — по-чешски, в украинские — по-украински, а сегодня они снова говорят по-венгерски.

Чаще, однако, такой выбор был глубоко продуман и обладал немалой силой убеждения. В последнее время я видел несколько примеров такого особого выбора. Во времена, когда пространство русского языка отступило в пределы границ белорусской и украинской советских республик, в разных местах появились группы, пользующиеся по свободному выбору русским языком. Несколько лет тому назад я видел в Кременце состоятельные еврейские семьи, говорившие дома по-русски, не с одесским или бердичевским акцентом, который, по крайней мере, имел бы историческое объяснение, но с самым старательным петербургским произношением, объяснявшимся увлечением и чтением лучших писателей. В Прикарпатской Руси также часть интеллигенции старается говорить по-русски. В одном городке я посетил редакцию местной газеты, издаваемой на странном русском языке, неуклюжем и архаичном, над которым немало посмеялся бы житель Петербурга. Я застал там главных сотрудников. Один из них происходил от смешанного польско-русского брака и провел детство в Варшаве, а второй, говоривший наиболее правильно, которого я вначале принял за эмигранта из России, оказался бывшим австрийским офицером. Очевидно, вдали от источника, в переменном течении истории, язык Москвы и Петербурга должен был уже угаснуть в Карпатах, но со всего мира стеклись туда разные люди, чтобы раздуть искру, тлевшую еще в пепле. В то же самое время Владислав

Ходасевич, поляк по отцу и матери, занял место первого русского поэта.

В моей молодости процессы такого рода волновали все восточные кресы^[5] старой Речи Посполитой. Внутренняя жизнь национальных групп углублялась и совершенствовалась за счет вновь совершавшегося индивидуального выбора и необходимого для этого взаимопроникновения, ибо выбор требует рассмотрения по меньшей мере двух альтернатив во всей их протяженности, стояния на распутье, с которого видны изнутри обе дороги. В моем детстве бывшие украинские кресы были таким большим распутьем, от которого, помимо всех боковых тропинок, исходили четыре дороги: одна вела в Киев, вторая в Краков, третья в Петербург и, наконец, четвертая, которая тогда не вела еще в Палестину, указывала в конце на великую книгу, таинственным образом объединившую безмерно разнообразный мир Израиля.

Этот путь не был предметом выбора в полном смысле. Евреем не мог стать кто угодно. Фактор выбора имел здесь несколько иной вид. Среди евреев выбирали друзей и товарищей по работе. В имении моего дяди, Феликса Ганицкого, даже часть служащих фольварка^[6] состояла из евреев. Вечером главный эконо́м Фишель Грубман, с черной бородой и лицом, обожженным солнцем до цвета старого голенища, приходил на хозяйственный совет. Когда мой дядя был им недоволен, то надевал очки и холодно приветствовал его словами:

— Слава Иисусу Христу!

Это был намек на то, что у Фишеля гойская голова, и что он сделал какую-то глупость. Чуткий к таким намекам, Фишель понуро опускал свой «гойский Корф^[7]» и неохотно отвечал:

— Ну, положим, слава.

Воспитанный в этих традициях, я испытал, подобно многим моим сверстникам, немалое разочарование, когда встретился потом в Польше с национальными чувствами, проявляемыми шумно, вызывающе, почти бесстыдно. Такие демонстрации показались мне чем-то очень безвкусным, подходящим в лучшем случае для нуворишей и хамов.

Понятия эти, вынесенные из долины Днестра, остались для меня живыми и актуальными даже тогда, когда другие воспоминания о моей малой родине покрылись дымкой отдаления. В период 1919–1939 годов я был свидетелем многих непримиримых националистических схваток, в которых акты

насилия и жестокости разделили, как казалось, бесповоротно, на враждебные группы всю Восточную Европу. Старая цивилизация этой части континента, которая на протяжении веков подарила жизнь стольким разным народам, как будто ушла в прошлое. Однако у меня есть ощущение, что эти перемены были скорее поверхностными, чем сущностными. Национализм на западный лад уничтожил лишь верхний слой народов, их интеллигенцию. Народ не принимал участия в схватках и экзальтации. Даже в этой невыносимо душной и неприятной атмосфере, которая возникла на наших Кресах после т.н. пацификации Восточной Малопольши^[8], достаточно было немного удалиться от учреждений, газет и общественных организаций, чтобы всюду слышать слова единения. Для людей моего поколения, уже заведомо одиноких и печальных в таком негостеприимном моральном климате, слова эти обладали важным смыслом.

*

Долина Днестра была полна исторических воспоминаний, памятников всех великих цивилизаций Европы. Греческие колонии, возникшие на северном побережье Черного моря задолго до битвы под Саламином, далеко вдавались вглубь степей. Еще до греков эти опаленные солнцем берега посещали другие средиземноморские народы. Потом там бывали римляне, потомки которых в долине Днестра сохранились до сих пор.

Переселения народов стерли с лица земли большинство древних памятников. Несколько цепочек курганов обозначают пути, которыми тянулись через Украину народы, о которых мало что известно. Другие народы, двигавшиеся ближе к морю, оставляли на своем пути камни, грубо вытесанные в форме женщин, т.н. «бабы». Нам неизвестно точно, из каких побуждений переносились такие тяжелые камни через бескрайние степи, бездорожье и трудные речные переправы. Глядя на курганы и «бабы», мы видим труд народов, расшатавших Римскую державу. Удовлетворив голод и жажду, народы эти еще обладали опасным избытком энергии.

В XVI веке, после тысячи лет миграций и нашествий, путешественники описывают Украину, как огромную пустую степь, заселенную на юге татарами-скотоводами. Однако картина эта выглядит весьма поверхностной. В саду, в котором провел я первые годы детства, стояли три старых кизилевых дерева, посаженных там столетия тому назад для обозначения места. У их основания лежал каменный крест XI века, рядом с

которым находилось доисторическое захоронение. Вдали от путей, по которым двигались кочевые и воинственные народы, жизнь текла непрерывно, языческие поколения уступали место поколениям христианским, и благочестивая рука на старинный манер обозначала могилы деревьями, привезенными из Малой Азии.

Латынь в долине Днестра появлялась дважды. В первый раз привезли ее римские колонисты, потомки которых до сих пор живут в южной части долины. Пятнадцать веков спустя, на этот раз с севера, влияние Запада проявилось в облике латыни гуманистов, обретшей новую славу. До XVIII века латынь оставалась официальным языком старой Речи Посполитой, языком свободных людей, шляхты и клириков. Тогда вся Украина читала понемногу Цицерона и Вергилия, и лучшая пародия на «Энеиду» написана была по-украински Котляревским.

Авторитет латыни не пережил падения старой Речи Посполитой. В мое время латынь еще учили на Украине в гимназиях, но это уже был мертвый язык, лишенный своего общественного ранга. Полякам и евреям, составлявшим большинство учеников, латынь служила еще входным билетом в состав т.н. интеллигенции, которая сыграла столь большую роль в истории этой части Европы. Только в советские времена этот последний след западного влияния исчез из школьных программ.

Место латыни занял в XVIII веке французский. В каждой старинной усадьбе на Украине можно было найти шкаф, в котором истлели золоченые корешки книг века Просвещения. Даже в скромных имениях, пока там еще были покои, носившие название салона, была также и французская книга. В течение полутора веков французский был универсальным языком Восточной Европы. В салонах Кишинева Пушкин объяснялся по-французски с эмигрантами с Балкан, только освобождавшихся от турецкого владычества.

Французский на Украине играл особую роль в польско-русских отношениях. Женщины в то время совсем не учили русского. В незнании этом была отчасти и уязвленная гордость обездоленных наследников, и презрение к новым владыкам страны. Впрочем, те русские, которых чаще всего видели на Украине, чиновники и военные, не принадлежали к русской интеллигенции и были так же презираемы и ею. Следует признать, что сами они неплохо ориентировались в этих тонкостях, и если кому-то из них доводилось оказаться в польском доме, заводили разговор по-французски, давая,

таким образом, понять, что, может, они и не такие уж варвары, каковыми считаются. Польские собеседники считали такое вступление признанием их права оставаться иностранцами по отношению к русским властям, и беседа шла уже гладко, балансируя между любезностью и сдержанностью.

Французский язык позволял обеим сторонам перенестись на условную территорию, в своеобразную идеальную сферу, в пределах которой даже непримиримые враги находили удовольствие, выказывая друг другу взаимную любезность.

Французский, язык придворных и шляхты, удержался на Украине, несмотря на падение Речи Посполитой и крушение шляхты. Франция тем временем стала республикой, и язык Виктора Гюго стал языком свободы, языком культуры, смотревшей в будущее. Французская книга оказалась в руках всех тех, кто верил в мудрость политических институтов Запада. Моей первой книгой, которую я прятал под подушку, еще не умея читать, была иллюстрированная история французской революции, и речи Дантона помогали мне в изучении французского. Только после 1918 г., когда французы сами усомнились в ценностях демократии и начали читать «Аксон Франсез» и «Гренгуар»^[9], язык их за несколько лет исчез из Восточной Европы, а влияние отступило в пределы линии Мажино.

Влияние французского имело еще одну важную основу. В конце прошлого столетия во всей Восточной Европе искусство начало играть очень заметную роль, французский же был языком великого искусства и литературных новинок. В таком малолитературном городе, как Одесса, я собственными глазами видел в 1910 г., как дважды в месяц в «Librairie Rousseau»^[10] посвященные толпились в ожидании почты, с которой должен был прибыть последний номер «Меркюр де Франс»^[11]. Не знаю, имелись ли когда-либо у этого органа символистов столь же внимательные читатели в самом Париже.

Литературные новинки проникали даже в далекие уголки долины Днестра. Мне было, наверное, лет тринадцать, когда меня заинтриговала одна книга в библиотеке отца. Я торопливо унес ее в свою комнату, и мой взгляд упал на следующие строки:

O serres au milieu des forets,

Et vos portes a jamais closes,

Et tout ce qu'il y a sous votre coupole,

Et sous mon *ame* en vos analogies.^[12]

Слова эти показались мне очень странными, и я в волнении думал: неужели писать стихи теперь следует так? Лишь через некоторое время я узнал, что так писать все же не рекомендуется. Это был том стихов некоего Мориса Метерлинка.

*

Жилые дома в долине Днестра были столь же разнообразны, сколь их обитатели. Каждая группа населения строила разные здания. Уже сам их внешний вид выдавал национальность хозяина.

Украинские хаты были деревянными, обмазанными снаружи и изнутри толстым слоем глины, которую несколько раз в году белили известью, добавляя немного синьки. Белизна хат, казалось, лучилась посреди темной зелени черешневых садов и вангоговской желтизны подсолнухов. По жердям поднималась фасоль с красными бабочками цветов. Осенью под стрехами развешивали длинные гирлянды блестяще-желтой кукурузы.

Эти скромные жилища были, в сущности, отлично приспособлены к климату. В каждом доме посередине стояла длинная печь, на которой зимой ложились спать. В летнюю пору глиняные стены сохраняли приятную прохладу. Зеленоватые стекла, вставленные в глину, пропускали мало света, но защищали от назойливых насекомых.

В долине Днестра деревни чаще всего сосредотачивались вдоль широких дорог, и расположение их стало результатом надела земель после раскрепощения крестьян в 1866 году. Так что их происхождение было сравнительно поздним.

Старые строительные традиции были более заметны в поселениях людей свободных, которым удалось избежать крепостной неволи. Их дома всегда можно было узнать по опиравшемуся на два столба крыльцу, которое даже у беднейших крестьян было свидетельством принадлежности к *ordo equestris*^[13] и последним воспоминанием о славе старой Речи Посполитой.

Дома более зажиточных крестьян издали выделялись окружавшими их деревьями и парками. Во времена бывшей Речи Посполитой всю Украину охватило садовое безумие XVIII века. Земли на кресах хватало, и парки тянулись далеко и широко. Вечные сочетания холмов, вод, лужаек и старолесья

рука мастера декорировала аллеями, шпалерами, цветниками, клумбами, этуальями^[14], квинкунксами^[15], скалами, каскадами и фонтанами. Польские парки в свое время обладали немалой известностью, и аббат Делиль^[16] упоминает их на почетном месте.

Из украинских парков наибольшей славой пользовалась воспетая Трембецким «Софиевка»^[17]. Как гласит традиция, Браницкий^[18] продал родину Екатерине II ради удовлетворения своей фантазии садовода. Этот знаменитый парк я видел в период упадка. Он давно был собственностью российской казны, и в нем размещалось государственное сельскохозяйственное училище. Памятники лишились носов во время волнений 1905 года. Перед перистилиями^[19] и храмами стояли будки часовых, покрашенные в косую черно-бело-красную полоску, как верстовые столбы и ворота казарм. Рощи с краев заросли крапивой и сорняком. Перед бывшей оранжереей бедный канцелярист посадил грядку мальвы в дурном вкусе. И все же в этих садовых руинах еще жила их мания величия и изящество Просвещения. Вход вел в глубокую тенистую долину. На дне ее располагался длинный пруд, в середине которого поднималась вверх высокая, тонкая нить фонтана. Его ниспадающий плюмаж должен был оживлять в черном зеркале вод белое отражение перистилей. По обоим склонам долины крутыми террасами парк поднимался прямо к просторным, невидимым снизу волнам солнечных газонов и цветников.

Парк в Немирове был не меньшим по размеру, но более спокойным по тону. Несколько сот других парков разной величины пережило на Украине падение Речи Посполитой и ее шляхты, присутствие которой обозначали повсюду старые деревья, лужайки и декоративный кустарник. Когда-то в Восточных Карпатах, в безлюдной долине, в целом дне пути до ближайшего селения, я заметил затерянный среди зарослей орешника один из этих декоративных кустов, характерных для парков начала минувшего столетия. Раздвигая малину и повилику, я обнаружил несколько старых камней и кирпичей. Даже в самых больших пустошах поселенцам всегда сопутствовала садоводческая страсть старой Речи Посполитой.

В XVIII веке вдоль дорог на Украине начали сажать деревья. Сажали дубы, каштаны, липы, ели, вязы, ясени, тополи, березы, черешню и рябину. Во времена моей молодости аллеи эти тянулись на десятки миль через равнины, холмы, луга, камыши, мосты и броды. Осенью лошади бежали в дожде золотых листьев, овеваемые глубоким шумом ветра в древних кронах.

В парках долины Днестра, задолго до появления археологии деревни и дижонской школы, я научился исследовать опушки лесов, расположение старых деревьев, природу лужаек и окрестности родников. Для внимательного наблюдателя парки эти были подобны палимпсестам, в которых — под изысканным письмом XVIII века — просвечивал текст несравненно более старый, сам бывший лишь эхом предыдущих тысячелетий. Садовое безумие века Просвещения прививалось там на значительно более давнее явление, на не угасший еще языческий культ деревьев, в котором смешивались древние классические и славянские традиции. В пределах бывшей Римской империи дубы Додоны и рощи Аполлина пали под топором христианских ригористов. Следы древних традиций еще видны нам в деревьях Сальватора Розы и Рёйсдала, но преемственности уже нет.

Иначе у земледельческих и пастушеских народов, по-прежнему остающихся в натуральном хозяйстве, где отсутствует обмен и где все предметы потребления и орудия труда изготавливаются на месте. Избыток производительности труда вкладывается там в неконвертируемые блага, в красивые здания, в декоративную вышивку и, наконец, в содержание деревьев и газонов. Не одну скромную хату окружают там гигантские дубы и газоны, предмет стараний многих поколений, такие же изумрудные и мягкие, как в самых знаменитых княжеских резиденциях. Даже возделываемые растения создают декоративные группы неожиданной и редкой красоты. Во многих украинских парках явно имелось два наслоения: одно, со времен Руссо и Делиля, и второе, представлявшее собой остатки древней земледельческой цивилизации.

Привыкнув к этим глубинным паркам с двойным дном, потом я был несколько разочарован знаменитыми парками Запада. Здесь я имею в виду не только парки вроде виллы Паллавичини под Генуей, дурновкусие которых в конце концов веселит своей гротескной изобретательностью. Даже сам парк Версаля показался мне пустым, служащим лишь рамой для архитектурной фантазии дворца.

Впрочем, украинские парки существуют сегодня, быть может, уже только в моих воспоминаниях и вскоре исчезнут даже из области памяти, подобно поглощенной морем Атлантиде.

*

Войны оставили на Украине немало разрушений. Артиллерия иссекла стены замков, остатки которых были видны кое-где на холмах. К старым руинам прибавились новые, уже не

вследствие действий артиллерии, а как результат обнищания их благородных владельцев. Красивейшие здания XVII и XVIII веков лежали в развалинах.

В долине среднего Днестра наиболее впечатляющие руины представлял собой стоявший на турецком берегу Хотин. На скалистом холме над рекой поднималась массивная круговая стена. Внутри, опираясь о башню, стоял дворец, построенный генуэзцами, в те времена союзниками Высокой Порты.

На соседнем холме посреди кладбища возвышался стройный минарет. Ислам уже довольно давно отступил из этих мест, но воспоминания о нем были еще живы. Хотинский рынок сохранил не только название, но и вид восточного базара. Это был сущий лабиринт из ажурных деревянных конструкций с плоской крышей. В торговый день товары лежали под солнцем на широких дощатых прилавках, позволявших одним взглядом охватить всё содержимое лавки. В случае тревоги, купцы могли в мгновение ока свернуть свое имущество и исчезнуть в зарослях. Грабежи со стороны оголодавших армий и фантастические поборы магнатов выработали за долгие века тип торговли, при котором даже богатые купцы сохраняют всегда облик бродячих торговцев, готовых испариться подобно камфоре по условному свисту. Невероятная регламентация торговли сегодня вновь вызвала появление такого типа торговли во многих странах Восточной Европы.

На противоположном берегу Днестра раскинулись руины Жванца, откуда когда-то польский гарнизон следил за перемещениями турка. В конце XVIII века мой прадед был последним, кажется, комендантом этого поста. В соответствии с обычаями этого галантного века, прадед мой и турецкий паша из Хотина обменивались письменными комплиментами, сопровождавшимися небольшими сувенирами. У моего деда была еще феска из красного шелка, оставшаяся от этого обмена любезностями. Внутри нее находилось пожелтевшее письмо, покрытое мелким почерком тех времен.

Украинские замки и дворцы, хоть и многочисленные, всегда были, однако, свидетельством чуждых влияний, западных либо средиземноморских. Главная идея сторожевых замков — сгруппировать все строения на одной огражденной территории или даже под одной крышей с целью сокращения оборонительной линии. В странах с воинственными традициями даже крестьянские дворы подчинены этой мысли. Мы видим в них вместительные постройки, где под одной крышей находится жилище хозяина, конюшня, коровник, овчарня, хлев, курятник, овин, тележный сарай, амбар и все

остальное. Заперев ворота, хозяин, во главе своей семьи и четвероногого населения, чувствует себя, как капитан корабля или комендант крепости.

Несмотря на войны и влияния воинственных народов, жители Украины сохранили в своих постройках мирные традиции земледельческих и пастушеских народов. Соразмерно величине хозяйства строения растягивались на большом пространстве. Разброс их, однако, не был делом случая, но подчинялся правилам, шедшим с незапамятных времен.

Жилые дома составляли круг либо овал, окружавший лужайку. В центре ее часто высился старый дуб или липа, свидетель давности этого местоположения. Жилой дом, как правило, находился напротив конюшни для гужевых и верховых лошадей. Порой рядом со старым домом возводили новый. Тогда старый служил для гостей и жильцов. Кухня помещалась всегда в отдельной постройке, отстоявшей обычно на двадцать шагов от усадьбы. Расстояние это должно было летом обезопасить жилой дом от мух. Недалеко от кухни располагалась другая постройка, называвшаяся пекарней. Рядом с ней обычно находилось жилье прислуги. В отдельных постройках, стоявших вдоль круговой территории, размещались ледники и кладовые. В хозяйстве моего деда эту окружность дополняла еще псарня и постройка, справедливо называвшаяся чуланом, странное содержимое которого всегда возбуждало мое любопытство. В больших сундуках там держали, среди прочего, личный гардероб наших предков: шелковые платья в мелкий цветочек и яркие фраки начала прошлого столетия, все слишком маленькие для меня.

Хозяйственные постройки создавали другой круг, прилегавший к первому. Там стояли конюшни, коровники, хлева, курятники, овины, амбары, каретные и слесарные мастерские. Для всякой хозяйственной деятельности имелась отдельная постройка.

В этом расположении озадачивает его круглая форма. Только всеобщее применение плуга придало полям четырехугольные формы. Круг восходит ко временам, когда место под застройку забирали не у полей, а у степей и лесов.

Необычайное разнообразие и множество построек также ведется с давних времен, когда крестьянское хозяйство было замкнутым целым. В те времена, как до сих пор у курпов^[20] и гуцулов, почти ничего не покупалось и не продавалось, а все производилось на месте. Отсюда разнородность занятий и отведенных для них построек. Рост производительности труда

вел к дифференциации работ. Одни занятия тянули за собой другие. Для строительства все новых зданий потребовался кирпичный завод. Уже построенные здания нужно было обслуживать, ремонтировать, перестраивать. Отсюда столярно-плотницкая мастерская, работавшая круглый год. Содержание сельскохозяйственных орудий вызвало к жизни кузницу и слесарную мастерскую. В имении моего деда весь день были слышны удары молота, которому наковальня вторила ясным, высоким, не слишком чистым тоном, близким к третьей октаве скрипки. Под черным от дыма потолком висели огромные мехи, ради которых явно пришлось содрать шкуру с самого большого быка. Кроме того, в имении деда работала еще стеклодувная мастерская, снабжавшая хозяйство бутылками – творение старого француза по имени Камбаро, бывшего пленного с Крымской войны, который не захотел возвращаться в родной Бордо.

В те золотые времена сельского хозяйства, период упадка которых я помню, не знали еще аскетичной позиции, связанной со сберегательной книжкой и добровольным воздержанием от расходов вплоть до девальвации наших сбережений из-за неспособности их использовать, либо периодического падения стоимости денег и ценных бумаг. Земледельцам прошлого эта покорная позиция была неизвестна. В старости, либо в случае имущественного краха, они сохраняли спокойствие людей, которые прожили свою жизнь, внесли свой вклад в ее труды и богатства и могли без зависти смотреть на собственность и успех других.

В сравнении с усадьбой моего деда, современное сельское хозяйство кажется очень бедным. Нынешние крестьяне слишком напоминают промышленных рабочих, привязанных к неблагоприятной и монотонной работе. Трудно удивляться тому, что сельское хозяйство все чаще считают малоперспективной по своей природе отраслью, требующей государственных субсидий, либо предназначенной для низших рас, готовых довольствоваться чем угодно.

В наших традиционных понятиях сохранилась память о «древней мудрости». Содержание этого понятия стало неопределенным, и мы не умеем связать его ни с одним из известных способов существования. И я также не знал уже никого, чья жизнь точно бы соответствовала этому понятию. Однако мне кажется, что жизнь давних крестьян, может быть, тоже не соответствуя в точности «древней мудрости», дала мне некоторое представление о ее требованиях, и что эти воспоминания, должно быть, сыграли немалую роль во всех

моих последующих приключениях. Я, правда, не уклонялся от участия в пустых безумствах своего времени, однако всегда сохранял сознание того, что отделяло их от мудрости пастушеской древней Аркадии.

*

Прочно связанный с предшествующими поколениями дом моего деда, Губерта Стемповского, еще наполнял прошлое. В его комнате, над диваном, на котором нежилась любимая легавая, висела целая коллекция сабель, рапир и флоретов. На выщербленных клинках дед мог еще прочесть следы различных памятных вооруженных стычек. В углу стояла этажерка с батареей чубуков, происходивших от взаимоотношений моих предков с турками.

На стене висел портрет моего прадеда Станислава в зеленом кунтуше^[21] и портрет его брата Леона^[22], умершего в Париже в эмиграции. На кладбище Монмартр я видел потом его могилу с вновь актуальной надписью: *Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor*^[23]. Даже мертвый, Леон Стемповский казался столь опасным для сильных мира сего, что во времена русско-французского союза парижская полиция не разрешала фотографировать его могилу.

Рядом находилась спальня деда, носившая уже более индивидуальный отпечаток его личности. В ней стояли грубые столы и табуретки из орехового дерева, и помещался целый охотничий арсенал. На оленьих рогах висели двустволки различных типов, порою помнившие николаевские времена, барсучьи сумки^[24], охотничьи рожки и трубы. Во время каникул с семи лет я должен был сопровождать деда на охоте. Зимой нужно было вставать до рассвета, среди звуков труб и лая гончих. На снегу дед учил меня читать следы животных и восстанавливать сцены лесных драм. Охота была тогда глубокой и сложной наукой, основанной на точном знании жизни и обычаев леса, и мало напоминала охоту с травлей, практиковавшуюся позже высшими светскими кругами и более походившую на непрофессиональную бойню. Впрочем, животных мне было жалко, и я по мере возможности старался выпускать их из-под обстрела, покорно смиряясь с репутацией неважного стрелка и растяпы. Деду я обязан и первыми уроками верховой езды. Для них служила добродушная лошадь с хребтом необычайной ширины, на который я должен был взбираться своими силами без помощи стремян. При первых шагах рысью я обычно падал на землю. Лошадь останавливалась и склоняла голову, чтобы взглянуть на меня

своими близорукими моргающими глазами. Учение, однако, не пропало даром, и вскоре я стал хорошим наездником, не боявшимся молодых и норовистых коней.

Дед мой окончил киевский университет при царствовании Николая I и живо сохранил в памяти те суровые времена, когда в армии служили 25 лет и за каждым полком возили телеги, гружённые палками для исполнения телесных наказаний. Рассказы его я слушал с волнением и недоверием, не зная, что в мое время человечество еще раз вернется к телесным наказаниям и абсолютной власти, и что богатые люди в своих салонах будут разговаривать об этом, как о вещах необходимых и желательных.

В конце жизни мой дед начал интересоваться садоводством. В его имении в трех местах появились новые сады, и в каждом из них был построен небольшой жилой дом. Пока эти дома стояли незаселенными. Я не знал намерений своего деда, но сегодня, когда я припоминаю эту деталь, у меня есть ощущение, что в его мыслях возник образ колонии, способной дать убежище его внукам в случае, если бы им пришлось испытать неудачу в поисках счастья вне сельского хозяйства. Воспитанный в николаевские времена, дед мой помнил печальную судьбу интеллигенции того периода. Свободные профессии казались ему ненадежной карьерой, требующей гибкости характера, компромиссов с совестью, и в результате лишенной независимости, какую давала жизнь в деревне. Мое поколение не разделяло этих взглядов. Не навязывая нам собственных, дед наш собирался при своей жизни подготовить нам место для отступления, если бы его опасения оказались верными.

Дед мой умер в 1913 году. Каждый, кто впоследствии был свидетелем упадка свободных профессий в Восточной Европе и их окончательного подчинения авторитарному государству, должен будет признать, что дед мой видел значительно дальше, чем большинство его современников.

-
1. Эссе написано и впервые опубликовано в 1942 году. Здесь и далее прим. пер.
 2. Филиппоны (филипповцы, липоване) – старообрядцы поповского направления, в конце XVII – начале XVIII веков после церковных реформ Никона переселившиеся в Молдавское княжество и Буковину.
 3. Кабанник (укр.) – свиноторговец.
 4. Станислав Стемповский (1870–1952) — польский и

украинский политик и общественный деятель. Был министром в нескольких кабинетах Украинской народной республики в 1920 году.

5. Кресы — польское название территорий нынешних западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Речи Посполитой; «восточная окраина».
6. Фольварк – в Польше усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.
7. Голова (нем., идиш).
8. Пацификация в Восточной Малопольше – жесткие военно-полицейские мероприятия польских властей против украинского населения, проведённые в 1930 г. для подавления антипольских террористических действий и саботажа.
9. «Аксьон франсез» (фр. Action française – «Французское действие») – монархическая политическая организация во Франции и одноименный журнал. «Гренгуар» — французская право-националистическая еженедельная газета.
10. Librairie Rousseau – французская сеть книжных магазинов.
11. «Меркюр де Франс» — литературный журнал, издающийся в Париже с 1672 года.
12. Отрывок стихотворения М. Метерлинка «Теплица». В переводе А. Ремизова: «О теплица посреди лесов!/И двери твои, навсегда закрыты!/И все, что есть под твоим куполом!/И под моей душой, родной тебе!».
13. Сословие всадников (лат.).
14. Этуаль – звездообразное пересечение аллей в парке.
15. Квинкункс – расположение элементов по углам квадрата с пятым элементом в центре.
16. Аббат Жак Делиль (1738–1813) – французский поэт и переводчик, автор поэмы «Сады или искусство украшения пейзажей».
17. Станислав Трембецкий (1739–1812) — польский поэт эпохи Просвещения, секретарь короля Станислава Августа. В 1806 г. написал поэму «Софиевка», посвященную парку, основанному в г. Умань польским магнатом Станиславом Потоцким и названному в честь его жены Софии.
18. Граф Франциск Ксаверий Браницкий (1731–1819) — крупный военный и государственный деятель Речи Посполитой, проводил пророссийскую политику.
19. Перистиль — открытое пространство, как правило, двор,

сад или площадь, окруженное с четырех сторон крытой колоннадой.

20. Курпы – субэтническая группа, населяющая территорию исторической Мазовии.
21. Кунтуш – верхняя одежда польской шляхты XVII–XVIII веков – вид плаща с разрезанными рукавами.
22. Леон Стемповский был участником Ноябрьского восстания 1830–1831 гг.
23. «Да возникнет из наших костей когда-нибудь мститель» (Вергилий, «Энеида»).
24. Шкура барсука считалась лучшим материалом для изготовления охотничьих сумок (ягдташей).

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Современная российская историография истории Второй мировой войны все больше напоминает свою предшественницу времен коммунизма.

Польша как объект идеологической критики

В 2014 году исполняется 75 лет с начала Второй мировой войны. Безусловно, эта дата привлечет внимание белорусских и зарубежных историков. В этом смысле интерес вызывает отношение к юбилею российских исследователей, тем более, что Кремль взял направление на формирование собственной концепции истории тех событий. Основная критика российских историков направлена не только в сторону нацистской Германии, но и в адрес Второй Речи Посполитой, которую обвиняют во всех смертных грехах. Более того, современная официальная российская историография и историческая публицистика пытается убедить своих сограждан, а вместе с ними и жителей других постсоветских стран (прежде всего белорусов и украинцев) во враждебном отношении сегодняшней Польши к так называемой восточноевропейской цивилизации и роли СССР в победе над нацистской Германией. В этом контексте своеобразными символами является так называемая «анти-Катынь», а именно тяжелая судьба красноармейцев, оказавшихся в польском плену в результате польско-большевистской войны 1920 года, а также действия межвоенной Польши, направленные на поддержку эмигрантских элит национальных республик СССР в 20-х и особенно 30-х годах.

Война разведок

В 2003 году в Москве была издана монография генерал-майора Льва Соцкова «Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки». Целая глава этой книги посвящена именно описанию «антисоветской деятельности» Второго (разведывательного) отдела польского генерального штаба в конце 30-х годов. Автор много внимания уделяет т.н. «прометейской» деятельности Польши, которая проявлялась в подготовке разведывательной агентуры из представителей эмиграции. Лейтмотивом этой главы была мысль о том, что межвоенная Польша готовила агентов на случай нападения Германии на СССР.

С этим, однако, трудно согласиться. Хорошо известно, что в течение межвоенного двадцатилетия советская сторона проводила активные разведывательные действия против Польши и по военной линии, и через политические структуры Коминтерна и компартии Западной Беларуси и Западной Украины. Польская сторона также «следила» за опасным соседом на Востоке, используя как дипломатическую разведку и агентуру Корпуса охраны пограничья (КОП), так и представителей эмиграции. Почти до самого начала Второй мировой войны в глазах Кремля именно Польша была главным врагом Страны Советов, поэтому в Варшаве старались держать порох сухим. Резюмируя свои рассуждения, российский военный историк отмечает: «В результате советско-польской войны в 1920 году в польских лагерях оказались десятки тысяч советских военнопленных, расстрелянных (!) позже без суда и следствия. Почти через 20 лет такая же участь постигнет поляков в Советском Союзе. Им в Катыни есть мемориал. В Польше нет. Почему? Или убитые (!) в Польше менее важные с общечеловеческой, христианской точки зрения, чем те, кто нашел свой конец в смоленских лесах?». В этой фразе Лев Соцков озвучил главный постулат, к сожалению, очень популярной сегодня среди российских историков «анти-Катыни». Однако следует подчеркнуть, что пленных красноармейцев в польских лагерях никто не расстреливал. Они умирали от голода и болезней, но не потому, что поляки над ними издевались, а скорее потому, что польские власти не были в состоянии обеспечить потребности такой массы людей, которых большевики бросили на произвол судьбы. И памятники на местах тех лагерей и кладбищ в Польше стоят. Но правду об этом в России не любят озвучивать, пользуясь старыми пропагандистскими клише.

Идеологическая партитура

В начале статьи я специально обратил внимание на 75-летие начала Второй мировой войны, которое приходится на 2014 год. Дело в том, что активизация «пропагандистской работы» в России происходит именно накануне юбилейных дат. Например, российские историки-государственники бурно отреагировали на 70-летие начала Второй мировой войны в 2009 году. Российским Фондом исторической перспективы при взаимодействии с Комиссией при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России был издан сборник «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?», ответственным редактором которого стала одна из наиболее одиозных фигур сегодняшней России, доктор исторических

наук Наталья Нарочницкая. В предисловии к изданию отмечается: «Сегодня вместо того, чтобы добросовестно открывать неизвестные страницы истории и архивы, Запад сконцентрировал усилия на новой задаче — избавиться от комплекса неполноценности и вины за грехопадение фашизмом. Интерпретация событий непосредственно в Восточной Европе между двумя войнами становится особенно весомым инструментом переписывания истории XX века. Европа, которая выжила и сохранила демократию и себя как субъект истории и культуры только благодаря крупным жертвам и сопротивлению фашизму нашей страны, благодаря нашему союзничеству в антигитлеровской коалиции, предаёт свое собственное прошлое». Вот так, одной фразой госпожа Нарочницкая ставит под сомнение наработки (кстати, очень полные и глубокие) представителей европейской историографии истории Второй мировой войны.

Авторы сборника «прошлись» по всем западным странам. Были упомянуты прибалтийские государства и их предвоенный «флирт» с Германией, бездействие Великобритании и Франции в 30-е годы, но особое внимание было уделено, безусловно, анализу предвоенной политики Второй Речи Посполитой. И здесь не обошлось без «анализа» чехословацкого кризиса 1938 и участия Польши в этом процессе. Лейтмотивом статьи ведущего научного сотрудника Института славяноведения Российской академии наук Валентины Марьиной была идея о том, что в конце 30-х годов Польша вместе с Германией собиралась участвовать в... разделе России.

История по советским документам

Тему польско-немецкого предвоенного «френдшипа» развивает уже упомянутый ветеран советской внешней разведки Лев Соцков в сборнике документов «Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации», который увидел свет в 2010 году. В предисловии автор отмечает: «Находясь в плену исторических и идеологических предубеждений, вынашивая собственные планы территориальных приращений, польское руководство не осознавало угрозу собственному суверенитету. Иллюзорное, деформированное польским лидером Юзефом Пилсудским и возглавлявшим Министерство иностранных дел Юзефом Бекком представление о совпадении долгосрочных интересов Польши и Германии на Востоке, оказались роковым для польского народа. Варшава заняла позицию, исключающую возможность заключения военного соглашения между СССР,

Англией и Францией при участии польской стороны». Действительно, Юзефа Пилсудского можно назвать сторонником «германского вектора» польской внешней политики. Находясь между молотом и наковальней, Польша вынуждена была выбирать между двух зол. Память о польско-большевистской войне жила в польском обществе на протяжении всего межвоенного двадцатилетия, и Варшава небезосновательно главную угрозу для себя видела именно на Востоке, тем более, что Москва не скрывала своего желания вернуть Западную Беларусь и Западную Украину. Вместе с тем, польские элиты в конце 30-х годов действительно переоценивали возможности своей страны, мечтая о заморских колониях и слишком надеясь на западных союзников. Прагматизм Юзефа Пилсудского заставлял польскую политическую верхушку трезво оценивать геополитическое положение в регионе, однако после смерти маршала ситуация изменилась к худшему.

Надо понимать, что в данном сборнике опубликованы документы советской разведки, причем с сохранением первоначальной стилистики. Без соответствующих комментариев создается впечатление, что единственной «силой добра» в Европе тридцатых годов был Советский Союз, а другие государства были союзниками Третьего Рейха. Однако в действительности именно СССР вступил во Вторую мировую войну в качестве союзника нацистской Германии.

История сентября 1939 года напрямую касается и Беларуси, так как на территории нашей страны происходили важнейшие военные и политические события начала Второй мировой войны. При этом важно, чтобы история сентябрьской кампании 1939 года, присоединения Западной Беларуси к БССР, советизации западных областей (в том числе и репрессий против жителей этого региона) исследовалась представителями белорусского исторической школы с национальных позиций. При этом, безусловно, нужно учитывать взгляды российской и польской историографии. Наконец, следует понимать, что в силу того, что Беларусь находится в российском информационно-гуманитарном поле, идеологические тренды с Востока (о которых сказано выше) будут автоматически распространяться и в Беларуси, и к этому надо быть готовым.

Заславль, Белоруссия

27.12.2013

ТА, ЧТО НЕ ПОГИБЛА

1

Мой брат, судьба лихая
нас разделяет вновь —
смерть косит, вылетая
из двух враждебных рвов.
Под стон, под гром орудий,
в неистовстве атак,
в окопах гибнут люди —
я враг твой, ты — мой враг!
Лес плачет, день тускнеет,
в огне дрожат миры...
Две вражеских траншеи:
в обеих — я и ты.

2

Огнём смертельных залпов
рассеивая мрак,
ты свистом пуль внезапным
мне посылаешь знак.
На наш покатый бруствер
шрапнельный сыплешь град
и мне кричишь стоусто:
— Вот я, твой брат... твой брат!
Лес плачет, даль пылает,

пожаром мир объят,
а ты все повторяешь:
— Я брат твой, брат... твой брат!

З

Ты обо мне не думай,
со мной вступая в бой.
В огне, мой брат угрюмый,
как рыцарь, гордо стой.
Едва меня увидишь,
стреляй — ведь я твой враг, —
и в польском сердце выжги
московской пулей знак.
Сквозь сон и явь мне видно:
нас время оживит,
и та, что не погибла,
восстанет на крови.

Сентябрь 1914

Эдвард Слонский (1872–1926) был в молодости деятелем социалистических организаций. Окончил Казанский университет, по образованию был зубным врачом. В 1914 году вступил в Легионы Пилсудского. Выпустил много поэтических сборников и книг для детей, но известен как автор одного стихотворения — «Та, что не погибла». Стихотворение написано в августе 1914-го, сразу после начала войны, во время которой польские солдаты сражались в рядах трех захватнических армий: русской, германской и австрийской. Стихотворение обрело невероятную популярность, вскоре к нему была написана музыка, и оно стало песней. Следует добавить, что предпоследняя строфа имела два варианта. Одни пели: «...и в польском сердце выжги московской пулей знак», а другие: «...и в польском сердце выжги немецкой пулей знак», — что точно передает драму той войны. Любой войны.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Литературные творения авторства Ярослава Марека Рымкевича всегда привлекают меня своей оригинальностью и тем, что им удается открывать пространство действительности альтернативное реальному миру. Так было раньше, так обстоят дела и ныне, причем интенсивность поисков в сфере создания новаторских форм и преодоления исчерпанной модернистской наррации в случае этого писателя по-настоящему импонирует. Так происходит в его исторических романах и в романах историко-литературных, поскольку в книгах, посвященных таким фигурам, как Александр Фредро или Юлиуш Словацкий, Рымкевич открыл новое качество романа, для которого наиболее подходящим названием будет «ученый сказ», версия старопольской шляхетской повести-гавэнды. Это относится к тем книгам, которые критики по-прежнему определяют как романы: будь то произведение, даже озаглавленное по-немецки «Kinderszenen» («Детские сцены»), или самые последние исторические «донесения» — «Рейтан» и «Самуил Зборовский». Особое место среди этих творений занимают интервью для прессы, в которых Рымкевич создает фигуру оторванного от жизни писателя, комментирующего нынешнюю польскую действительность, альтернативную по отношению к реально существующему положению вещей. В последнем произведении из этого цикла, озаглавленном «Третьей Речи Посполитой не существует, это выдумка», опубликованном в еженедельнике «вСети» (№ 23/2014), нарратор описывает свой воображенный мир следующим образом: «Я считаю, что употребление названия “Третья Речь Посполитая” оскорбляет величие и славу Первой и трагедию Второй. Третья Речь Посполитая — это пропагандистская выдумка. Сегодня вокруг нас нет такой действительности, которую можно бы назвать Третьей Речью Посполитой. Это вымысел, которым пользуются — довольно, впрочем, эффективно — для одурачивания телевизионной публики или, как говорится, для промывания мозгов. (...) Это, вероятно, какое-то государственное или полугосударственное образование, но уж точно не Речь Посполитая». Последнее предложение представляется здесь ключевым: в нем автор использует модальность предположительности. Любой внимательный читатель его последних книг должен был

заметить, что все эти «пожалуй», «наверно», «по всей вероятности» составляют основной «стройматериал» повествования.

Содержание его, однако же, занимательно. Вот нарратор говорит, что нет причин для празднования 25-летия нашей независимости (а ведь годовщина прошла очень торжественно и была вдобавок отмечена знаменательной речью президента США Барака Обамы), — но следует сосредоточиться на других датах: «Начнем с первой. В 2014 году будет 310 лет вступления русских войск в Польшу. 30 августа 1704 года царь Петр I заключил с Августом II Сильным в Нарве договор, который позволял царю ввести русские войска в Польшу, разместить их на постоянной основе и вести на землях Речи Посполитой войну с армией короля Швеции Карла XII». Добавим, что следствием этого сговора — ведь Август II, хоть и был королем Польши, но все-таки оставался немцем — была победа в битве под Полтавой, где русские одолели объединенные шведские и украинские войска, и это стало первым триумфом, введшим Россию в круг стран, играющих видную роль в Европе. Сто лет спустя, после победы над Наполеоном и решений Венского конгресса, это сделало Россию, вплоть до Ялты, партнером Запада в формировании порядка на континенте. С этим последним связана вторая годовщина, отметить которую советует нарратор произведения Рымкевича: «Семидесятая годовщина возобновленного, после короткого перерыва, вступления русских войск в Польшу в 1944 году (...), и можно даже сказать, что то, что случилось в 1944 году, было продолжением договора 1704 года». То есть мы должны праздновать годовщины событий, которые стали причиной национальных катастроф и несчастий, что по сути вписывается в канон, который можно назвать романтической парадигмой и который десятилетиями доминировал в польском политико-историческом мышлении. Этот способ мышления позволяет представить нынешнее положение Польши как далекое от суверенного: «Похоже, что производственная сфера контролируется Германией, а политическая — Россией. Похоже также, что — хотя очевидных доказательств тому, конечно, покуда нет — Третья Речь Посполитая была придумана экспертами из Москвы и Берлина затем, чтобы заменить ту гниющую, бессильную, полностью утратившую способность управлять поляками форму государственности, которой была ПНР». И вновь: модальность предположительности укрепляется внушением, что хотя «покуда» доказательств тому и нет, однако в будущем такие доказательства обнаружатся.

Весьма проницательно объясняет у Рымкевича его нарратор вывод из Польши русских войск: «Убрать войска было необходимо, потому что Польша должна была войти в НАТО, — русским это было явно на руку». А при оказии получилось извлечь дополнительные выгоды: «Это также дало возможность снизить расходы по управлению Польшей. (...) Кому нужны танки под Легницей, если есть ракеты и есть телевидение». Следует признать, что это довольно сложная фигура речи: наверное, было бы неглупо назвать причины, по которым вступление Польши в Североатлантический союз «русским было явно на руку». Поэтому и наступило молчание (отмеченное в тексте интервью) после вопроса о том, каковы признаки польской свободы. Но, после минутной паузы, персонаж, созданный Рымкевичем, отвечает: «Уж и не знаю, возможна ли вообще свободная Польша. Есть свободные поляки, и их легко распознать. По крайней мере, я сразу вижу (на это какое-то влияние оказали мои исторические исследования), кто свободный поляк, а кто ведет себя как невольник Москвы». Для равновесия следовало бы, пожалуй, обратить внимание и на невольников Германии, но нарратор Рымкевича сосредоточен прежде всего на угнетении со стороны Кремля, Германия у него только орнамент, что при таком художественном подходе вполне закономерно. Если же речь идет о пространстве польской свободы — его тайники раскрывает более раннее интервью Рымкевича, из которого можно узнать, что точка высшего напряжения польскости находится при рабочем столе писателя в Милянубеке под Варшавой. И чем больше мы отдаляемся от этого стола, тем трагичнее становится образ Польши: «Поляки сейчас грустят. Здесь все печально, кроме семейной жизни — последней, еще не завоеванной крепости поляков». Можно поэтому питать надежду, что очередное произведение Рымкевича будет посвящено именно этой осажденной крепости. А пока что представленные здесь выводы вызывают нескрываемую и далекую от грусти радость бравших у писателя интервью братьев Карновских, что убедительно подтверждает украшающая этот материал фотография.

Тем временем имеет смысл посмотреть на польскую жизнь с несколько иной точки зрения — быть может, менее привлекательной в литературном отношении, зато более близкой к реалиям. Вот что замечет Анджей Менцвель в интервью, озаглавленном «Идут молодые», на страницах «Газеты выборчей» (№ 131/2014): «Сегодня (...) никак нельзя не видеть и не знать, что уже в полный голос начинает говорить поколение людей, вся зрелая жизнь которых приходится на время после 1989 года. Они говорят в полной уверенности, что

свобода мысли естественна. И это не только политическая свобода слова, но и независимость позиций во всех измерениях. Убежденность, что свобода критики и дискуссии принадлежит нам как очевидное благо, которым следует пользоваться. Более того: что это адекватный и единственный способ достичь общего, даже высшего блага. (...) Это молодое, а точнее, новое поколение — особенное, потому что не считается с устоявшимися предписаниями нормативности. И не только в отношении властей, но и по отношению к прежней и новой оппозиции. (...) Все более ярко будет проявляться анахронизм политических схваток, которые происходят сейчас, на этой сцене». Молодые сдают в архив традиционные вопросы: «Если мы замыкаемся в символах и выполняем ритуальные обряды, тогда история и в самом деле замирает и становится антиквариатом. Радикальная политизация истории, которая доминировала в последние десятилетия, ее сужение до аукциона разоблачений лежат в основе того, что молодые отказались сводить давние политические счета. К счастью, возвращается серьезный интерес не только к истории, но и к ее социальной и культурологической составляющей».

Менцвель, описывая в интервью кризис политической демократии, который нельзя преодолеть исключительно политическими средствами, надежды на новые решения связывает с молодыми. Обращая внимание на необходимость исключить образование из сферы политизации, он говорит: «Если эту фундаментальную для нашего будущего проблематику мы не выведем из игры партийных аппаратов, всеобщее оглушение будет неизбежным. И оно уже началось!» Вся надежда «на нарастающие общественные и цивилизационные проблемы, которые потребуют изменить мышление. На молодое поколение ученых всех направлений, не только гуманитариев, но и на артистов, писателей, социальных и культурных аниматоров, которые эту перемену подготавливают. Их независимые взгляды и позиции рано или поздно изменят эту действительность — придадут ей более глубокое общественное дыхание и цивилизационную бодрость. Этот напор будет набирать силу, и произойдет либо основательное изменение политики, либо драматическое по своим последствиям столкновение. Ибо существующее положение должно быть изменено!» В особенности это касается ситуации в высшем образовании, то есть там, где формируются установки и ожидания нового поколения: «Ситуация в университетах достигла своих негативных границ, которые необходимо пересечь. Правительство, независимо от того сколько профессоров входит в его состав, демонстрирует в этом отношении поразительную глухоту. Так

что либо возникнет реформаторское движение, либо еще раз разразится 68-й год. Но в парижском, а не варшавском варианте. (...) И не произойдет ли это раньше, чем мы полагаем?» Здесь заключение Менцвеля не отличается от диагнозов, поставленных другими: в последнее время о драматическом положении университетов писал профессор Мартин Круль. Речь, однако, идет не только об условиях труда и учебы, но об интеллектуальном климате, о застое, вызванном административным формализмом, который не позволяет молодым, нацеленным на инновационность ученым реализовать свои мечты и проекты. Но дело в том, что это касается системы образования не только в Польше, но и во всей Западной Европе.

Важная дискуссия о сегодняшнем и будущем положении Польши с политико-исторической плоскости переносится, наконец, на почву экзистенциально-футуристических изысканий; это, впрочем, не значит, что историю забыли и отправили в чулан. Напротив — она является предметом критичной рефлексии. Идентичность для молодых — это не раз и навсегда сформированная матрица, а задача, которую надо решить: примеры, предлагаемые традицией, подвергаются пересмотру в изменившихся исторических обстоятельствах, перестают быть собранием застывших символов. С таких позиций выступают молодые — возможно, еще не до конца сформировавшиеся, не всегда осознающие роль, которую им предстоит сыграть, но очень неуютно себя чувствующие в скроенном для них традицией костюме. Они преисполнены новыми чувствами, новыми запасами энергии. И конечно же то, что они создадут, в значительной мере предопределяет система образования, в настоящее время немогущая, оказавшаяся не в состоянии инспирировать инновационность, блокирующая инициативу. Как в давние времена писал ренессансный публицист Анджей Фрыч Моджевский: «Таковыми будут Речи Посполитые, какой воспитана молодежь». Кризис в системе высшего образования налицо, и от молодых теперь зависит, закончится ли он катастрофой или будет преодолен. Если первое, — тогда поляки запрутся в осажденной вражьей силой крепости семейной жизни, а их экзистенцию будет описывать нарратор Ярослава Марека Рымкевича.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

У нас новый министр культуры и национального наследия. 17 июня президент Бронислав Коморовский назначил на этот пост Малгожату Омиляновскую, занимавшую должность вице-министра. Она сменила Богдана Здроевского, который стал депутатом Европарламента. Профессор, доктор наук Малгожата Омиляновская — историк искусства. Выпускница Варшавского университета; училась также на архитектурном факультете Технического университета в Берлине. Специалист по архитектуре XIX и XX века, теории искусства, по вопросам охраны памятников. «Большое преимущество Малгожаты Омиляновской — читаем в комментарии Романа Павловского в «Газете выборчей», — это умение четко формулировать мысль. Надеемся, что это поможет ей убедить остальных членов Совета министров, что культура — это не придаток, а центральный элемент общественной жизни».

Малгожата Омиляновская — третья, после Изабеллы Цивинской и Иоанны Внук-Назаровой, женщина на посту министра культуры.

Варшавская книжная ярмарка уже во второй раз проходит на Национальном стадионе. Ярмарка, пятая по счету, стала рекордной по числу экспонентов. В Варшаву приехало свыше 700 издателей из Польши и 22 других стран, гостями ярмарки было около 650 авторов. Среди них, например, Юлия Хартвиг, Юзеф Хен, Яцек Хуго-Бадер, Януш Гловацкий, Мариуш Щигел, Анджей Вайда, Адам Вайрак. Публика тоже собралась, мероприятие привлекло 60 тысяч посетителей, в их числе — Первая Дама госпожа Анна Коморовская и посол Турции. Присутствие Турции на ярмарке связано с 600-летием установления дипломатических отношений между нашими странами. Переводчик польской литературы на турецкий язык Осман Фират Бас был отмечен премией Фонда польской культуры за популяризацию польской книги в мире.

Лауреатом Почетной премии Варшавской книжной ярмарки «Икар» стал Веслав Мысливский.

— Это премия — предостережение: если гордость вознесет нас слишком высоко, то солнце спалит и сбросит вниз. Меня всегда это беспокоило, хотя премии «Икар» у меня еще не было, — сказал писатель, награжденный за совокупность творчества.

Во время ярмарки традиционно называют номинантов на важнейшие литературные премии. Ни одна книга не была номинирована на все («Нике», «Гдыня» и «Грифия»). Сборники стихов «Разговоры с глухой собакой» Дариуша Фокса и «Один» Марцина Светлицкого были номинированы и на «Нике», и на «Гдыню», как и романы «Много демонов» Ежи Пильха, «Дело житейское» Павла Поторочина и «Ночные звери» Патриции Пустовяк. В первый раз в истории «Нике» один автор оказался номинирован дважды за две разные книги: у Ежи Пильха есть шанс получить премию за роман «Много демонов» и за второй том своего «Дневника». На премию также выдвинут роман двукратного лауреата «Нике» Веслава Мысливского «Последний кон». В категории «перевод на польский язык» на премию «Гдыня» выдвинут Ежи Чех за сборник стихов шестнадцати русских поэтов «Я вскарабкался на пьедестал. Новая русская поэзия».

В мае оглашен также список претендентов на поэтическую премию имени Виславы Шимборской. Шансы имеют пять авторов поэтических книг: Войцех Бонович за «Эхо», Яцек Денель за «Чужие языки», Мариуш Гжебальский за сборник «В других обстоятельствах», Юлия Хартвиг за «Записанное» и Михал Собошь за «Пульсары». Капитул премии под председательством Адама Поморского при выборе номинантов рассмотрел 171 книгу, изданную в прошлом году, в том числе 17 переводных. Имя лауреата будет названо 25 октября, а победитель получит 200 тыс. злотых.

17 мая во время торжественной церемонии во вроцлавском Театре кукол были вручены премии «Силезиус». Премия за совокупность творчества присуждена Дареку Фоксу. «Книгой года» жюри под председательством Яцека Лукашевича объявило сборник стихов Мариуша Гжебальского «В других обстоятельствах». Премия за интересный дебют получила Мартина Булижанская за книгу «Моя это земля».

Шведская писательница и журналистка Элизабет Осбринк, автор книги «В Венском лесу по-прежнему шумят деревья» стала лауреатом в пятый раз присуждавшейся премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Торжественная церемония с участием лауреатов прошлых лет состоялась 23 мая в варшавском Музее истории польских евреев.

Рассказывая личную историю еврейского парня, ищущего в Швеции убежища от Катастрофы, Элизабет Осбринк указывает на проблему потаенного шведского антисемитизма и нацистского прошлого страны. Она с горечью пишет о

бездрушном отношении к евреям со стороны как государственных властей того времени, так и всего общества. Припоминая позорное прошлое, автор обостряет ощущение драмы, разыгрывающейся на наших глазах, — драмы беженцев в нынешнем мире. «Необычайный исторический документ, а вместе с тем литература высшей пробы», — написал о книге Осбринк председатель жюри премии Мацей Заремба-Белявский.

По случаю 25-летия первых частично свободных парламентских выборов в Польше (4 июня 1989 года) состоялось множество юбилейных концертов и других культурных мероприятий. Слушатели «Радио-2» путем СМС-голосования выбирали литературный канон минувшей четверти века. Итоги плебисцита подведены 8 июня на «Пикнике Свободы» в парке «Королевские Лазенки» в Варшаве. Победил «Трактат о лушении фасоли» Веслава Мысливского, уже отмеченный ранее премией «Нике-2007» и литературной премией «Гдыня».

Продолжение списка принесло много сюрпризов. В первую десятку не вошли ни старшие классики (за исключением Тадеуша Ружевича), ни молодые и плодовитые писатели, уже составившие себе имя. Зато очень высоко, в первой пятерке, расположились книги Антония Либеры («Мадам»), Магдалены Гроховской («Вычтенные из молчания»), Войцеха Венцеля «Ода на день св. Цецилии»), а также поздний дебют Павла Поторочина «Дело житейское». Удивительно? Безусловно. Достаточно сказать, что Поторочин и Венцель опередили в рейтинге, например, Ольгу Токарчук, Мариуша Щигела, Дороту Масловскую, не говоря уже о Виславе Шимборской, Збигневе Херберте, Рышарде Капустинском или Густаве Герлинге-Грудзинском. Последнее, 25-е место, занял Анджей Стасюк с книгой «Дукла».

В ходе Праздника Свободы президент Бронислав Коморовский наградил представителей культуры и СМИ за выдающиеся заслуги в творческом труде на пользу демократических перемен и трансформации строя в Польше.

Командорским крестом Ордена Возрождения Польши были отмечены писатель Януш Гловацкий, а также бывший министр, ныне евродепутат Михал Бони, критик искусства Мариуш Хермансдорфер и председатель правления акционерного общества «ТVP» («Польское телевидение») Юлиуш Браун. Офицерским крестом Ордена Возрождения Польши за выдающиеся заслуги в создании в стране независимой прессы были награждены журналисты Богуслав

Хработа, Ярослав Гугала, Томаш Лис, Эдвард Мищак, Эдвард Кшемень, Ярослав Курский, Кристина Нашковская и Малгожата Шейнерт. Такую же награду за выдающиеся заслуги перед польской культурой получил Вальдемар Домбровский, бывший министр культуры, директор Большого театра — Национальной оперы.

25-летие победы «Солидарности» на выборах отметил также 51-й фестиваль польской песни в Ополе (6–8 июля). Воспоминаниям не было конца...

Мы услышали концерт «СуперДебюты» с песнями Чеслава Немена. Был фольклорно-музыкальный концерт-парад кабаре, приуроченный к 200-летию этнографа и композитора Оскара Кольберга. Прошел сольный концерт Эдиты Гепперт, а также вечер Рышарда Рынковского и Яцека Цыгана по случаю 25-летия их творческого сотрудничества. В программе были также конкурсные концерты «СуперПремьеры» и «СуперПервые», организованные первым каналом польского телевидения и первой программой польского радио. Фестиваль завершился гала-концертом под названием «25 лет! Свобода — люблю и понимаю». В нем выступило более тридцати артистов, в том числе Кристина Янда, Артур Андрус, группа «Lady Pank», а также Марыля Родович со своими хитами «Польская Мадонна» и «Вот мое счастье».

Рецензенты не оставили от фестиваля камня на камне. «Парад бездарных знаменитостей, абсурдная постановка и ярмарочное развлечение», — такую оценку дает в «Газете выборчей» Роберт Санковский в статье «Массовая дешевка атакует. Зубы болят». Досталось также и конференсье, выступления которых больше напоминали «какое-то телевизионное ревю времен Герека, чем современное шоу». Яцек Лютомский в «Жечпосполитой» также не скрывал разочарования: «В Ополе иссяк творческий потенциал. Финальный концерт смотреть было тяжело. В этом представлении все предсказуемо — как успехи, так и поражения».

Спектакль «Царица Екатерина» Театра имени Стефана Жеромского в Кельце по пьесе Иоланты Яничак в постановке Виктора Рубина одержал победу на XXV Международном театральном фестивале «Без границ» в Цешине и Ческом-Тешине. Фестиваль — это флагманское мероприятие связанного с демократической оппозицией объединения «Польско-Чешско-Словацкая солидарность». Публика выбрала лауреата из девяти показанных на фестивале спектаклей из Польши, Чехии и Словакии. Коллектив-победитель получил статуэтку «Сломанный шлагбаум».

Поэтическое повествование о том, как родившаяся в Щецине прусская княжна София Ангальт-Цербстская стала императрицей Всея Руси, вызвало в Польше большой интерес. Спектакль получил уже гран-при на фестивале «Рапорт» в Гдыне и главную премию жюри Смотра малых театральных форм «Контрапункт» в Щецине.

Победителем XXIV Международного биеннале плаката в Варшаве стал польский график Веслав Росоха. Золотая медаль присуждена ему за плакат под названием «Росоха. Иные образы, иные форматы», созданный к выставке работ художника, прошедшей в прошлом году в Галерее современного искусства повета Острув (Острув-Велькопольский).

Росоха учился на факультете графики варшавской Академии изящных искусств, в 1974 году защитил диплом, выполненный в мастерской плаката проф. Генрика Томашевского. Позже был ассистентом в живописной мастерской проф. Тересы Понговской. Художник сотрудничал со многими театрами и издательствами в Польше и за границей, а также с прессой, в частности с «Жечпосполитой» и «Газетой выборчей».

На конкурс в этом году прислали 3824 плакатов авторства более 1600 графиков из более чем 60 стран. Среди россиян отличился Дмитрий Мириленко. За плакат «Маяковский 120. 1, 2, 3», использующий одну из фоторабот Александра Родченко, художник получил бронзовую медаль.

Международное биеннале плаката (проводится с 1966 года) было и остается крупнейшим в мире открытым конкурсом, на котором «польская школа плаката» соперничает со всем миром. С 1994 года инаугурация биеннале традиционно проводится в первую субботу июня в помещении Музея плаката, созданного в 1968 году в варшавском районе Вилянув.

Конкурс на проект польского павильона для Всемирной выставки ЭКСПО-2015 в Милане выиграла варшавская архитектурная мастерская «2pm». Проект представляет собой яблочный сад, укрытый ажурной конструкцией, напоминающей сложенные яблочные корзины.

— Исходной идеей было использовать ассоциации, связанные с экономическим успехом нашего сельского хозяйства. Анализ темы давал один возможный результат. Польша как лидер производства и экспорта яблок должна опереть нарратив своей экспозиции на символике яблони, — объясняет Петр Мусяловский, руководитель архитектурной группы-победителя.

Мастерская «2рт» недавно получила также первую премию в конкурсе на памятник полякам, спасающим евреев во время Второй мировой войны, который будет установлен на Гжибовской площади в Варшаве.

В Польшу прибыли письма, заметки, насчитывающая более 500 штук коллекция фотографий, плакаты и газетные вырезки, собранные звездой польского кино и театра 60-х годов Эльжбетой Чижевской (1938–2010). Архив актрисы, умершей четыре года назад в Нью-Йорке, едва не попал на свалку. Благодаря вмешательству польского консульства в Нью-Йорке и министерства культуры Польши, материалы уже прибыли в Варшаве. Они переданы Национальному архиву цифровых материалов. На фотографиях Чижевская представлена в театральных ролях и в сценах из фильмов, но многие из них касаются частной жизни актрисы. Например, снимки, на которых она запечатлена с мужем Давидом Хальберстамом, американским журналистом, который после опубликования своей критической статьи в «Нью-Йорк Таймс» о Владиславе Гомулке стал в Польше персоной нон грата. Архив Чижевской хранит письма, например, Леопольда Тырманда, Кристины Захватович, Анджея Вайды, Даниэля Пассента. Кроме того, рисунки Пабло Пикассо, Анджея Дудзинского, Яна Млодоженеца, Францишека Старовейского. Через несколько месяцев собрание будет доступно в интернете.

Прощания

16 мая в Варшаве в возрасте 78 лет скончался Марек Новаковский, писатель, который почти все свое творчество посвятил Варшаве. Чаще всего он описывал мир воров, люмпенов и проституток, тех, кто существует на обочине «нормального общества». Его литературным дебютом был опубликованный в 1957 году рассказ «Квадратный». Книги «Этот старый вор» и «Бенек Цветочник» закрепили за ним «должность» варшавского «фольклориста».

С конца 60-х годов писатель был связан с политической оппозицией, а в 70-е годы стал одним из основателей подпольного литературного журнала «Запис». Два тома его «Рапорта о военном положении» (1982 и 1983) были отмечены культурной премией «Солидарности».

В 90-е годы Новаковский издал несколько книг, рисующих Польшу периода общественного переустройства в сатирическом ключе, среди них «Ното Polonicus» и «Греческий божок». В «Некрополе» (2005) и «Некрополе 2» (2007) он вернулся в Варшаву годов своей молодости. Несколько недель

назад в книжных магазинах появилась последняя книга Марека Новаковского «Дневник путешествия в прошлое» — сборник воспоминаний о 40-х и 50-х годах XX века.

20 мая в Варшаве в возрасте 84 лет умер Славомир Блаут, знаменитый переводчик немецкой, австрийской и швейцарской литературы. Наибольшую славу принесли ему конгениальные переводы прозы Гюнтера Грасса — от «Жестяного барабана» до «Траектории краба». «Вы создали для меня польскую версию “Жестяного барабана”. Я бы хотел, чтобы мы старились вместе», — написал Гюнтер Грасс в поздравлении к 80-летию своего переводчика.

В обширном списке свершений Славомира Блаута находятся также произведения Ингеборг Бахман, Кристы Вольф, Томаса Бернхарда, Германа Броха, Михаэля Энде, а также два романа Юрека Беккера, немецко-еврейского писателя, выжившего в Лодзинском гетто.

20 мая в Варшаве умер Тадеуш Доминик, выдающийся живописец-колорист и педагог. Ему было 86 лет. «Мир Доминика — это пылающие солнечные круги, цветы, жерди в плетне, глиняные горшки, караваи хлеба, трава», — писал о картинах художника друживший с ним Збигнев Херберт. Характерные для живописца близкие к абстракции картины, которые он называл «доминиками», начали появляться с конца 50-х годов. Он постоянно обращался к одним и тем же темам, связанным с наблюдением природы. Создавал также художественные ткани, работал в керамике, скульптуре.

15 июня в Кракове скончался Анджей Худзяк, актер «Старого театра», с которым он был связан всю жизнь и где дебютировал в 1975 году в «Горбуне» Мрожека в постановке Ежи Яроцкого. Худзяк играл в краковском театре в спектаклях Тадеуша Брадецкого, Анджея Вайды, Рудольфа Зёлы, но, прежде всего, был актером Кристиана Люпы. Незабываемый образ Конрада создан им в спектакле «Известковый карьер» по Томасу Бернхарду в постановке Люпы. Худзяк снимался также в кино. Наибольший успех принесла ему роль Мирона Бялошевского в картине «Несколько человек, немного времени» в постановке Анджея Баранского. Анджею Худзяку было 59 лет.

РОССИЯ, БЕЛАЛУСЬ И УКРАИНА НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛОВ

Вроцлавская «Одра» — это журнал, который в своем иностранном отделе печатает, главным образом, материалы, связанные с художественной и литературной жизнью стран Западной Европы. Поэтому приятной неожиданностью стала возможность прочесть в «Одре» № 11/2013 целую подборку текстов о России. Прежде всего заслуживает внимания очерк Эдварда Чапевского «Россия во мгле?», автор которого, парафразируя название знаменитой книги Г. Д. Уэллса, пробует поставить диагноз современной России, а также ответить на вопрос о будущем этой страны. Необычайно ценными следует признать соображения данного автора об отсутствии там оснований демократии, делающем сегодня невозможным нормальное развитие России. Причем поспособствовали такому состоянию вовсе не какие-то дефектные черты национального характера — его вызвали исторические завихрения, а также конкретные действия абсолютной власти. Так, например, в 1917 г. попытка установления парламентской демократии была грубо прервана большевиками. В современной России Путин жестко централизовал власть; в частности, под предлогом борьбы с региональным сепаратизмом была ликвидирована выборность губернаторов, которых в настоящее время назначает Кремль, и это также явилось ударом по нарождающейся демократии. Автор прогнозирует, что перед лицом ухудшающейся конъюнктуры на мировом сырьевом рынке вскоре в России дело может дойти до взрыва общественного недовольства.

В «Одре» мы обнаруживаем также изрядное количество любопытных текстов из области литературы. Здесь представлены, среди прочего, переводы стихотворений Михаила Кузмина, выполненные Збигневом Дмитроцей, фрагмент прозы Юрия Полякова, эссе «Ex oriente lux»^[1]. Хронотоп Владимира Сорокина» авторства Тадеуша Климовича, а также беседа с переводчицей прозы Бунина Ренатой Лис. Огромное впечатление производит фрагмент воспоминаний Дмитрия Лихачева о блокаде Ленинграда. Кровь стынет в жилах от представленного автором описания

повседневной жизни в умирающем городе, где распространяется каннибализм, а люди погибают от голода и истощения. Работавший тогда в Институте русской литературы («Пушкинском доме») российский филолог описал еще и грабеж музейных экспонатов, который позволяли себе жадные чиновники, а также гибель интеллектуальной элиты Ленинграда. Это трагическое испытание сорвало покровы с сущности человеческого естества: «Во время голода люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные, беспримерные герои, другие — злодеи, мерзавцы, убийцы, людоеды. Середины не было». Лихачев подчеркнул также спасительную силу культуры, помогающей продержаться во время жестокой блокады. Он сам и его семья учили наизусть стихи, другие вели дневники, работали над философскими трудами, писали картины.

В отделе рецензий мы находим обсуждение книги «Россия как медведь. История. Семиотика. Политика»; которая представляет собой сборник докладов, прочитанных на научных конференциях, которые проходили в университетах в Лодзи и в Иваново и были организованы польским исследователем Анджеем де Лазари и российским ученым Олегом Рябовым. Медведь как символ России появился в коллективном сознании Запада уже в XVIII веке. Он ассоциировался с варварством, жестокостью, нечеловеческим насилием. Талисман московской олимпиады 1980 г. был попыткой сделать этот образ более теплым. Медведь использовался также в избирательных кампаниях Ельцина и Путина, сейчас он тоже появляется в адресованных западному потребителю рекламах российских товаров, где к нему по-прежнему относятся с ироничной дистанцией, — написал автор рецензии.

В сообщениях польских СМИ из России доминируют политические и экономические сведения, в то же время ощущается явная нехватка информации, связанной с культурной жизнью. Этот пробел частично восполняет тематический номер культурного ежеквартального журнала «Опции» № 3 (92)/2013, озаглавленный «Российская контркультура», где мы найдем тексты из области искусства, литературы, музыки и театра. Прежде всего имеет смысл обратить внимание на блистательную статью «Повесть о культурно-перемещенном лице» Ильи Кабакова — доклад, произнесенный им на конгрессе Международной ассоциации художественных критиков (International Association of Art Critics). Этот проживающий в Нью-Йорке российский

художник, опираясь на собственный биографический опыт, обрисовал препятствия, стоящие перед приезжим из постсоветской Восточной Европы на пути к интеграции в интернациональный мир искусства. Такой «перемещенный» художник живет мифом патернализма, а также культом западного искусства. Но на Западе всё пропитано критицизмом, которого пришелец не в состоянии принять, поскольку его переполняет восхищение перед западным искусством. Очередным недостатком творца с Востока, делающим для него невозможным вступление в западное художественное сообщество, становится «негативный этнографический фактор», выражающийся в чувстве принадлежности к определенной национальной культуре. Неким выходом из данной ситуации может быть попытка найти универсальный, международный язык. В своем тексте Кабаков излагает весьма любопытный взгляд человека извне на то, как функционируют институты культуры в Европе и Соединенных Штатах.

Среди текстов об искусстве особого внимания заслуживает эссе Андрея Шенталя и Анны Ильченко «Метахудожники как квазикураторы», авторы которого интерпретируют художественные проекты Арсения Жиляева «Музей пролетарской культуры. Индустриализация богемы» и Анастасии Рябовой «Artists' Private Collections» с точки зрения сочетания функций художника и куратора, что позволяет творцам передвигать границы того, что поддается воображению. Искусство протеста стало предметом беседы «Is there future forever?» («Существует ли вечное будущее?»), которую Луция Малец-Корнаев провела с граффитистами Мишей Мостом и Майей Колесник. Состоялась она во время открытия выставки «Angry Birds» в варшавском Музее современного искусства, где демонстрировались работы молодых российских художников. В рамках указанного проекта Миша и Майя создали на одной из варшавских улиц политически ангажированные граффити. Фотографии этих работ тоже можно увидеть в данном номере «Опций».

О том: «Какое завтра ждет "Войну"?» — размышляет в одноименном тексте Гжегож Шимчак, представляя деятельность арт-группы «Война», которая прославилась скандальными хеппенингами, носящими политический характер. В своих акциях они переходят границу между искусством и хулиганской выходкой. В настоящий момент большинство ее членов выехало за границу, опасаясь репрессий со стороны властей.

В литературном отделе «Опций» у нас есть также возможность прочитать текст Алиции Володзько-Буткевич «Что слышно в российском литературном интернете?» Это тщательно подготовленный путеводитель по авторским страницам русских писателей, по электронным библиотекам, по порталам, содержащим информацию о литературной жизни и литературных конкурсах, а также по сайтам для дебютантов. Пользуясь приведенными там интернет-адресами, читатель может самостоятельно расширить свои знания на тему современной русской литературы. «Российский литературный интернет формировался в 90-х годах, главным образом — как новая форма самиздата. (...) Сегодня контркультура представляет собой нечто другое: своей экспрессией она поддерживает действия политической оппозиции», — таков заключительный вывод автора.

Музыкальный отдел открывается текстом Яна Бинчицкого «Поп, иначе говоря, рок», который посвящен довольно известной в Польше книге Константина Усенко «Глазами советской игрушки. Антология советского и российского андерграунда». На основании материала, собранного в этой публикации, автор эссе сосредоточился, в частности, на перечислении факторов, отличающих российские и советские панк-роковые группы от западных трендов. Вхождение в названную среду было для музыканта прежде всего жизненным выбором, «политическим жестом, формой сумасбродного, анархического бунта против тоталитарного государства». Другие тексты о музыке содержат обсуждение творчества Васи Обломова и Псоа Короленко. Блок российских текстов в «Опциях» завершают статьи Анны Зачковской и Жанны Сладкевич, которые анализируют сформировавшийся в СМИ образ Владимира Путина.

Тематический номер познанского журнала «Час культуры» (по-русски «Время культуры») № 3/2013 озаглавлен «Европейская Беларусь». В нем опубликованы тексты, показывающие культурные явления у восточного соседа Польши прежде всего через призму связей с Европой. Татьяна Артимович в эссе «А. Р. Ч. и "Липовый цвет": игра еще не кончилась» обратила внимание, что в Беларуси самые интересные культурные события начали появляться после массовых протестов, которые разразились в 2010 г. Именно художники, а не политики сумели заглянуть в глубины белорусского менталитета, уловив в нем принципиальный изъян. Артимович интерпретирует живопись А. Р. Ч. (его настоящая фамилия — Михаил Сеньков, тогда как А. Р. Ч. — это инициалы серийного убийцы Андрея Романовича Чикатило) в

экзистенциальных категориях, придерживаясь мнения, что он представляет жизнь как процесс медленного и бессмысленного умирания. В его картинах между палачом и жертвой завязываются сложные взаимоотношения, в которых участвует зритель, отдающий себе впоследствии отчет в том, что и сам он превращается в палача. Художник извлекает на поверхность животный страх, засевший едва ли не в каждом жителе современной Беларуси. Автор эссе описала также деятельность арт-группы «Липовый цвет», организующей хеппенинги политического характера, и указала, что в российском «искусстве протеста» существует аналогичное явление — группа «Война». Творчеством А. Р. Ч. занялся также Вадим Добровольский в эссе «Художественная диверсия — субъективные стратегии в современном белорусском искусстве». Он отмечает, что работы названного художника взбудоражили белорусскую публику потому, что слишком часто появляется в них смерть, которая в Беларуси, стране «православных атеистов», оказалась вытесненной за пределы публичной дискуссии. Кроме того, Добровольский дал свои интерпретации персональной выставки Жанны Гладко «Inciting Force («Провоцируя силу»), которая посвящена ревизии символической фигуры Отца, и проанализировал инсталляцию Марины Напрушкиной «Бюро антипропаганды», показывающей абсурдность официальной идеологии, которую навязывают обществу белорусские власти. Как написал Добровольский, современное белорусское искусство создает независимую коммуникационную плоскость, укрепляя демократическую традицию в авторитарном режиме.

Некоторые статьи носят характер обзорного очерка, описывающего то или иное культурное явление в хронологическом порядке. Так, например, Ольга Шпарага в тексте «Партизаны и номады — критическое искусство в Беларуси» пишет о трех поколениях в современном белорусском искусстве, акцентируя внимание на наиболее любопытных, по ее мнению, работах. В частности, на перформансах Алеся Пушкина, художественных проектах Сергея Шабохина, Напрушкиной, Дениса Лимонова. Заключительный вывод автора таков: «Молодое поколение белорусских художников придает новый смысл феминистскому лозунгу "личное — это политическое", благодаря чему рождается как новое личное, так и новое политическое — выраженное множественностью практик общественного участия и местных акций». Подобным образом описала белорусское кино Лидия Михеева в статье «Белорусское кино сегодня: советское наследие и европейский контекст». Стоит подчеркнуть, что большинство названий кинофильмов,

на которые ссылается автор в этом тексте, вообще неизвестны польскому зрителю, следовательно, данная публикация обладает большой познавательной ценностью. Точно так же эссе под названием «видеоклиповая.одиссея.by» Павла Свердлова ликвидирует одно из «белых пятен» в белорусской культуре, а конкретно — рассказывает о производстве видеоклипов. Ведь именно с их помощью сделала свою музыкальную карьеру необычайно популярная сегодня группа «Ляпис Трубецкой». В конце указанного текста находится табличка со статистическими данными числа просмотров топовых белорусских клипов на Youtube'e.

Можно смело сказать, что писатель Артур Клинов, музыкальный продюсер Александр Богданов, а также фотограф Андрей Ленкевич — это визитные карточки белорусской культуры. В журнале «Час культуры» мы можем прочесть беседы с этими творцами. О ситуации на издательском рынке, а также о собственных творческих планах рассказал А. Клинов, чей сборник репортажей «Малая путевая книжка по Городу Солнца» вышел в 2006 г. в переводе на польский язык. Имеет смысл подчеркнуть, что в литературном отделе данного номера журнала мы найдем фрагмент новейшей прозы этого автора — отрывок из романа «Прием бутылок», равно как ряд сцен из пьесы Павла Пряжко «Три дня в аду», а также стихотворения Ольги Гапеевой и Виталия Рыжкова. В интервью, озаглавленном «Белорусской маркой могут стать болота», А. Богданов, руководитель концертного агентства и музыкальной студии, рассказал о своем пути к успеху. В 90-х годах он начинал с организации концертов в частных квартирах (так называемых «квартирников»), сейчас продвинул в музыкальный мир группу «Серебряная свадьба». Он подчеркнул, что белорусские музыкальные ансамбли пользуются за границами своей страны большей известностью, нежели на родине. В Беларуси по сути дела не существует развитой музыкальной инфраструктуры и рынка шоу-бизнеса. В свою очередь, фотограф Андрей Ленкевич, стипендиат программы «World Press Photo», а также лауреат многих международных премий, ищет корни белорусской традиции в языческих верованиях. На протяжении пяти лет он работал для одного из крупнейших фотоагентств «European Pressphoto Agency», но, когда в Минске должна была состояться презентация его работ, то часть каталогов просто уничтожили на границе, а о самой выставке государственные СМИ информировали без указания адреса и названия той галереи, где она происходила.

Главной темой посвященного Украине номера гданьского ежеквартального художественного журнала «Близа» № 2 (15)/2013 был мультикультурализм. Здесь следует упомянуть две статьи Иоанны Цеплинской: «Расстрелянное возрождение» и «Borderland» («Пограничье»). В первом тексте автор воспроизводит атмосферу литературной жизни в послереволюционном Харькове, во втором — описывает взаимопроникновение культур в Черновцах, Львове и Киеве. Этой проблематикой занялся также украинский историк Ярослав Грицак в статье «Фактуальная и контрфактуальная история одной львовской школы». В ней исследователь приблизил нам судьбы целой когорты учеников, сосредоточившихся вокруг создателя украинской школы экономической истории Францишека Буяка. Его семинар посещали как лица еврейского происхождения, так и украинцы, деятель Организации украинских националистов (ОУН) и коммунист. Почти все они погибли во время того катаклизма, каким была II мировая война. Автор задумывается над тем, можно ли восстановить климат мультикультурализма в таком монокультурном городе, которым сегодня является Львов. В «Близе» мы найдем также фрагменты прозы Юрия Андруховича «Лексикон интимных городов», представляющей собою запись впечатлений этого писателя от путешествий во Вроцлав, Одессу, Запорожье и Щецин. И здесь тоже присутствует дух мультикультурализма. Так, например, во Вроцлаве Андрухович обнаруживает следы своего любимого Львова. Наиболее интересный материал в «Близе» — это «Ковер Ивашкевича», беседа с Радославом Романюком, автором опубликованной недавно биографии этого писателя под названием «Другая жизнь». Особого внимания заслуживают присутствующие в ней украинские и российские мотивы. По словам этого исследователя, «Украина сформировала ивашкевичевский тип сенсуализма, его обостренную восприимчивость к действительности, к именно таким, а не иным образам, породам деревьев, видам цветов, визуальным сочетаниям, которые производили на него впечатление и которые он носил в себе на протяжении всей жизни». Рассказал Романюк и о литературных пробах молодого Ярослава Ивашкевича на русском языке, подчеркивая, что юный автор попросту выбирал тот язык, которым владели его потенциальные читатели — коллеги по киевской гимназии и знакомые. Кроме того, в журнале мы найдем переводы украинской поэзии, принадлежащие перу Адама Поморского. Это стихи Владимира Свидзинского, Миколы Зерова, Евгена Маланюка, Олега Ольжича, Евгена Плужника и Богдана-Игоря Антоныча. Большинство из этих поэтов погибло во время сталинских репрессий и II Мировой войны.

-
1. Ex oriente lux — «с Востока свет» (лат.), это парафраза евангельского повествования о рождении Иисуса (Матф., 2.1), которая в дальнейшем толковалась расширительно (здесь и далее — примеч. перев.).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ В ПОЛЬШЕ 1989 ГОДА

Эту книгу я получила 17 июня 2014 г. на открытии выставки «От Солидарности до Круглого стола. О польском опыте через четверть века» в Музее политической истории России. Выставка подготовлена по заказу польского МИДа Галереей графики и плаката в Варшаве на основе фотохроники Эразма Чёлека. Известный польский фотограф документировал забастовки на гданьских судовёрфях в 1980-м и столкновения в период военного положения, заседания «Круглого стола» и выборы в июне 1989. В экспозицию также включены знаменитые польские плакаты времен «Солидарности» и военного положения, аутентичное объявление о введении военного положения, агитационные фиши времен выборной кампании в Сейм и Сенат.

Имя автора мне было знакомо: Кароль Модзелевский рассказывал мне о Валерии Писигине в интервью 2011 года (в сокращенном виде оно опубликовано в «Новой Польше» №10 за 2012 год). Как оказалось, именно это интервью стало толчком к изданию книги. Всегда радуюсь, когда удастся кого-нибудь инициировать на что-нибудь — на мемуары, проекты, рефлексию. Продолжение темы — лучший отклик и свидетельство востребованности.

Книга родилась из самиздатского сборника 1989 года, сделанного Валерием Писигиным сразу после поездки в Польшу в сентябре 1989 года и до времени забытого.

Думаю, Валерий Писигин, если бы жил в Польше, мог бы, как многие его ровесники, считать себя принадлежащим к поколению «Солидарности». Именно появление «Солидарности» в Польше стало для него толчком, «опорной точкой», главным «генерационным событием». Польская «Солидарность» толкнула Валерия к созданию в юном, мобильном и очень живом городе Набережные Челны (в те годы, если кто забыл, город Брежнев) политического клуба. Клуб был создан в 1982 году. А Валерий завел себе папку, куда складывал вырезки из советских газет о Польше и «Солидарности». Об этой папке рассказывал мне Кароль Модзелевский, об этой папке и клубе подробно пишет сам Валерий Писигин в предисловии к своей книге.

Дальше — больше. На том же заводе, где работал Валерий, и где бурлил новый политклуб, каким-то чудом возник молодой инженер Владимир Будневич. Валерий пишет, как сильно он выделялся в заводской среде и в городе. После знакомства выяснилось, что это младший сводный брат по отцу Кароля Модзелевского. У них общий отец — польский коммунист, переживший «большой террор» и польскую операцию НКВД, не сломавшийся в сталинских застенках, освободившийся в «бериевскую оттепель» и оставшийся в СССР Александр Будневич. Своему младшему сыну Владимиру он, умирая, завещал найти старшего брата и восстановить с ним связь. Военное положение в Польше продолжалось, и было известно, что Кароль находится в заключении.

Валерий Писигин ярко описывает свою реакцию на это известие. Для него, следившего за драматической историей многомиллионного польского профсоюза «Солидарность», имя Кароля Модзелевского стало легендой.

В перестройку темп жизни увеличился и события уплотнились. Валерий уже занимался развитием кооперативного движения, журналистикой, социологией, но свой политический клуб не оставлял. Клуб стал носить имя Николая Бухарина, а Валерий оказался в центре интеллектуальной перестроечной элиты — московских журналистов, социологов, историков. В начале 1989 г. в Набережных Челнах Валерий организовал всероссийскую конференцию кооператоров, на которую приехал французский журналист Бернар Гета. Гета был хорошо знаком со многими поляками, писал о них. Именно он стал последним связующим звеном между Набережными Челнами и городом Вроцлавом, где в то время жил Кароль Модзелевский.

В сентябре 1989 года Владимир Будневич и Валерий Писигин впервые приехали в Польшу по приглашению Кароля Модзелевского. Об этой поездке, собственно, и рассказывает книга «Политические беседы. Польша 1989». Валерия Писигина интересовала только политика. Он беседовал о политике с самим Каролем Модзелевским, Адамом Михником, Яцеком Куронем и Владиславом Фрасынюком. Рукопись содержит четыре беседы и очерк о ксёндзе Ежи Попелушко, убитом спецслужбами и ставшим культовой фигурой во время военного положения.

Сейчас Валерий Фридрихович Писигин, как следует из его биографии в Википедии, оставил политику и занялся историей англо-американской музыки середины прошлого века, перебрался сначала в подмосковную, а затем в финскую деревню. Но, судя по факту тиснения своих «политических

бесед» в твердом переплете тиражом 1000 экземпляров, ностальгию по периоду «бури и натиска» 1980–1990-х он сохранил и часто бывает в Петербурге.

Книга доступна в электронном виде:
<http://cbs.torzhok.tverlib.ru/node/416>

Политические беседы. Польша 1989. М.: 2014. С.176.

МУЗЫКА, КАКОЙ СВЕТ НЕ ВИДЕЛ

Войцек Черн — на авангардной музыкальной сцене Польши фигура особенная. Его псевдоним отсылает к фильму «Войцек» Вернера Херцога. Родился в Свиднике, на восточной окраине Польши, и по сей день там живет. Начало его деятельности в издательском предприятии «Касетообух» приходится на 1987 г. (проект предполагал также издание пластинок, но с этим пришлось подождать до изменения государственного строя). Тогда-то кустарным способом и был изготовлен арт-зин (самиздатовский журнал вышел в тридцати экземплярах), а чуть позже вышли первые кассеты. В 1993 г. было основано издательство «Обух» (польск. OBUN расшифровывается как *Odgłosy Woznic Utworzą Harmonię* 'отголоски подъездных путей создадут гармонию'). Сегодня это единственная студия и издательство в этой части Европы, записывающее музыку только на аналоговом оборудовании, без использования цифровых технологий, в результате чего появляются превосходно звучащие пластинки. Сочетание высокого качества звука с идеей записывать исключительно авторские, уникальные музыкальные проекты позволило компании «Обух» создать необыкновенную для возможностей студии марку и завоевать популярность среди слушателей авангардной музыки.

Альбомы, которые появились в первое время существования компании «Обух Рекордс», были прежде всего данью любви и уважения к группам, которым по разным причинам не удалось записать пластинки. Войцек — любитель ищущего звучания, уникальных музыкальных техник, в отношении которых используют термин «подводная музыка», — хотел увековечить независимые записи конца 80-х и гарантировать их авторам, что сохранит их в сознании небольшой части слушателей. Первой виниловой пластинкой, изданной студией, был альбом «Новолуние» группы «Ксенжиц». До этого появилось несколько кассет. Между тем, в 1991 г. фирма «Польске награня» отштамповала 475 экземпляров пластинки, названной «Unclean and Clean», 12" V1 с подзаголовком «За седьмой горой» (самое интересное то, что скорость проигрывания была 50 оборотов в минуту). Это была одна из первых частным образом изданных (на заказ Черна) черных пластинок в Польше (прежде

за тем, что можно было издавать, а чего нельзя, следило государство). За проектом стоял сам Войцек, и его первое авторское издание было тепло встречено в индустриальных и постиндустриальных музыкальных кругах. На пластинке записаны две композиции длительностью 18 минут 33 секунды, результатом ее выпуска стало расширение контактов и начало сотрудничества со многими авангардными проектами со всего мира.

Музыкальный вкус Черна сформировали встречи музыкального клуба «Игла» (название было взято из одноименной композиции Марека Грехуты, с которой начиналась каждая встреча), происходившие во второй половине 1979 года. Эти встречи были полны психоделической музыки, джаза, фолка и блюза, но главным образом звучавшей с виниловых пластинок музыки 60-х и начала 70-х годов. Первая иностранная аналоговая пластинка Войцека — это сильно заезженный экземпляр «Waiting For The Sun» группы «The Doors». Панк-революция привела к тому, что Черн в поисках менее избитой и более оригинальной, чем панк-рок, метал и регги, музыки, открыл для себя такие группы, как экспериментальные «Cabaret Voltaire», «Holy Toy» (и записанную этой группой легендарную пластинку «Варшава»), «The Residents», «Joy Division», готические «Virgin Prunes», раннюю Лори Андерсон. Чуть позже в его жизни появился индастриал благодаря «Throbbing Gristle», «Psychic TV», «SPK» и «Nurse With Wound». Формирование музыкальной личности Войцека Черна завершил краут-рок («Can», «Popol Vuh», «Амон Дююль II», «Фауст», ранний «Tangerine Dream») и минимализм (Филип Гласс, Стивен Райх, Терри Райли, Мередит Монк). Результатом этого влияния стало выпущенная в 1996 г. первая полноценная пластинка «За седьмой горой. Музыка, какой мир не видит». Содержащиеся в альбоме композиции — это элегический эмбиент-индастриал, алхимический саунд (определение автора). «Манифест сакральных идей проекта в поисках гармонии в современном мире»^[1]. Это превосходно, вручную сделанный бокс, содержащий аналоговые издания с иллюстрацией Анджея Федирко. Обложка отсылает к метафизическим истокам альбома «За седьмой горой».

В 1997 г. на свет пришел сын Войтека и Малгоси. После его появления жизнь новоиспеченных родителей изменилась. Их активное участие в издании и записи музыки, проектировании и изготовлении обложек из бумаги ручной работы (очарование старинных книг) отошло на второй план. Супруги решили сосредоточиться на том, чтобы заложить фундамент для будущей деятельности фирмы «Обух». С этой целью они

выкупили старую школу в поселке Рогалюв неподалеку от Люблина, в гмине Вонвольница. Начали ремонт и продолжили коллекционировать аналоговые устройства со всех уголков мира. Так возник «Рогалюв Аналоговый». Наиболее значимые пластинки, выпущенные в 90-х, еще до времен Рогалюва, — это психоделико-трансово-фольковый альбом «Ксенжиц» одноименной группы в двух вариантах: на 12-дюймовой виниловой пластинке и на CD, «The Story of Alfons Czahor» индустриального проекта «Rongwrong» на CD-дисках, «Dark Waters of Light» и «In Search of Sparks» группы «Spear» (в обоих случаях только CD-версия), «Soundreams» известной во всем мире группы «Атман», исполняющей этническую музыку.

Первым крупным альбомом, записанным в студии «Рогалюв Аналоговый», стала пластинка «Варшавское восстание» группы «Lao Che». Поскольку тема восстания в Польше была очень популярна, информация о том, где материал был записан, не вызвала резонанса. Более широкую известность принесло компании «Обух» издание написанной Кшиштофом Пендерецким музыки из фильма «Рукопись, найденная в Сарагосе» (шедевра, снятого Войцехом Ежи Хасом по книге Яна Потоцкого), а также пластинки «Ashkhabad Girl» — альбома архивных записей Ежи Милиана, всемирно известного джазового музыканта, члена секстета Кшиштофа Комеды.

Музыка к «Рукописи, найденной в Сарагосе» была записана в 1964 г. на Экспериментальной студии Польского радио. Это был время, когда залечивались травмы военного времени, период оттепели после суровых 50-х. Кшиштоф Пендерецкий, представитель так называемой польской композиторской школы, не входил еще, по мнению музыкального мира, в круг композиторов, пишущих серьезную, классическую музыку. В Польше популярностью тогда пользовалось сонористическое течение, относящееся к авангарду второй волны, отличительной чертой которого было использование нетрадиционно извлекаемого звучания как формообразовательной основы. На этой волне Пендерецким было создано популярнейшее произведение того времени — «Плач по жертвам Хиросимы», написанное в 1960 г. для пятидесяти двух смычковых инструментов. Композиция получила награду на конкурсе «Международная трибуна композиторов», проводимого под эгидой ЮНЕСКО в Париже, было отмечено также медалью в Японии.

Саундтрек к фильму «Рукопись, найденная в Сарагосе» был исполнен на реверберационной пластине, то есть при помощи камеры, которая позволяла получать наиболее естественное

звучание находящихся в студии электронных инструментов. Это был первый подобный музыкальный материал, записанный в Польше. Это был интеллектуальный, художественно-экспрессивный эксперимент, временами стилизованный под барочную музыку, складывающийся в шутливую и гротескную историю, содержащий звуковые цитаты из популярных классических произведений. На пластинке чувствуется та большая свобода, с которой музыка была написана. Это любопытно уже потому, что Войцех Ежи Хас слыл ярым перфекционистом в подходе к работе над фильмом, но становится еще интереснее, когда мы сравниваем эти электроакустические эксперименты с произведениями, которые создает Кшиштоф Пендерецкий сейчас.

В 1965 г. фильм «Рукопись, найденная в Сарагосе» дебютировал в США. Несмотря на то, что он был сокращен до 110 минут (оригинальная версия длится 180 минут), фильм завоевал большое число поклонников. Под сильным впечатлением от картины был, в частности, Джерри Гарсия — лидер легендарной американской группы «Grateful Dead», исполняющей психоделическую музыку. Шкатулочная композиция фильма (которую можно сравнить с матрешкой), сюрреалистическая поэтика и электроакустическая музыка Пендерецкого стали постоянным источником вдохновения музыканта — настолько, что Джерри Гарсия считал своей сверхзадачей получить полную, не урезанную дистрибьюторами копию фильма. К сожалению, выяснилось, что в США такой не было, а лидер «Grateful Dead» умер за день до демонстрации 152-минутной версии фильма (веря, что это полная версия). Это был 1995 год. После смерти Гарсии о получении копии полной версии шедевра Хаса стал хлопотать другой поклонник картины — Мартин Скорсезе (к этому предприятию он привлек Фрэнсиса Форда Копполу). В 1997 г. 180-минутный фильм дебютировал на фестивале в Нью Йорке и отправился в турне по США.

История Джерри Гарсии и музыкальное новаторство звуковой дорожки, сочиненной Кшиштофом Пендерецким, представляет собой идеальную спайку, которая чудесным образом связывает их с деятельностью фирмы «Обух». В 2005 г. вышло аналоговое издание тиражом 500 экземпляров, которые моментально были распроданы. Несколько позже появилась CD-версия. Любопытно, что музыка к фильму появилась в магазинах тогда, когда польского издания картины Хаса на DVD-дисках еще не было. Единственной возможностью увидеть «Рукопись...» была покупка американской версии, подготовленной Мартином Скорсезе. Сегодня уже об этом

упущении дистрибьюторов мало кто помнит, в магазинах появился бокс с такими шедеврами режиссера, как «Рукопись, найденная в Сарагосе» и «Санаторий под клепсидрой». В качестве дополнительных материалов там были два документальных фильма, рассказывающие о деятельности одного из крупнейших мастеров мирового кинематографа.

Следующее издание студии «Обух» — это собрание архивных записей Ежи Милиана «Девушка из Ашхабада», сделанных в 1967–1972 гг. на Студии Радио Познань. С 1956 по 1958 года знаменитый джазмен был вибрафонистом в секстете Кшиштофа Комеды. В 1959–1960 годах он сотрудничает с Яном Пташином Врублевским. В 1969 году вышла популярнейшая пластинка этого музыканта под названием «Baazaar», записанная группой «Ежи Милиан Трио». Это был 17-й альбом из серии «Polish Jazz», благодаря которой польский джаз стал восприниматься в мире как уникальное музыкальное явление.

Когда в середине 90-х годов мир перешел на цифровые технологии, Войцек за небольшие деньги скупал аналоговое оборудование, в том числе со студий Польского радио. В его руки попал тогда вибрафон. Немного позже оказалось, что инструмент принадлежал когда-то Ежи Милиану. Черн знал серию «Polish Jazz». Он считал, что «Baazaar» недооценен, что этот наименее джазовый из всей серии альбом был результатом поиска и эксперимента. Он решил проверить, есть ли в познаньских архивах Польского радио другие записи Милиана. Выяснилось, что Ежи Милиан в течение десяти лет (все 60-е и начало 70-х) не делал ничего другого, только сочинял и записывал музыку. Это был период, когда в его джазовый облик вкрадывались, благодаря путешествиям по Европе и Азии, бигбитовские и психоделические мотивы. Войцек прослушал все записи Милиана, находящиеся в архиве. К сожалению, сохранились далеко не все композиции. Часть материала была стерта. Причина оказалась прозаичной: в восьмидесятые во время военного положения не хватало пленки. Распоряжение сверху запрещало стирать выступления деятелей Польской объединенной рабочей партии и классическую музыку. Поэтому взялись за джаз. Таким образом размагнитили, например, пленки с музыкой Кшиштофа Комеды. Милиану повезло, что свою музыку он начал писать достаточно поздно. Поэтому большая часть авторских записей сохранилась.

В таких обстоятельствах возникла «Девушка из Ашхабада». Черн с согласия автора выбрал наиболее интересные из сохранившихся произведений, а Милиану предложил записать

совершенно новый материал на студии в Рогалюве. Музыканта не пришлось долго упрашивать. Привлекло его то, что в первый раз он может сочинять и записывать музыку, не беспокоясь о продаже альбома. Соблазнительной оказалась также возможность возобновить игру на вибрафоне — впервые с тех пор, как был записан альбом «Baazaar». Так увидела свет пластинка «Milianalia». Она вышла тиражом в 350 экземпляров в апреле 2005 года — к 70-летию автора.

В 2008 г. Войцек выпустил вторую пластинку из серии «За седьмой горой», названную «Рогалюв — песни для поддержания духа». Бывают такие альбомы, сущность которых едва уловима, но влияние бесспорно. Одним из таких изданий и была эта пластинка. Трудно сказать, что в этой музыке особенного, почему она так привлекает слушателей. Песни Черна носят на себе следы впечатлительности, сравнимой лишь с той, которая знакома нам по записям Марека Грехуты времен «Хоровода». По обаянию они напоминают пластинки «Current 93», а по легкости не уступают рок-авангарду 70-х годов. Извлеченные из аналоговых синтезаторов звуки, составляющие фон произведений, несут в себе эхо краутовской деятельности «Tangerine Dream» 70-х годов с поправкой на их земной, а не космический, как в случае немецкой капеллы, характер. Тексты и инструментарий отсылают к традиции фолька и старой музыки. Минималистская форма не ограничивает эти звуки жесткими рамками, а об истоках проекта, восходящего к концу восьмидесятых, напоминают постиндустриальные отголоски. Джазовые «примочки» дополняют эклектичную природу целого. Общее число инструментов в альбоме внушительно — от звучащих в каждом произведении аналоговых синтезаторов до вибрафона, цитры, фисгармонии, колесной лиры, акустической и резонаторной гитар и саксофона. Глубокое, аналоговое звучание напоминает о лучших временах звукозаписи рубежа 1960–1970-х годов, а вокал Войцека подкупает теплом и искренностью.

Действительность, созданную в записях, трудно назвать мифической. Кажется, что мир, представленный в альбоме «За Седьмой Горой», хотя и помещен в рамки сказочной условности, находится на расстоянии вытянутой руки, буквально по соседству, среди бескрайних лугов, стогов сена, вековых лесов, где дети бегают босиком, играя в догонялки, а вода в ручейке кристально чиста. Слушатель, утопая в этих звуках, словно погружается в сон наяву, отправляясь в страну, которую очень хорошо знает, но которая почему-то стала для

него далекой. Местом всё таким же тихим и спокойным, но как бы постоянно ускользающим.

Виниловое издание со склеенной вручную обложкой, на 180-граммовой пластинке не позволяет слушателю легко отделаться от «Рогалюва». «Обух», как это обычно бывает, выпустил волшебную этническую музыку, полную весенне-летних красок. Песни из Рогалюва поддерживают дух, а их автор с его музыкальным и издательским талантом — прекрасный материал для главного героя художественного фильма, который перенес бы зрителя в место столь творческое и так убедительно изображенное в композициях этого альбома.

-
1. Слова Войтека Черна из интервью Лукашу Павляку для журнала «Hard Art».

ХЛЕБНИКОВ – СТИХИЯ И МЕРА

Уже много лет Адам Поморский, переводя поэзию, осуществляет проект величайшего значения: прививает польскому языку чувствительность к забытым либо отмершим в нем поэтическим традициям и тем самым облегчает доступ ценных, но запамятованных духовных потоков в интеллектуальную жизнь. Могут сказать, что это кружной путь формирования интеллекта, но ведь поэзия, хоть ее и считают сегодня эзотерической областью, пожалуй, важнейшее наше достижение в мировой культуре, составляющее скрытый, не каждому доступный центр польского сознания.

Цивилизационный проект Поморского, хотя и необыкновенно плодотворен, определенно недооценен. Возможно, так происходит потому, что результаты этого проекта тесно связаны с кропотливым внутрипоэтическим трудом, так что их чрезвычайно тяжело отделить от родной поэтической почвы и перенести в общекультурные сферы. Переводя стихи, Поморский оживляет букву текста, насыщая переводимый текст всей своей компетенцией историка литературы и всей восприимчивостью польского писателя. И взаимно: восприимчивость писателя, живущего культурой, литературой, получает от переводимого текста стимул, испытывает прилив силы, способной преобразовать культуру и литературу. Таким образом поэтические переводы впитывают традицию и излучают новые смыслы.

Среди прочих переводческих работ Поморского особняком стоит поэзия Велимира Хлебникова. В 2005 г. вышли два тома с обширной подборкой поэзии, прозы и эссеистики легендарного отца современной поэзии.

Именно с переводов Хлебникова начинается в творчестве Адама Поморского путь Мастера. Первый, скромный по объему сборник стихов русского новатора он выпустил в 1982 году. С того времени он обогатил и усовершенствовал свое искусство, дав польское звучание поэзии Гете (прекрасный перевод «Фауста»), Тракля, Рильке, Элиота и многих гениальных русских поэтов. На собственном опыте он постиг глубины немецкой, английской, русской поэзии, а опыт этот включает полномасштабную поэтическую антропологию: от телесной чувственности, для которой в каждой языковой культуре своя цензура, через различное в национальных культурах

психологическое наполнение лирического «я», через поэтический анализ – часто сатирический, с использованием гротеска – жизни обществ потому различных, что состоящих из этих многообразных «я», до наиболее утонченных вопросов духовности, метафизики и религии. И с этим богатством, с этим антропологическим универсумом, он теперь вернулся к Хлебникову!

Возникает впечатление, что он обнаружил у Хлебникова языковую и интеллектуальную материю, способную принять всё то, чему он научился в странствиях по европейской культуре. А это просто – на просто означает, что под проницательным взглядом этого переводчика культур видно, как Хлебников своим дыханием обновителя овеивает всю европейскую поэтическую традицию, а вслед за ней и все духовные домены. Так как Поморскому удастся это постичь и, что еще важнее, убедить в этом нас при помощи одной лишь ошеломляющей художественной ценности польского перевода, то нужно признать следующее: после многих лет читательского опыта поэзия Хлебникова впитывает всю традицию, преобразует ее, и всю – преобразенную – с огромной энергией излучает. А, благодаря Поморскому, теперь это происходит на нашем языке.

Странность этого утверждения сразу бросается в глаза: как это, столь экстравагантная, новаторская, рискованная поэзия – охватывает всю совокупность традиции?! И все же это поистине так, ибо вся традиция здесь в движении, в динамике.

Если смотреть с исторически-литературной перспективы, то следовало бы признать издание поэзии Хлебникова первостепенным событием. Почему же, хотя прошло уже много времени, не заметно признаков того, что это явление взволновало кого-либо из поэтов или критиков? (Исключением стала поэтесса и эссеистка Иоанна Мюллер). Причиной тому, как мне кажется, был шок, выражающийся в невротическом молчании.

То, что предстало перед польской поэзией с выходом тома Хлебникова, потрясает. Такое воздействие производит языковая смелость, бескомпромиссность воображения, стремление объять весь человеческий мир. Однако может случиться, что из страха перед шоком эта поэзия не дожидется основательного прочтения... Ведь в наше время польская поэзия порой невосприимчива к риску сверхвпечатлительного сенсуализма, к риску чувственной непосредственности. Польская поэзия боится чрезмерности. Мысль обо всем парализует ее. Стихи, которые пишутся сегодня, затронуты

некой разновидностью классицизма, понимаемого как определенность – и это относится в равной степени и к ученикам Милоша и Ружевица (но, конечно, не к самим Мастерам), и к поставангардной, неолингвистической школе.

Нам не хватает такого проводника, как Хлебников. И не хватает подобных стремлений – возможно, они были у Тимотеуша Карповича? Но я верю, что Хлебников вонзил свой шип – рана болит, и, в конце концов, кому-то захочется выразить эту боль, эту нехватку. Иногда нехватка становится невысказанным живым импульсом!

Сорок лет тому назад создавал вдохновенную Хлебниковым лирику его верный первый переводчик, отшельник польской поэзии – Ян Спевак. Ему было дано увлечься этой экзотической для нас традицией. (Еще одним ее знатоком был Северин Поллак, у которого учился Поморский). Поэтому лирика Спевака, очень высоко оцениваемая некоторыми, так и не вошла в канон.

Описав ситуацию, в которой мы сегодня читаем Хлебникова, следует перейти к особенностям его поэзии, к ее сущности.

Вначале нужно сказать, что это поэзия стихийная и одновременно рафинированная, необыкновенно спонтанная – и искусная. Это позволяет ей создать из творческого хаоса такой порядок, который не убивает силу стихии и, изобилуя пейзажами, предметами, явлениями, божественными и человеческими существами, утопиями и жестокостями истории, не подавляет стремления к необъятному. Хлебников принадлежит к числу тех немногих поэтов, которые приравнивали свое произведение к целому миру и, в то же время, чувствовали ритмы этого целого, его внутренние формы, дробления, соединения, потоки материи и энергии.

Эта поэзия – не категорическая форма выражения мира, заключающая в себе мир! Она, с помощью языковых средств, участвует в мире, ищет самое себя как пятую стихию между четырех: между огнем разума, небом идеальности, волнующимся океаном времени и вещественной землей. И обнаруживается среди них с невероятной точностью, благодаря спонтанной, мгновенной реакции на окружающий мир, на всякий раз новые соотношения мировых стихий. Это не столько чувственная поэзия, сколько поэзия, сама ставшая чувственностью. Ее сверхчувствительность утонченна, так как проявляется в сложных взаимоотношениях, в которых она состоит не только с элементами природы, но и с принципами культуры. Хлебников использует полный концерт поэтических

средств, речевых стилей, жанров, выдерживая при этом различные дистанции: от явного отождествления с выражаемыми переживаниями и взглядами – вплоть до иронии и сарказма. А поэтические средства порождаются интуицией и антропологическими знаниями, собранными из всей истории мировых культур – от доисторического периода по XX век.

Особую достоверность придает этой поэзии ее глубокая связь с некими свойствами характерными только для русского языка. Никто так глубоко и красиво не писал об этих особенностях, как Збигнев Беньковский:

Вечер с поэзией Хлебникова, Ходасевича, Цветаевой, Пастернака. Этот язык творит чудеса. Кажется, достаточно его одного, самого по себе, чтобы без всякой фантазии из самого языка могла родиться готовая, законченная поэзия. Все эти так называемые естественные его черты (увиденные с позиции другого языка), такие как неточность, патетичность, многословность, бесследно исчезают. Чутьочка «чего-то» – и он становится неслыханно искусным инструментом. Слова означают самое красоту. Они уже не знак, не символ чего-то, скрытого за ними (как в нашей или французской поэзии), но полная, самодостаточная ценность. Слова это не имя для мира, это сам мир. Слушая эти стихи, я чувствовал, что вступаю в мир, до этого совершенно мне недоступный, мир какой-то поэзии-музыки, где интонация, сам подъем голоса или пауза имеют точный, конкретный смысл, означают новую, неизвестную мне вещь, мысль, чувство. (...)

Русская поэзия – это непосредственное прославление. Слово будто сосуд, черпающий и переливающий красоту мира. Оно материально, физически посредничает во взаимопонимании с миром. Слушая произведения Хлебникова и Цветаевой, я испытал неведомое прежде впечатление: чувственное ощущение слова. А ведь слова, целые фразы сопротивлялись мне, я не все мог понять, не схватывал нюансов, и, тем не менее, всё остальное, это еще не понятое целое, производило на меня такое впечатление, будто я ассистировал при формировании стихии. Несмотря на всю (мою) ограниченность, на неполное (мое) понимание, эту поэзию было легче (мне) прожить, чем многие известные произведения чисто образной поэзии. Потому что слова не отсылали меня к своим далеким, часто скрытым и додумываемым значениям-ссылкам, но непосредственно сияли, соблазняли сами по себе, своей красотой, сами уже были

миром, не до конца понятым, а значит, тем более, настоящим миром.

Однако то, что было драмой его времени, бременем легло также на поэзию Хлебникова, отягощая ее не-красотой, сарказмом, трагедией...

Хлебников разработал множество видов своего поэтического языка, множество перешейков, через которые с разной скоростью пробивал себе дорогу стихийный напор его воображения. Напомню лишь некоторые.

Были среди них короткие лирические стихотворения с молниеносным развитием. Он писал о них: «Эти вдохновенные песни древнего лада, маленькие песенки, полные дыхания жизни, по которым можно бы судить, сколько творцу лет, куда он шел, в каком был настроении, был ли сердит или задумчив, казалась ли ему вселенная мрачным проклятием или благовестом (...)»^[1]. Такая лирика – это разряд напряжений между мировыми стихиями и между разнообразнейшими чувственными и стилистическими регистрами языка.

Вместе с тем не чужда Хлебникову и высокая гражданственная риторика, присутствующая, например, в стихотворении о Лермонтове, начинающемся сурово и патетично:

*На родине красивой смерти — Машуке,
Где дула войскового дым
Обвил холстом пророческие очи,
Большие и прекрасные глаза,
И белый лоб широкой кости...*

(«На родине красивой смерти»)

Есть в этом тоне достоинство языка, противостоящего величию событий и их актеров. И наоборот: достоинство событий и людей противостоит великодушию языка.

Лирика Хлебникова была неотделима от эпики. При помощи лирических средств он творил эпос. А эпика, в свою очередь, становилась драматургией, он ее диалогизировал.

Писал он и поэтические репортажи – жестокие поэмы революции и гражданской войны, психологические портреты палачей и жертв, записи горячечных разговоров, хронику

событий. В них он передавал дикость эпохи, в которую бандиты служили революции, занимаясь веселым, удалым смертоубийством. Он создавал отчеты о путешествиях по обезумевшей России – своего рода дорожные эпифании, сочетавшие реальную карту с бродяжничеством воображения. Отдельным подвидом стали пронзительные стихотворения и поэмы о голоде. Биологический голод смешивался со спазматической прожорливостью голодного ума, с жаждой добра и правды.

Нигде эта поэзия не становится беспомощной, статичной, описательной, рутинной, ни в одном месте она не является пассивно-созерцательной – хотя бывают моменты активного созерцания. Тогда Хлебников разрабатывает свою космологию и историософию, основанную на чувстве космических ритмов и ритмов истории, но нигде не становящуюся ни доктриной, ни теорией. Это скорее документы духовной работы, с небывалым усилием углубляющейся в строение и пульсацию вселенной. Мы уже никогда не узнаем, сколько в этом было святого безумия, а сколько, как хотелось бы переводчику и комментатору, насмешки и иронии.

Поморский очень широко понимает эту ироничную составляющую поэзии Хлебникова. Мне кажется, ему близко такое определение философа-романтика Фридриха Шлегеля: «Существуют древние и новые поэтические создания, всецело проникнутые дыханием божественной ауры иронии. В них живет подлинно трансцендентальная буффонада. С внутренней стороны — это настроение, оглядывающее все с высоты и бесконечно возвышающееся над всем обусловленным, в том числе и над собственным искусством, добродетелью или гениальностью; с внешней стороны, по исполнению — это мимическая манера обыкновенного хорошего итальянского буффо».

Это большая проблема Адама Поморского, всей его концепции современной литературы, которую он излагает как эссеист и практикует как переводчик. В переводимой поэзии он открывает именно такую шлегелевскую «божественную ауру иронии».

Для Хлебникова это «буффо» стало убийственной трагедией. «Возвышение над собственным искусством» придавало произведениям русского поэта мечтательный полет. Если это было жонглирование, то целым миром. Однако беспомощность этой мечты усугублялось еще и тем, что она смешивалась с жестоким, преступным, бездушным коммунистическим

утопизмом, который возвышался не над искусством, а над этикой!

Мир этой поэзии, проявляющийся во множестве языковых жанров, можно познать при помощи трех категорий: обширности, тяжести и меры.

Обширность я уже пытался описать. Можно бы сказать, что эта поэзия творит микрокосмос, представление об универсуме, если бы не опасность ошибочной ассоциации с чем-то схематичным и уменьшенным, с моделью действительности. Это не так. Творчество Хлебникова видится мне как Ипостась Слова, поставленная посреди мира и равная ему достоинством, вскормленная миром и возделывающая мир.

Под тяжестью поэтического мира я понимаю его значительность и болезненность. Проще всего определить этот вес бременем вопросов, которыми личная и общая судьба отягощают сознание. Голод, террор, вынужденные скитания по России – такими жестокими способами зло ввергает толпы в дьявольское движение, в спазматические защитные судороги. То же оно творит и с природой – да, над ней также довлеет судьба. В эпических поэмах Хлебникова и в его небольших лирических стихотворениях между крайними эмоциями эйфории и депрессии перебрасываются огромные массивы: тяжесть взбунтовавшихся, обезумевших толп, тяжесть унижений, тяжесть вины, тяжесть пейзажей, увиденных в последний раз людьми, которые через мгновение погибнут.

При всем этом следует помнить, что он всегда писал из нутра крестьянского воображения, своеобразно натуралистичного. Поэтому он создавал свойственный лишь ему, но по сути своей крестьянский миф – хотя город очаровывал его. Естественной средой была здесь мифическая легкость метаморфоз, свободная и спонтанная переработка материи мира и истории. И еще мифическая без-трагичность смерти – как в сказке. Тем сильнее контраст, когда в поэтических репортажах ему приходилось документировать неприкрытую жестокость массовых убийств. А ведь даже тогда ему удавалось создать миф мученичества, страстной миф тогдашних страданий, уместившийся в апокалиптическом видении: в Голгофе распятого коня^[2]. Так показал он животную невинность людских мучений – то, что есть в людях животного, оказывается чище, чем исконно «человеческое», чем жестокость. Насколько же глубже этот образ, чем «воскресенческие», но плакатные «Двенадцать» Блока...

Масса мира, до самого основания затронутая общественной лихорадкой времени, как бы сама из себя источает утопии, которые редко согласуются с официальной большевицкой идеологией. Среди этих утопий есть и та *sensu stricto* поэтическая, которую, кажется, исповедует Хлебников. Он мечтал о том, чтобы статическая энергия, скрытая в весе мира, могла непосредственно, не расточаясь, превращаться в незапятнанную, этически чистую, активную энергию человеческой истории, энергию добра. Однако в своем утопизме он не был легкомыслен: он знал и выражал свое знание о том, что такие сублимации должны пройти через материю человеческой судьбы, придающую им форму. Он, определенно, имел в виду не такую потребность в «форме судьбы», которая досталась людям в аду большевизма и гражданской войны. Он мечтал, чтобы протяженность мира и его вес изменялись в согласии с радостно-ритмичными, рациональными мерами судьбы. Такое изменение происходило бы без утраты красоты материи, без утраты духовной красоты людей.

Такова и архитектоника его собственной утопии. Он мечтал о городах, возникающих непосредственно из природы, разума и воображения: без посредничества технической цивилизации. Без посредничества городской традиции, так как привязан он был к крестьянской. Он не строил утопию, не навязывал ее принудительно – он чувствовал, считывал утопию из «воздуха», из «атмосферы», из «летучести» и наивности, непосредственности своего времени. Этим он отличался от коммунистов, марксистов.

А ведь он вместе с поэзией был приговорен: меры ада превратили природу в пепелище, человечность в золу.

Трагедия эпохи, верным хроникером которой стал Хлебников, заслоняет связь его поэзии с одним из особых источников вдохновения XX века – с увлечением досократической философией. Многим вдохновленным ею повезло в том смысле, что испытав жестокость этого столетия либо став свидетелями этой жестокости, они все же не были истерзаны ею так, как голодавший и гонимый с места на место Хлебников. Поэтому они с большей духовной свободой, пусть и не со столь драматическим воображением, могли предаваться своеобразной философии природы. Я имею в виду таких поэтов, как Поль Клодель (в первой половине века) и Октавио Пас (несколько позже). Им было свойственно возвращение к досократическим корням, к временам, когда философия еще не разнилась с поэзией. Их досократизм стоит связывать не с

мыслью Хайдеггера, его бунтом в понимании бытия, а с возвращением к природе как наставнице в мудрости и воображении. Хлебников – эзотерик, Клодель – христианин, Пас – индейский мистик. Они представляли совершенно разные культуры, различной была их духовность и религиозность, кажется, что у них больше различий, нежели общего. Знаменательно, что Клодель и Пас – профессиональные дипломаты, послы своих стран. Пас в эссеистике, а Клодель в дневнике были «дипломатами» политической и идеологической истории нашего времени, оговаривали их согласование с универсалиями совести. Возможно, и Хлебников стремился бы к этому, но, вброшенный в политический хаос России, он был вынужден жить в истории не-дипломатической, не-оговоренной, убийственной. В своих утопиях он лишь убегал – считая, что проектирует... Но для всех троих самое главное – обширность, тяжесть и мера мира – были скорее не категориями интеллектуального познания действительностью, а законами живого языка, на котором говорит и человек, и природа, а гармоничный (или дисгармоничный) хор человека и природы – это поэтическое воображение, его духовно-природные полифонии и тональности.

Поэзию Хлебникова могут по-братски увенчать две фразы из дневника Поля Клоделя, два канонических правила досократического воображения. Первое правило звучит: «Использовать всё сотворенное» – такое творческое наставление придавало Хлебникову необыкновенную смелость. Он использовал всё сотворенное для выражения всего сотворенного. Слова его поэзии, магически отождествлявшиеся с обозначаемыми ими сущностями, одновременно определяли расстояние до этих сущностей – были орудиями для обработки материи мира и были самой материей, которая предоставляла орудия, чтобы преобразовывать себя. Крупнейший досократик Гераклит говорил: «управлять всем при помощи всего». Здесь самое место для второго канонического правила Клоделя, который о Боге поэтов написал в дневнике так: «Господь Версификатор мер и весов». Миром Хлебникова управляют скорее боги, нежели Бог, но тем охотнее согласился бы русский поэт, что сущность поэзии составляет не только стихотворный ритм течения речи, но еще более ритм природы, ощущаемый поэзией, и что именно в этом божественность. Лучше сказать: сама поэзия это природный ритм, меры языка тождественны ритмам материи – и как одно, так и другое есть логос.

Говоря о мерах, мы касаемся одной из важнейших проблем поэзии Хлебникова, который, как известно, увлекался особыми

расчетами исторических ритмов. Он верил в регулярную повторяемость эпох, в возможность точного расчета даты возвращения великих личностей, влияющих на судьбы общества. В этой историософской эзотерике, хотя и курьезной, похожей на чудачество, на узурпацию безумного рассудка, есть, однако, своя мудрость, имеющая глубокие корни в досократической мысли, в афоризмах Гераклита. Один из них я должен привести в двух версиях перевода, так как суть различия этих переводов составляет квинтэссенцию всего, чем является мера для Хлебникова и его поэтических братьев.

Версия первая – в переводе польского историка философии Владислава Хайнриха: «Этот мировой порядок, тождественный для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, согласно мере разжигаемым и согласно мере гасимым»^[3].

Версия вторая – перевод польского философа Г. Эльзенберга: «Этот мир, один для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей. Он всегда был, есть и будет: вечно живой огонь, мерами разгорающийся и мерами угасающий».

В первой версии афоризма вера управляет огнем, ритмизует его. Если для поэтов огонь – это поэтический мировой лад, то ритмы этого лада навязываются извне, следовательно, и ритмический порядок поэм, версификация, принудительны.

Во второй версии – по мнению знатоков, более близкой оригиналу – именно сам огонь выделяет из себя меры, он сам по своей сути ритмичен, «размерен». И именно такое понимание ритма пропитывает поэзию Хлебникова. Мера – это жизнь поэтического огня, она принадлежит энергии языка, мера – неотъемлемое свойство огня, а не что-то, навязанное огню. Огонь порождает меры, и огонь питается мерами. Пламенная лирическая энергия содержит в себе меры, которыми живет: меры перемен. Стихотворение, само по себе ритмизованное и изменяющееся, тем самым передает ритмы и изменения космоса.

Конечно, это принципы известные всем истинным поэтам. Но в практике стихосложения всякое бывает, ибо забывается о двойственной природе стихотворных мер – о том, что это меры напряжения и что они «пере-меряют» субстанцию языка в ходе преобразования мира. Современные польские поэты либо обладают знанием о понимаемом таким образом ритме, но в своем творчестве ритмически негибки, доктринальны, либо же – хотя их ритм жив – им недостает того, что делает его

логосом: ритмичным ладом глубокого универсума, а не только его тонкого поверхностного слоя слов.

Проблема различия и антагонизма между регулярным и свободным стихом также получила зрелое разрешение в поэзии Хлебникова. Его версификация гармонизирует свободный и регулярный стих, давая ощущение красивого закона ритмической свободы. Стих свободен, когда он регулярен, и регулярен, когда свободен.

Хлебников использует характерные, короткие строки, «складывающиеся» в длинные периоды фраз, в расшатанный синтаксис. Короткая волна ритма складывается в богатый и тяжелый, длиннейший эпический ритм, раскачивающий над строками речь огромных поэм.

Адам Поморский и чувствует, и знает, что такое мера стиха. Этим чувством он обязан восхищению переводимой поэзией, а знанием – культурной компетенции. Он знает, что это мера жадного, всепоглощающего огня. И что это сознательная работа перемен. Много лет примеряя к метрическим текстам и к свободным стихам свою чувствительность, он позволил, чтобы разнородные переводные тексты разожгли ее и сделали восприимчивой к мерам и свободе мер этого мира, в котором обитают стихи и поэмы стихийных поэтов.

В поэзии Хлебникова он открыл для нас силу и беспомощность интеллекта, доведенного историей до наивности и до безумия. По пути к наивности и безумию логос повстречался с преступлением. Но до самого конца он героически оставался разумом.

Интеллектуальные комментарии и сноски Поморского не приручают Хлебникова – даже когда «рационализируют» его. Поморский воскрешает этого поэта, проясняет, проецирует образ Личности Хлебникова на сегодняшний день и на будущее польской поэзии.

Кем был Хлебников для своего времени? Он был огнем, поджигающим доктрины и скептицизм, логичные синтаксисы и скептическую иронию. Его «роль» поэта не была ролью – она была опровержением институционализации поэзии.

Он наблюдал и умел дать свидетельство того, как за одну короткую эпоху рождение XX века превратилось в агонию. Он слышал, как первый крик младенца переходит в рык убийцы. Он испытал, как преступно-наивная мечтательность становится осуществлением мечты о преступлении.

Что сегодня для нас Хлебников? Угрызения совести поэзии. Ее анархическая человечность. Существующая вовне душа одержимой и мудрой поэзии, ее новое послание нашему миру.

Петр Матывецкий, *«Мысли к словам. Наброски о поэзии»*, Бюро Литерацке, Вроцлав 2013.

Примечания переводчика:

1. В.Хлебников, «Две Троицы. Разин напротив».
2. Имеется в виду отрывок В.Хлебникова «Чу! Зашумели вдруг облака шумом и свистом...».
3. Этот перевод афоризма Гераклита опубликован с указанием в качестве переводчика д-ра Артура Пацевича (Dr Artur Pasewicz).

РАССКАЗЫ

ПАРЕНЬ В СИНЕМ КОМБИНЕЗОНЕ

Вот первая подворотня на этой улице. Свернешь в эту улочку из центра, а подворотня, если день жаркий, уже влечет тебя приятным, хоть, может, малость затхлым холодком. Напротив — бар «Под бомбой». Всякое бывает — если слишком много выпьешь, тогда лучше всего, зажав рот ладонью, рвануть прямо в эту подворотню. На дворе, среди деревянных построек, расположился просторный сортир, скрипучая будка цвета ржавчины. Дворник этого дома — человек немолодой и разговорчивый — охотно вступит с тобой в беседу.

— Да, денёк хорош... А люди есть и такие, и сякие...

Если ты понимаешь жизнь, угости его сигаретой. Он будет жадно затягиваться, качать головой, скажет что-нибудь о здоровье, о политике. Потом вы разойдетесь.

Справа от подворотни вывеска — «Бюстгальтеры». Сюда заходит много женщин; некоторые ничего себе и даже очень не прочь. При некотором усилии можно познакомиться с какой-нибудь вполне подходящей. На углу — «Маникюр и поднятие петель». Там в маленьком окошке ты увидишь красивую девушку. Темноволосую, с голубыми глазами. Только не уколись: девушка замечает исключительно красавцев, к тому же модно одетых. Лишь тогда в ее взгляде может блеснуть уважение. Как бы случайно она выйдет из заведения, в солнечный день, и потянется по-кошачьи. Если твоя красота никакая, волосы дрянь, а брюки широкие, просто вздохни и ступай к своей девушке.

С трех сторон двор окружают стены пятиэтажного дома. В окнах сушатся трусы, тряпки, розовые бабьи шмотки. На балконах развешено постельное белье. Слышно, как где-то поют. Кто-то орет с третьего этажа:

— Юзек, обедать!

Иногда забредет во двор бродячий мастер.

— Сле-е-е-есарь, пая-я-яем, починяем! — пронзительно затынет он. Похож на шарманщика.

Глаза у девушки из «Маникюра и поднятия петель» мечтательно блестят. Явно она — либо перед свиданием, либо сразу после...

Сегодня жарища. Солнце дьявольски припекает, небо затянула мгlistая, жестокая синева без единой тучки. Люди вытирают потные лица, тяжело дышат. В полдень жалкий ветерок слегка развеял зной. Он поднимал легкие платья женщин, открывал белые, еще не загоревшие ноги. На обнаженных ногах останавливались взгляды мужчин, жадные и бессильные от жары.

Продавщица из магазина у подворотни торопливо закрыла дверь.

— Они там... Они точно там! — визгливо крикнула она.

Толстая женщина и мужичок в трикотажной майке понятиливо кивнули головами. Продавщица, вывесив на двери магазина бумажку с корявой надписью «Сейчас вернусь», опять что-то крикнула, показав на подворотню. Мужичок в майке затоптал окурки. Они вошли во двор.

Двое в синих комбинезонах, опаленные солнцем, отяжелевшие, тоже остановились у подворотни. Уставились в темный провал. Тот, что постарше, уса́тый, хотел идти дальше. Его пористое лицо истекало потом, он водил языком по запекшимся губам и мечтал о горьковатом холодном портере. Был он похмельный и злой. У второго, молодого парня, перед глазами маячил мучительный образ женских ног, которых нынче он столько навидался. Последние, увиденные на углу, были полные и манящие. Ноги женщины перед комиссионкой. Лица он не видел, но легко его себе вообразил. Вытер влажные ладони о штанины.

— Пошли, Малиновский, посмотрим, — сказал он хрипло. Они побрели к подворотне. С наслаждением вдыхая прохладу.

Перед уборной уже собралась кучка людей.

Прыщеватый юнец в начищенных до блеска вишнёвых туфлях, баба, похожая на училку закона божьего, продавщица и толстуха со своим мужиком в тельнике.

С угла, оттуда, где «Маникюр и поднятие петель», поглядывала красивая девушка.

Двери сортира слегка поскрипывали, колеблемые ветром.

— Скоро развалится, — буркнул сторож, стоявший поодаль. — Но чего поправлять-то... — он несколько оживился, — всё пойдет на снос... — Несмотря на жару на нем был белый свитер под горло.

— Я видела, как они вошли, — сказала продавщица, кокетливо поглядывая на прыщавого.

Мужик в тельнике глуповато улыбнулся. Прыщавый пялился на громадную обвисшую грудь продавщицы.

— Дурачку её охота, — промышчал парень в синем комбинезоне. — Охота ему...

Малиновский вынул помятую пачку «Спорта». Закурили. Сплевывали, ощутив горечь.

— Лучше всего «Радомские», — сказал парень в синем комбинезоне, кроша сигарету пальцами.

Красивая девушка вышла из заведения. Глаза парня в синем комбинезоне встретились с ее глазами. Она равнодушно перевела взгляд на остальных. Парень прикусил губу.

Малиновский подумал о горьковатом освежающем портере и нетерпеливо зашевелился.

— Сидят и сидят, — вздохнула толстуха. — Какой кошмар! — плюнула она с отвращением.

Ее мужик в тельняшке усердно закивал головой. Красивая девушка из «Маникюра» приблизилась к собравшимся.

Продавщица завистливо смерила ее глазами. Девушка посмотрела на часы.

— Пятнадцать минут, — засмеялась она. Поправила кудрявую прическу.

— Такие вещи долго делаются, — отозвался прыщавый. Заискивающе глядя на девицу.

— Всё долго делается, — буркнул парень в комбинезоне. Он ощутил нарастающую неприязнь к прыщавому.

Толстуха заинтересовалась юбкой красивой девушки.

— Изящная, очень изящная, — повторила она с восторгом несколько раз.

— С барахолки, — пояснила девушка.

На платье среди диковинных цветов плясали обезьянки и ветряные мельницы. Парень в комбинезоне опустил взгляд ниже. Ноги у девушки были длинные, цвета бронзы.

Вдруг парень сделал шаг к сортиру. Коснулся двери.

— Долго там еще? — выпалил он со злостью.

— Боже мой, — шепнула продавщица.

Малиновский потянул парня за рукав.

— Пошли, — сказал он удрученно. Он подумал, что в такую жару люди могут выпить весь портер.

Дверь сортира с писком приоткрылась. Все вылупились в проем. Мужик в майке, он был ниже всех, привстал на цыпочки. Но никто не выходил. Только что-то смутно замаячило внутри.

— Боятся, — заявила толстая женщина.

— До войны, — откликнулся тот, в тельнике, — таких полно было в городских клозетах... Охотились на простачков.

Парень в комбинезоне колко взглянул на него.

— А вы небось пользовались у них особым успехом?

Сторож зашелся астматическим кашлем. Кашель еще не утих, когда дверь сортира широко распахнулась. Оттуда вышел немолодой человек плотного сложения. Одернул кремовую ветровку.

— Это он, — шепнула продавщица, беспокойно переминаясь.

Мужчина вытянулся, взглянул поверх голов собравшихся. Как бы на небо. Как бы на стены дома. Парень в комбинезоне увидел набрякшие сплетения жил на его шее.

Мужчина обернулся и, глядя туда, внутрь, пошевелил губами. Тогда вышел второй. И словно солнце упало на двор. Это был действительно красивый мальчик. Среди серых стен, на дворе, где вечно царил полумрак, никогда еще такого не видали.

Физиономии собравшихся вытянулись еще больше. Этот, в тельнике, — мелкая, заросшая щетиной крыса. Его уродливая бабенция, училка закона божьего, щурила свинячьи глазки... И другие. Сторож стоял поодаль, старый, нахмуренный.

Продавщица с усилием перевела взгляд с лица красивого мальчика на шею прыщавого. Шея была красная, с рваным шрамом, на воротнике виднелась перхоть.

Парень в синем комбинезоне рылся в карманах.

— Сигарету, — шепнул он хрипло. Малиновский не слышал.

Девушка из «Маникюра» задвигалась, как лунатик. Ей хотелось непременно увидеть красивого мальчика вблизи. Волосы у него были коротко стриженные, волнистые. Как кудри у греческих статуй. Такие, как велит мода. Девушка раскрыла рот. Она уже несколько лет работает здесь и еще ни разу не видела такого мальчика. Часто ходит в кино — но и в фильмах такого не видела. Она захотела встретиться с ним взглядом. Так напрягла глаза, что стало жечь под веками. А он, этот красивый мальчик, не видел ее вовсе, он смотрел в лицо мужчине в кремовой ветровке. Прыщавый отстранил продавщицу.

— Бей улюдков! — вдруг завопил он.

Тогда первый из них, тот, в ветровке, сказал что-то, но никто его не понял. Они услышали только сдавленный голос. Он поднял руку, пытаясь прикрыть лицо.

Парень в синем комбинезоне врезал наотмашь. Седоватые волосы рассыпались редкими нитями. Прядь скрыла лоб и глаза мужчины в ветровке.

Училка закона божьего запищала от эмоций. Малиновский примерился и заехал этому красивому мальчику слева. Ощутил гнев и добавил, дав ему крепкого пинка. Красивый мальчик рухнул перед помойкой. Девушка из «Маникюра и поднятия петель» зажмурилась.

Сторож тщательно закрыл дверь сортира. Прыщавый ударил того, в ветровке. Тот пошатнулся и замахал руками.

— Кровь! — пискнула продавщица.

— Клиентов делают вчистую! — прыщавый сжался и ударил снова. Тот, в кремовой ветровке, упал.

— Топчи паскуду! — обрадовался мужик в тельняшке.

Парень в комбинезоне посмотрел на лежащего. Лицо его было испачкано кровью. Он поджал ноги. Не защищался. Не кричал. И глаза у него были открыты.

— Хватит, он же лежит! — парень в комбинезоне резко поднял голову. — Ну, нет! — его голос задрожал от злости. Он загородил дорогу мужичку в тельнике.

Продавщица нервно дышала, держась за большие груди.

— Ах, вот бы в эти буфера, — причмокнул прыщавый, — в эти буфера...

— Хватит, — угрожающе повторил парень в синем комбинезоне.

Мужичок в тельнике покорно отступил. Теперь все смотрели на поднимавшегося с земли мужчину в кремовой ветровке. Красивый мальчик взял его под руку. Вытер ему лицо платком.

Девушка из «Маникюра» отвернулась, но и так хорошо видела его отражение в оконном стекле. Она с трудом перевела взгляд на собравшихся. Сторож плюнул под ноги этим, из сортира.

— Ну, валите отсюда, а то еще!..

— Какое еще! — молодой рабочий рвался из объятий Малиновского.

Выругался раз, другой.

— Спокойно, господа... — попытался снять напряжение мужик в тельняшке.

— Всё позади, — примирительно произнес прыщавый.

Те двое направились к подворотне. Перед ее темным провалом один из них обернулся. Он. Красивый мальчик. Парень в синем комбинезоне устремил взгляд на носки своих заляпанных известью резиновых сапог. Все молчали.

— Пошли, — сказал Малиновский.

— Только время у нас отняла, — взорвался вдруг его молодой приятель, — эта старая кляча. Старая кляча, — повторил он, глядя на продавщицу. — А ты, вторая, вон — к своим когтям и чулкам!!!

Он бы еще сказал, но Малиновский, который уже не мог выдержать без портера, сильно потянул его за руку.

— Хамство! — бросила им вслед продавщица.

Двое в синих комбинезонах ее не слышали. Вышли из подворотни. Огляделись. Тех нигде не было видно.

— Полдень, — проворчал Малиновский и двинулся в сторону бара, на ту сторону улицы. Парень, волоча ноги, поплелся за ним.

В баре «Под бомбой» на окнах жужжали мухи. Несколько угольщиков старались накачаться до одури.

— Две больших! — крикнул парень в синем комбинезоне.

Барменша перестала чистить ногти. Апатично улыбнулась, наполнила стаканы водкой. Через штору была видна подворотня напротив. Молодой выпил залпом. Уставился в окно.

— Вышли, — сказал он жестко.

Продавщица и прыщавый проследовали в сторону центра. Малиновский даже не глянул в окно и, выпив водку, с наслаждением потягивал портер.

— Такое лицо, — задумался парень в синем комбинезоне, — такое лицо... Бабенки за ним бы в огонь... — он посмотрел на ловкие пальцы барменши, которая ставила в витрину блюдо с селедочным салатом. Вдруг он напрягся.

— Старик, это ты влепил ему так капитально, да? — сказал он тихо.

И впился взглядом в лицо Малиновского. Тому стало не по себе. Он отставил портер, осмотрел костяшки своего кулака, спрятал его под стол.

— А ты что, нет, что ли? — пробормотал он. — У твоей лапы тоже копыто крепкое... — он засмеялся. Но тут же перестал. Ему показалось, что выражение лица у молодого кореша какое-то странное. — Я же сразу сказал: пошли портер пить...

— Хозяйка, две большие! — крикнул парень в синем комбинезоне, ударив стаканом по столу.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Было холодное январское утро. Немцы оставили город ночью. Только в домике у шоссе, ведущего на запад, осталась эта толстуха Сталь. У самого большого дома, именуемого Пекином, оживленно переговаривались мужчины. Сёк резкий ветер.

Каштаны за железнодорожными путями печально гнулись, нагие и черные.

— Конфидентка! — мальчики слышали злое, оккупационное слово.

— Конфидентка! — повторяли мужчины у Пекина.

— Будет потеха, — Веснушчатый, тот, что жил на Будах, потирал руки.

Он подошел к мужчинам. Но его тут же прогнали. Трамвайщик Адамец показал на домик у шоссе. Мужчины беспокойно зашевелились. Лица были ожесточенные, хищные.

— Ей давно уже вынесли приговор, — сказал Веснушчатый, — те, подпольщики, и не успели...

Кшиштоф смотрел на серый домик с красной крышей. Такой же, как остальные в городке. Только чуть в стороне.

— Идем! — крикнул портной по прозвищу Заплата-На-Заплате. Они двинулись туда всем скопом. Даже господин Осохин, владелец ресторана «Венеция», последовал за ними. Он шел медленней всех, привлекая деревянную ногу.

— Пошли, — сказал Веснушчатый, главарь мальчишек с их улицы.

Но отец Кшиштофа, сжав губы, придержал сына за плечо. Веснушчатый побежал за мужчинами. Другие мальчишки тоже вынырнули из подворотни Пекина.

Кшиштоф вернулся с отцом домой.

— Ну что? — спросила мать.

Отец покачал головой. Мать вздохнула.

А отец встал у книжной полки и странным жестом, дрожащей рукой стал гладить книги. Посмотрел на тисненные золотом названия на корешках. И тут же отдернул ладонь.

— Книги, — сказал он. — Прекрасный мир гуманистов... Беспомощный мир гуманистов....

Кшиштоф чувствовал: происходит что-то страшное. Ему уже не хотелось даже спрашивать ни о чем.

Было тихо. Улочка опустела. Где-то залаял пёс.

У Кривоглазого, подумал Кшиштоф.

Собачий лай оборвался. Вернулась тишина январского утра. Вороны как мертвые застыли на телеграфных проводах. Кшиштоф начал считать черных птиц, понатыканных тесно, как на грядке. Но посередине между двумя столбами прекратил. Подумал о тех, кто побежал туда, к крайнему домику у шоссе.

Внезапно улица наполнилась криком.

— Вернулись, — сказал отец, и лицо его снова застыло. Он велел Кшиштофу сидеть дома. А сам стал нервно ходить из угла в угол.

Кшиштоф выскользнул из квартиры через кухонную дверь. Побежал к Пекину. Наткнулся там на запыхавшегося Цыгана. Мужчины уже стояли в подворотне. Заплата-На-Заплате возбужденно топтался на месте и щерил в улыбке беззубые дёсны.

— Это он! — Цыган показал на Фелека-речника, молчаливого мужика с черной щетиной.

Фелек-речник смолил сигарку. Тяжко понурившись.

— Тебе чекушка полагается, — сказал господин Осохин, владелец ресторана «Венеция».

И похлопал его по спине. Речник оттолкнул его руку, еще ниже свесил голову.

— Он! — повторил Цыган, вглядываясь в речника с восхищением и страхом. — И повесили, — сказал он и вздрогнул.

Кшиштоф побежал. Веснушчатый и другие мальчишки были еще на месте. В проеме калитки висела она. Толстуха Сталь. Кшиштоф подошел ближе. Он смотрел на тело, безжизненно свисавшее с поперечного прута над калиткой. Платье, синие ноги, сползшие беспорядочными складками чулки. Голова упала, как сломанный подсолнух, волосы закрывали лицо. Впервые он увидел смерть так близко. Еще недавно он видел, как эта толстая фрау Сталь шла в магазин господина Маслиха, слышал, как она перешучивалась с подпитыми железнодорожными охранниками, баншуцами, возле уличной колонки. А теперь — лишь бездвижный, скорченный кокон.

Веснушчатый глупо улыбнулся и приблизился к повешенной женщине. Уверенным, молодцеватым шагом. И мелом

нарисовал на ее спине круг, в нем другой, поменьше, третий, четвертый. Свитер на ней был зеленый. Белые меловые круги виднелись очень четко.

— Мишень! — объявил Веснушчатый.

Он отошел ровным, размеренным шагом. Отсчитал расстояние. Остановился у крыльца ее дома. Вытащил из кармана рогатку.

Остальные мальчики молча смотрели. Маленький Капуха не выдержал и отвернулся.

Веснушчатый медленно, расчетливо натягивал резину. Но камня выпустить не успел. Кшиштоф вырвал у него рогатку. С бешеной яростью стал ломать рогатину, драть резину.

— Ты что!.. — в глазах Веснушчатого вспыхнул опасный огонек, он занес руки, словно готовясь ударить. Но Кшиштоф не испугался, ничуть. И защищаться не собирался. Просто стоял и с презрением смотрел на него. Веснушчатый переступил с ноги на ногу, взглянул на свои кулаки, разжал их и смущенно кашлянул. Посмотрел на мальчиков. Лица у всех были недоброжелательные, враждебные.

— Жаль рогатки, — пробормотал он.

И протянул руку. Кшиштоф не принял его ладони. Все так же смотрел с презрением.

Веснушчатый покраснел. Он неловко маневрировал отвергнутой ладонью, спрятал ее за спину, выставил вперед, наконец сунул в карман.

И тогда на крыльце домика с красной крышей появилась бабка маленького Капухи, навьюченная периной и несколькими подушками. Она еще раз заглянула внутрь, раздумывая, не вернуться ли туда.

— Всё разодрали, — сказала брюзгливо.

Она спускалась по ступенькам очень медленно, сгибаясь под тяжестью добычи. Слегка нагнув голову, равнодушно прошла мимо висящей в проеме калитки женщины. Потатила по улице и вскоре исчезла за забором.

Было тихо и страшно. Мальчики стояли неподвижно, не чувствуя холода, расплзавшегося под одеждой.

ВЕСНА

Старик поднял вверх бутылку, крутанул ее и, поддерживая обрубком второй руки, выцедил до дна. Он мягко обнимал губами горлышко бутылки и пил равномерными глотками. Тот, что был моложе, искоса смотрел на него. Глаз старика он видеть не мог. Они были прикрыты. Старик кончил пить, откашлялся. Пустую бутылку поставил между ног.

Небо над ними было погожее. Его нежную голубизну бороздил только дым из фабричных труб. Земля, на которой они сидели, была рыхлая, размякшая, и зеленая поросль уже пробивалась среди желтой гнили прошлогодней травы.

Тот, что был моложе, вдруг дернулся.

— Что все это значит? — страдание звучало в его голосе.

Старик медленно, как курица на грядке, поднял веки. Показались выцветшие, усталые глаза.

— Не знаю, — ответил он.

Культей он ловко прижал к груди металлическую коробочку с цветным рисунком на крышке и открыл ее другой рукой. Окинул безучастным взглядом кусты над рекой, горы угля на пирсе, баржах и плашкоутах, стоявших в порту, ивняк, которым густо зарос берег. Опустил голову. На земле перед собой он видел черных, кишящих червячков. Наподдал ногой пустую бутылку. Она покатилась по отлогому склону. Молодой следил за заскорузлыми пальцами старика, вылавливавшими из металлической коробочки сигарету. Его переполняла трудновыразимая тревога. Старик чувствовал на себе его упорный, тяжелый взгляд. Он закурил, жадно затянулся, с хриплым кашлем выпустил дым из легких. Тот, что был моложе, всё ждал. Так всегда — когда тот ставил бутылку, он сверлил его глазами и задавал свой тревожный вопрос.

— Как эта бутылка... — буркнул наконец старик. — Выпили мы, бросили, и полетела она невесть куда...

— Значит, случайность? — задал очередной вопрос тот, что был моложе.

Старик выставил вперед культю в полупустом рукаве.

— Была она целая, — сказал он нехотя. — Такой же день, как сегодня. Стреляли. И оторвало. А другой, рядом, погиб... Разве мы знали, что кому на роду написано?

Гудок буксира разорвал тишину. Из трубы повалил черный дым. Вслед за буксиром, как разбуженные звери, качнулись баржи. Их туловища дрогнули и, разрезая воду носами, медленно двинулись к выходу из портового бассейна. Ощущалась весна, ласково веял приятный теплый ветерок. Ивняк, еще голый, зимний, колыхался под слабым дуновением от воды.

— Сколько уж раз, — сказал тот, что был моложе, с измученным лицом, — была весна... к чему же всё это ведет?

Старик тщательно докуривал сигарету. В заскорузлых, но цепких пальцах он вращал крошечный окурок, глубоко затягиваясь.

— Весна, — засмеялся он хрипло, — ведет к лету.

В речных рукавах, вжимавшихся в песок и в заросли ивняка, осталось еще немного размытого течением льда. Лед таял на солнце. Блестела вытекавшая из-под него вода. Кричали птицы, поднимаясь в воздух и падая на сияющую, волнистую поверхность реки.

— Охотятся, — пробормотал старик.

Прищурясь, он следил за схваткой крылатых охотников. Снова вздохнул. Тот, что был моложе, поник головой. Волосы у него были густые, непослушные. Вопросы, которые он задавал, бросили тень усталости на его лицо. Там, внизу, началась портовая суeta. С барж к вагонам, подаваемым на пирс, черным потоком плыл на конвейере уголь. Слышен был сухой хруст сталкивающихся глыб угля и голоса грузчиков.

Тот, что был моложе, поднял голову, и задумчивость сошла с его лица.

— Пора мне, — сказал он.

Старик поддакнул. Тот, что был моложе, бодрым, резвым шагом побежал по откосу вниз, к порту. Старик смотрел ему вслед. Он был уже всего лишь маленькой фигуркой. И исчез среди таких же фигурок. Старик тоже поднялся с земли и не спеша направился в другую сторону. Он жил тут поблизости. Домишка был маленький, почти провалился под землю, соломенная крыша заросла мхом. Усадьбу сторожил тощий белый пёс на цепи. При виде старика он пару раз вильнул хвостом. Подворье заросло сухими сорняками, в грязной луже копошились гуси. Курица клевала навозную кучу. Навоз уже пустил зелёный сок. На заборе висела дохлая ворона — отгонять ястребов. Старик стоял посреди двора, над чем-то

медитировал. Двинулся к дому. Он шел, не обходя лужи и совсем не чувствуя, как вода льется в его мелкие штиблеты. Пёс еще раз-другой вильнул хвостом и безнадежно покрутился над пустой миской. Тонко залаял. Старик пошевелил культёй. Зашелестел пустой рукав пиджака. Пёс спрятался в будку. Старик вошел в сени. Споткнулся о лохань. Пол скрипел под его шагами. Он остановился. Темно. Тихо. Мух еще не было, и вдруг он ощутил, что ему не хватает их монотонного жужжания.

Комната была переполнена тяжелой, противной вонью. У стены, на широком ложе, в грязной постели, прикрытая клетчатой периной, лежала старая женщина с лицом, искаженным болью, одутловатым, застывшим, как восковая маска. Он склонился над ней. Всмотрелся в слипшиеся от пота редкие волосы и синеватые, чуть раскрытые губы. Глаза ее, мутные, отсутствующие, были широко открыты. Лоб блестел липкой, болезненной влагой. Внезапный стон, как шорох, выкатился из ее открытого рта.

— Тебе лучше? — спросил старик.

И не ожидая ответа, пошел к печи. С трудом нагнулся и кочергой помешал пепел в топке. На миг застыл, вглядываясь в черную яму.

— К чему же всё это ведет? — повторил он вопрос молодого, заданный на реке.

Не то засмеялся, не то охнул.

Из груды поленьев у печки он выбрал несколько щепок потоньше, немного хвороста. Завернул в газету и сунул в топку. Поджёг. Огонь загудел. Старик присел на корточки и с удовольствием стал прислушиваться к гудящему голосу огня.

— Есть тяга, — пробормотал.

Заскрипела кровать. Он оглянулся. Женщина чуть вздрогнула. Она тоже слышала голос огня.

Из книги «Рапорт о военном положении»

ПОЖИРАТЕЛЬ ПАДАЛИ

Власть вцепилась в народ мертвой хваткой и душит его. Тюрьмы переполнены. В судах всё новые непокорные ждут своей участи. Патрули прочёсывают улицы городов и городишек. Сияет на солнце хорошо смазанное оружие. Солнце выхватывает из мрака усталые лица униженных.

И только один человек смеется. Сытым веселым смехом. Он заработал много денег. Снова, как встарь, деньги потоком хлынули в его мошну. И что там тюрьмы, утраченная свобода, заткнутые кляпами рты тех, кто говорил правду! Он не нарадуется. Для него время рабства — река, полная рыбы. Лицо его лоснится от жира. Утонули в жиру юркие звериные глазки. Гиена во плоти человеческой.

Научись узнавать ее безошибочно! Она жиреет за наш счет. Помни об этом!

ПАЛАЧ

Палача спросили, зачем он делает это. Палач без колебаний ответил: должен же кто-нибудь это делать!

И вздохнул. Дав понять, что жертвует собой ради общего блага.

Встревожено покосился на собеседника. Боясь, как бы у него не вырвали из рук это прибыльное занятие.

СЧЕТ

Немного времени уже у нас осталось. Что было — ушло на бесплодные ожидания, надежды, разочарования.

Людей убивали, потом — мертвых — почтительно реабилитировали. Нам обещали мир и счастье, а дали вечный страх. Страх затаился в углах наших жилищ, просочился в души.

Иногда они каялись, страстно клялись, что больше никогда... Мы распрямляли согбенные спины, вновь устремляли взгляды в небо. Вдыхали воздух полной грудью. И вдруг опять словно что-то в нас обрывалось. Мы ходили, тяжело свесив головы. На нас давил низкий тюремный потолок.

Многие погибли до срока. Ведь все эти годы нам отравляли тела и души. Учили подлости, предательству, безумию. Искореняли достоинство, отвагу и честь.

Мы защищались изо всех сил. Мы продолжаем сопротивляться. Но у нас уже выпадают зубы, седеют волосы, сердце начинает барахлить, мутится взгляд. Пора готовиться к концу земного странствия. Мы так ничего и не достигли. В муках прошла наша жизнь. А они всё живут.

Так кто же, кто же будет их судить?

ПОД БРЕМЕНЕМ СОВЕСТИ

Во рту у них полно издохших слов. Слова эти пухнут в них и смердят. Слова служили им долгие годы. Злодейство они называли благодеянием. Ночь — днём. Тучи — безоблачным небом.

Совесть стала для власти обузой. Власть усердно несет это бремя.

Ещё не высохла кровь на мостовой, еще не были набиты до отказа тюрьмы, а они уже твердили: все к лучшему. Еще слышны были выстрелы и стоны, а они, положа руку на сердце, объявили себя гласом народа, понявшего суровую историческую необходимость.

Изредка их можно встретить среди людей. Они проскальзывают стороной, как зачумленные. Инстинктивно закрыв лицо, пугливо поджав хвост. Ожидая брани, плевков, пощёчин.

Сегодня снова настал для них день исполнения долга. Они выползают из нор и, с прежним рвением именуя благодеяние злодейством, день — ночью, силятся затянуть погожее небо тучами лживых, ядовитых слов.

Под бременем совести они одряхлели, согнулись. А смены им всё нет как нет.

Ну, кто присоединится к их компании?

ГОРОД

Над городом надругались. И хотя ночью тщательно стерли, замели следы дня, ядовитый смрад газа никуда не исчез. Он въелся в воздух, затаился в тупиках, подворотнях и переулках, заполнил дворы. Окружил со всех сторон, как невидимый враг. Люди плачут. Достают платки, утирают слезы. Но слезы на глазах — вовсе не признак уныния или бессилия.

Потому что едва только люди услышат мерный топот сапог, едва увидят военный или милицкий патруль — они тут же поднимают головы, а в их глазах появляется жесткий, стальной блеск.

НЕЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

Птица упала на землю. С перебитым крылом. Люди кинулись на нее. Птица пыталась защититься здоровым крылом и клювом.

Добив ее, они переглянулись. Каждый во всем обвинил другого. В конце концов они разбрелись в молчании.

ЛЮДИ И НАДСМОТРИЩИКИ

Серые лица униженных. Народ, как прежде, гнет спину. Трещат декальцинированные кости. Из репродукторов рвутся слова преданности, готовности, воодушевления. Жестяные раструбы снова стали гласом народа. Народ безмолвствует. Над ним стоят надсмотрщики. Их суровые взгляды надменны, полны спеси. Бдительны пастыри стада своего.

Но настанет час! Срастутся переломанные хребты. Растоптанных пронзит заряд нечеловеческой энергии. И покатится лавина. Этого не в силах предотвратить самый бдительный и хитрый надсмотрщик. Вырвется солнце из когтей свинцового неба.

Люди будут вешать надсмотрщиков!

Перевод Андрея Базилевского

ЛЕТОПИСЕЦ ЧЕСТИ В ПОЛЬШЕ

Марек Новаковский (1935–2014) дебютировал в литературной периодике в 1957 году, а уже годом позже он выпустил первый сборник рассказов — «Этот старый вор», который не только принес ему признание литературной критики, но и (особенно после выхода в 1962 году второй книги — «Бенек Цветовод», в главном герое которой можно найти сходство с бабелевским Беней Криком) создал ему репутацию автора, увлеченного своеобразной «экзотикой» социального дна. В сущности, самое интересное в ранних произведениях писателя — это контраст между четко сформулированным кодексом чести героев и распадающейся, раздавленной коммунистическими структурами системой общественных ценностей. В пространстве жизни людей, «поставленных вне закона» (а закон этот — беззаконие), соблюдение довольно жестких принципов воровского кодекса становится важной точкой отсчета для размышлений о механизмах, управляющих жизнью «социалистического общества», все более атомизированного, лишённого этических и правовых связей, превратившегося — как назвал это в одном из романов Ежи Анджеевский — в месиво. То, что социологи называют «маргинальными слоями», в творчестве Новаковского предстает одним из немногих островов порядка — в том числе морального — в мире послевоенных руин и хаоса. Автор наделен великолепным слухом, позволяющим передать тональность и атмосферу воспроизводимых разговоров, ему свойственны обостренная наблюдательность, чуткость к ритму и климату перемен. Это позволило ему довольно скоро — в книге рассказов «Парень с голубем на голове» (1979) — зафиксировать распад остатков кодекса чести: новое поколение уже не признает кодекса старших, живет в мире, навязанном системой, не придерживается норм, еще недавно обеспечивавших независимость этой специфичной группе, которая теперь, как и все прочие, все больше погрязает в действительности «реального социализма». Однако система эволюционирует, что точно отражено в писательской хронике Новаковского: бунт рабочих и восстановление — благодаря «Солидарности» — общественных связей и нравственных принципов приводят к тому, что власть, введя военное положение, ставит вне коммунистического «закона» большую часть общества. Этой теме и посвящен цикл рассказов, составивших «Рапорт о военном положении» (1982). После 1989

года Новаковский продолжал следить за общественными переменами, выражением чего стала, в частности, замечательная повесть «Ното polonicus» (1992).

Разумеется, это только идейный костяк прозы Новаковского, своего рода редукция, но она указывает на преобладающий в его творчестве этический аспект. Следует подчеркнуть, что почти с самого начала своего существования в литературе автор «Князя Ночи» был критиком системы, активно протестующим против цензуры, публиковавшимся в эмигрантских издательствах. Он был одним из создателей первого, возникшего в 1976 году, подпольного литературного журнала «Запис», был членом Комитета защиты рабочих и ряда других независимых общественных инициатив.

ДНЕВНИК ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Во вторник, 1 августа 1944 года было пасмурно, мокро, прохладно. Кажется, в полдень я вышел на Хлодную (это была тогда моя улица, я жил в доме номер сорок) — помню, что было много трамваев, машин, пешеходов, а когда я вышел на угол Желязной, то вспомнил, что сегодня 1 августа и подумал так: «1 августа — праздник подсолнухов».

Вот только подумал я это, стоя на Хлодной и глядя в сторону Керцеляка^[1]. А почему подсолнухи? Ну, конечно, потому, что они как раз в эту пору всю цветут и даже перезревают... И еще потому, что был тогда наивный и сентиментальный, совершенно непрактичный, да и времена были наивные, архаичные, какие-то даже беззаботные, романтические, подпольные, военные... Так что — ведь должен был этот желтый цвет где-то да проявиться — вокруг сиял странный свет этого хмурого дня, просачиваясь в битком набитые красные варшавские трамваи.

Вспоминая себя тогдашнего, я буду искренен — и пусть в моем рассказе окажется слишком много деталей, зато он будет абсолютно правдивым. Сейчас мне сорок пять лет, с тех пор прошло двадцать три года, я лежу на диване, целый и невредимый, живой и свободный, в хорошем настроении и прекрасной физической форме, на дворе октябрь, ночь, 1967 год, в Варшаве снова живут миллион триста тысяч человек. Мне было семнадцать, когда однажды я лег в кровать и впервые услышал артиллерийские залпы. Это грохотал фронт. Кажется, это было 2 сентября 1939 года. Я перепугался и правильно сделал. Прошло пять лет — и немцы в военной форме, уже успевшие примелькаться, расхаживали по нашим улицам.

(Я употребляю здесь, да и не только здесь, слово «немцы», так как все другие определения звучат искусственно. Например, власовцев тогда часто воспринимали как украинцев. Мы знали, что гитлеровцами были не только немцы. Да что там знали — видели своими глазами. В 1942 году, после ликвидации еврейского гетто, я видел латышей. С винтовками. Все в черном. Они стояли вдоль Сенной. Густой шеренгой. На «арийской» части тротуара. Круглые сутки они вглядывались в

окна на еврейской стороне улицы. И видели разве что остатки стекол в оконных рамах, заложенных подушками. Кругом летал трупный пух. Только на этой улице от Железной до Сосновой вместо стены была протянута колючая проволока. Брусчатка на проезжей части — на той стороне уже всю цвели сорняки — разохлась и приобрела угольный оттенок. А эти все приседали на корточки при малейшем шорохе. И целились. Помню, что один из них все стрелял. По этим окнам).

И вот того самого 1 августа в два часа дня Мама сказала мне, чтобы я шел к кухне Тадека на Сташица, за хлебом. Хлеб кончился, и они договорились, что я приду. Я и пошел. Помню, когда возвращался, людей на улицах было очень много, там что-то происходило. Слышно было, как говорят:

— На Огородной убили двух немцев.

Кажется, что пошел я не туда, куда собирался, потому что на улицах немцы всю хватали людей, впахивая их в грузовики — сдается мне, что шел я как раз по Огородной. То, что творилось на Воле^[2], могло иметь локальный характер, потому что я сразу же встретил Стасика П., композитора, а тот потом вспоминал со смехом:

— А моя мама говорила: «До чего же нынче спокойный день».

Стасик своими глазами видел на улице множество «тигров».

— Такие здоровенные танки, каждый размером с дом.

Мы кружили по городу. Кто-то видел, как на Мазовецкую, дом 11 въехала тысяча «наших» верхом на лошадях. Говорили разное. И все это было еще до пяти часов пополудни, до часа «W». Нам со Стасиком нужно было на Хлодную, дом 24, к Ирине П., моей знакомой из подпольного университета (наша польская филология была на углу Свентокшиской и Ясной, на третьем этаже, люди сидели там на школьных скамейках; все это выдавалось за некие коммерческие курсы Тунельского). Так что мы собирались подойти туда к пяти (к семи вечера меня ждала Галина, жившая вместе с Зоськой и моим отцом на Хмельной, 32), а поскольку еще было рано, мы ходили себе по Хлодной туда-сюда, от Железной до Валицова. Церковный служба разложил на ступеньках костела ковер и выставил зеленые деревца в кадках, готовясь к венчанию. Вдруг видим — служба все это быстро убирает, сворачивает ковер, прячет кадки, да так суетливо, что нас это, помню, удивило. (Хотя еще вчера, 31 июля, с нами пришел попрощаться Роман З., и как раз уже было слышно советский фронт, на небе вспыхивали

зарницы, самолеты летели бомбить немецкие кварталы). Мы пришли к Ирине, было около пяти. Болтаем о том, о сем, и вдруг слышим стрельбу. А потом, кажется, грохот орудий, пулеметные очереди, всё сразу. И крик:

— Ура-а-а-а-а...

— Восстание, — сразу подумали мы, как и все в Варшаве.

Странно-то как. Это слово никто из нас раньше вообще не произносил. Оно было знакомо нам из учебников истории и прочих книжек. И даже навевало скуку. А тут вдруг... на тебе, да еще с этим «ура-а-а-а», толпами народу и прочим «тарарам». С этим «ура-а-а» и «тарарам» взяли здание суда на Огородовой. Шел дождь. Мы пытались разглядеть все, что только можно. Окна Ирины выходили на внутренний двор с краснокирпичной стеной в самом конце, а за ней до самой Огородовой тянулся еще один двор с лесопилкой, сараем, кучей досок и тележек. Смотрим, человек в немецком камуфляже, в пилотке с повязкой перепрыгивает через эту красную стену с того двора на наш. Прыгнул на крышку мусорного бака. С бака на табуретку. С табуретки на асфальт.

— Первый повстанец! — воскликнули мы.

— А знаешь, Мирончик, я бы ему отдалась — с восторгом призналась мне Ирина сквозь занавеску.

И тут же с Огородовой на тот, второй дворик прибежали люди за досками и тележками, чтобы строить баррикаду.

Помню, что потом, когда мы съели приготовленные Стасиком клецки, мы во что-то играли и листали «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле (моя первая с ним встреча). Затем пошли спать. Ночь, само собой, была беспокойной. Все время стреляли. Разве что поутихли крупнокалиберные пулеметы, так легко потом узнаваемые. Ирина пошла спать в свою комнату. Мы со Стасиком улеглись в кровать ее мамы, ушедшей в город и до сих пор не вернувшейся. Моросил дождь. Было холодно. То и дело раздавалась пальба. То ближе, то дальше. И разноцветные ракеты. Раз за разом. По всему небу. С этим мы и уснули.

Впервые о бомбардировках я услышал в 1935 году. Когда итальянские фашисты напали на Абиссинию. У нас тогда сидела хромая Маня с наушниками на голове, слушала радио и вдруг сказала:

— Бомбят Аддис-Абебу.

Я представил себе дом тетки Натки на Вроньей, не знаю, почему именно его, пятый этаж, и как мы поднимаемся по лестнице между четвертым и пятым. И вдруг валимся вниз вместе с лестницей и стенами. Потом сразу подумал, что такое, наверное, невозможно. Но как же тогда это выглядит?...

Что было 2 августа 1944 года? На западе еще с июня наступали союзники, бои шли во Франции, Бельгии и Голландии. То же было и в Италии. Русские стояли на Висле. В Варшаве начался второй день восстания. Нас разбудил грохот. Шел дождь.

Город организовывался. Дежурные по кварталам. Часовые. Люди разбирали стены в подвалах. Рыли подземные ходы. Целыми ночами. Баррикады. Сперва думали, что их можно соорудить из чего угодно, из тех самых досок с лесопилки и тележек на Огородовой. (Вся Огородова — мы своими глазами видели — была увешена польскими флагами; вот это праздник!). Собрания и совещания во дворах. На них решали, кто что будет делать. Уже и газета, кажется, появилась. Своя, повстанческая. И вообще — повстанцы. Наконец-то их можно было разглядеть. Что удалось взять у немцев, то и надевали: каски, сапоги. В руках что попало, лишь бы стреляло. Мы выглянули на Хлодную. И правда — образовался фронт. По всей Варшаве. В одночасье. Точнее, несколько фронтов. Их установила первая же ночь, а день начал переставлять с места на место. Об этом писали газеты. Стоял грохот. Из всех стволов и орудий. Бомбы. Винтовочные залпы. А может, это фронт? Тот, настоящий, советско-немецкий. Где-то от Модлина он шел в сторону Варшавы (и был нашей самой большой надеждой). На Воле резни еще не было. Но Хлодная уже оказалась в трудной ситуации. Улица вроде бы была нашей. Уже, кажется, тогда на ней развевались наши флаги. Но на углу Валицов и Хлодной был немецкий блокпост. Второй их блокпост находился на углу Железной и Хлодной, возле дома с колоннами. Весь дом был занят немцами, и стреляли они со всех пяти этажей. Автоматы. Гранаты. Стрельба с крыши, из-за трубы, кто-то ранен, кто-то убит. По нашим стреляли из укрытия.

— Снайперы, — говорили вокруг. Их искали, но без толку. Они орудовали из наших же домов. Потом их всё-таки ловили. Но снайперов было слишком много. От начала восстания и до самого конца. Они шли за танками и вбегали в подъезды. Со стороны Воли, от Торгового вокзала, со стоящего на рельсах бронепоезда летели немецкие снаряды. И из Саксонского парка. Самолеты сбрасывали бомбы. Почти без перерыва. Каждые полчаса. А то и чаще. И танки. Со стороны Мировского рынка. И с Воли. Пытались прорваться и очистить улицы. По Хлодной. От

первых, временных баррикад из мебели и досок, как оказалось, не было никакого толка. Танки шли прямо по ним. При попадании снаряда или зажигательной бомбы баррикада мгновенно сгорала. Помню, как на другом углу Хлодной и Железной, из окон дома, что напротив немецкого блокпоста, со второго этажа выбрасывали столы, стулья, шкафы, люди поднимали все это с тротуара и волокли на баррикаду. И тут же по ней шли танки.

Поэтому через какое-то время народ стал разбирать брусчатку на камни и выковыривать тротуарную плитку. Для этого даже нашлись инструменты. Водители трамваев приготовили для восстания какое-то количество железных ломов и кирок. И раздавали их людям. Ломами и кирками разбивали брусчатку, вытаскивали из тротуаров плитку, раскалывали твердую почву. Но те два блокпоста серьезно мешали. Помню, что моя Мама вдруг оказалась у 24-го дома, во дворе у Ирены. Беспокоилась обо мне. Прибежала со стороны Железной, с Хлодной, 40. Принесла что-то поесть. Мне же хотелось остаться здесь, у Ирены со Стасиком. Я проводил Маму до угла. Того, около блокпоста. Мы попрощались и зашагали в разные стороны. Крадучись, перебежками, под прикрытием баррикад. На перекрестке трамвайные провода пооборвались, перепутались из-за обстрелов, и кто-то повесил прямо на провода портрет Гитлера. Немцев это бесило, и они все время палили по перекрестку. Постреливали снайперы.

Сегодня совершенно неразличимыми кажутся тогдашние 2-е и 3-е августа (среда и четверг). Оба пасмурные, дождливые. Уже с пожарами и падающими бомбами. Оба дня мы то и дело, сломя голову, сбегали вниз.

— В укрытие! — то есть в обычный подвал. Совещания во дворах, дежурства, рытье подземных ходов, строительство баррикад. Мы жили пока еще наверху, на четвертом этаже. Но в основном сидели в коридоре, максимум на кухне, старались забраться подальше в глубь дома, чтобы уберечься от снарядов. Спали в коридоре на составленных вместе диванах. Однажды мы с Иреной рванули в укрытие босиком, потому что внезапно начался налет и стали падать бомбы. Стасик в это время как раз сидел в туалете. А тут бомбежка. Хорошо, что в нас не попало. Стасик спускается через несколько минут:

— Слушайте, я когда сидел на унитазах, он прямо ходуном подомной ходил, вместе с целым этажом... Да так...

Но на Хлодную сразу выходить мы не стали. И правильно сделали. Все подъезды и ворота были забаррикадированы.

Решили поднять флаг. Просунули его через железные прутья.

— Смирно!

И все запели «Еще Польша не погибла».

Немцы открыли стрельбу. По флагу. По подъезду. Кому-то попали в палец. Кажется, тому поручику, который вывешивал флаг. А может, старшему по дому, тому, с повязкой сил противовоздушной обороны. Не помню. Потом вдруг слышим страшный грохот. Всё прямо таки подскочило. Мы бросились вниз.

— Немцы взлетели на воздух! Вместе с блокпостом на углу Валицов! — кричали люди.

— Взорвали пять домов!

Мы выбежали на Хлодную. По всей улице плыли густые облака. Рыжие и бурые, цвета кирпичей и дыма. Когда все улеглось, мы увидели страшную перемену. Кругом лежала рыже-серая пыль. На деревьях. На листьях. Пыль толщиной в сантиметр, не меньше. И эти руины. Одного блокпоста не стало. Но какой ценой. Впрочем, все вокруг стало меняться. Началась паника. Становилось все хуже. В смысле вида тоже. С площади Железных ворот, с Банковской площади, с Электоральной по нашей стороне Хлодной вдоль стены бежали и бежали люди, женщины, дети, все, как один, пригнувшись, серые от пепла, присыпанные пылью. Помню, что заходило солнце. Было жарко. Люди бежали и бежали. Бесконечным потоком. Из разрушенных бомбами домов. Бежали в сторону Воли.

На следующий день, ближе к вечеру, нам со Стасиком сказали таскать тротуарную плитку. На ту сторону улицы. Стасик схватил тяжелую плиту и сам ее перенес, к моему удивлению. Вдруг начался артобстрел. Один снаряд попал в деревянную баррикаду у «пожарки» на Хлодной, за костелом. Она вся была в огне. Следующий угодил в здание Мировского рынка, и тот сразу загорелось. Живым огнем. Томатного цвета. Заходило солнце. В кои-то веки стояла нормальная погода. Люди бежали вдоль стены по нашей стороне Хлодной в сторону Электоральной и дальше. Как вчера. Те же самые. Они убегали с Воли.

— Украинцы идут со стороны Воли, режут всех подряд, сжигают живьем!

Пятый день восстания, суббота, 5 августа. Долгий страшный грохот. Я вбегаю в подъезд.

— Блокпост взят! — я взлетел по лестнице наверх с радостной этой вестью. К Ирине и Стасику. Хлодная была свободна. Через минуту она вся была в наших флагах. На улицу выбежали толпы людей. Чтобы строить баррикады. Выбежали все. Женщины. Старики. Хорошо их помню. Продавщицы в белых фартуках. Какая-то пожилая женщина быстро подавала мне одной рукой кирпичи, а в другой держала сумочку. Я передавал кирпичи продавщице в белом фартуке. И так по цепочке.

— Быстрее! Быстрее! — кричали вокруг. Кирпичи мы брали со взорванных домов на углу Валицов. Внезапно появились самолеты. Прячемся на лестнице особняка в стиле модерн, то ли 20-й, то ли 22-й номер. Падают бомбы. Мы бежим в подвал. Кажется, это был дом пана Ханнеберга, родственника братьев Ханнебергов, отца трех моих школьных приятелей, я бывал у них здесь до войны. Помню, как однажды пришел в нем в гости, в доме было полно народу, а через открытую дверь балкона доносился шум улицы, и казалось, что автомобили ездят прямо по квартире. Вчера или сегодня утром, точно не помню, я видел, как пан Хеннеберг обрезал и сбрасывал на землю трамвайные провода, чтобы задержать танки, и при этом клял немцев на чем свет стоит. А совсем недавно, буквально в этом году, я прочитал в «Столице», что один из братьев Хеннебергов, тех, младших, с которыми я дружил в школе, погиб во время восстания. Второго тоже убили. Помню их мать, ходившую в трауре; у нее были очень светлые волосы. Послышался рев моторов и лязг гусениц, это шли танки. Надо было сматывать удочки.

В подвале появился какой-то старик.

— Вы откуда? — спросил я.

— С Краковского предместья.

Он рассказывает, что немцы хватили на улице людей и гнали их перед танками прямо на повстанцев, чтобы те стреляли в этих несчастных.

— И всю улицу сожгли...

— Какую? — спрашиваю.

— Ну, Краковское предместье, — с отчаянием в голосе сказал тот.

Помню, я удивился тогда, что, во-первых, кто-то называет Краковское предместье улицей, а во-вторых, что этот старик так горевал. Теперь-то не удивляюсь.

Когда бомбежка кончилась, мы вышли. На следующей баррикаде, перед самой Железной, требовались мужчины, и я побежал туда. Нам раздали кирки и ломы. Для плитки и брусчатки. Было уже выкопано несколько рвов. Я впервые увидел это подземное переплетение труб и проводов. Нас предупреждали, чтобы копали осторожней. На четвертом углу Железной перевернули табачный киоск, чтобы не мешал, по земле рассыпались сигареты. Какой-то мужик стал их собирать.

— Эй, слышь, в такую минуту! — закричали на него остальные. Пристыженный, он оставил сигареты и стал копать с нами дальше. Вдруг видим — со стороны блокпоста на тачках везут трупы немцев. Полураздетых. Босых. С торчащими зелеными подошвами. Помню, что у одного или у двух немцев были видны выступающие из тачек круглые животы. Их было сразу по несколько человек на каждой тачке. Немцев собирались похоронить. В сквере перед костелом святого Варфоломея. И не ставить креста, а просто обозначить это место холмиком земли (ближе к вечеру, я потом видел, так и сделали). Меня берут помогать. Постыдился отказываться. Но как же мне хочется, чтобы сейчас же начался налет, только бы всё это проделали без меня! Так и выходит. Появляются самолеты. Тут же летят бомбы. Те, кто вез тачки, в панике бросают их куда попало, трупы немцев летят в ров, ударяются о трубы, сваливаясь на глубину. После бомбежки кто-то вытащили их обратно. Я убежал от всего этого на два дома дальше.

Потом я вернулся к Ирине. Решаем пока разбежаться по домам. Ирина остается у себя. Я иду домой, на Хлодную, 40. Стасик возвращается к своим. На Сенную, 17. Оттуда бегут люди и кричат:

— Панскую разбомбили!

— Простую разбомбили!

Прощаемся между Валицов и Железной. Я бегу в сторону Железной. Кругом толпы народа, узлы, баулы, разруха, кутерьма, паника. Давка. Бегство. Снайперы. Помню, как сейчас. Смотрю: с Хлодной на Железную возле аркад через весь этот бардак сворачивают гуськом несколько совсем юных харцеров в зеленой, кажется, униформе. С бутылками бензина. Сворачивают на Железную. На улице тепло. Суббота. Солнечно. Прихожу домой, там Мама, а кроме нее...

— Стефа-бабу! — ибо это именно она сидела в большой комнате. Нежданно, негаданно. Я называл ее так, поскольку именно тогда читал Рабиндраната Тагора, у которого был такой

персонаж Пану-бабу. Стефа, еврейка, жила с нами до весны 44 го. Практически член семьи. До этого она жила у второй, гражданской, жены отца, у Зоськи, на Хмельной, 32, с Зоськой, моим отцом и Галиной. Не знаю, были там какие-то серьезные поводы или они просто разругались из-за чепухи, но в один прекрасный день 42-го года, когда мы получили на Хлодной эту квартиру, освободившуюся после евреев (раньше там было гетто, стена которого стояла поперек Хлодной между Вроньей и Товаровой, гетто постоянно сокращали и уменьшали, поэтому оставалось много свободных квартир, тут отец и подсуетился), на Хлодной, 40 — благодаря, в основном тому, что эти квартиры, хоть и не были совсем уж разворочены, но выглядели странно, в нашей, к примеру, прямо посередине кухни лежала засохшая куча дерьма, человеческого, разумеется, и именно на этой кухне и поселилась Стефа, всякий раз прячась за зеленой ширмочкой, когда кто-нибудь к нам приходил. Правда, порой она сразу переставала прятаться, потому что была знакома с некоторыми нашими друзьями и родственниками, доверяла им, хотя вообще о ней мало кто знал.

Вот почему я и закричал тогда:

— Как вы здесь оказались?!

Радуемся, обнимаемся, кричим, диву даемся, ну надо же! Я, кажется, радуюсь больше всех.

— Стефа-бабу, вот это да... Как вы сюда вообще попали?

— Ох, что было, что было...

(...)

При этом, кажется, присутствовала и тетя Юзя. Ее дом на Огородовой, 49, прилегал к нашему, на Хлодной, 40. В третьем дворе ее дома была тыльная стена, а в ней проход на наш длинный двор. Неважно, впрочем. Я был счастлив, что нас стало больше. Правда, тетя Юзя скоро вернулась к себе. Но Стефа оставалась, и какое же это было счастье. Главное же счастье — что уцелела. Но тут вдруг, после серии поражений, обманутых надежд и дурных новостей, начался уже такой кошмар, что просто руки опускались. Продолжались атаки на Хлодную и Огородовую. Людей там уже всю расстреливали, сжигали, на Гурчевской, на Бема, Млынарской, Вольской. Тем, кто из последних сил удерживали линию фронта, немцы постоянно отрезали путь к отступлению, занимая лестницы. Повстанцы лежали на крышах четырех- и пятиэтажных домов, крыши

горели, и люди вместе с крышами падали вниз. Пекло, как на рождество 43-го в гетто.

Мы раскапывали завалы, тушили пожары и бомбы, помогали — все это было трудно, но мы это делали, хотя все усилия сводились на нет новыми бомбежками и поджогами. Полная безнадега, и так без конца. Очередной крик:

— Самолеты!

Бежим в небольшой подвал, это мастерская, где делали стеклянные трубки и елочные игрушки. Давка. Паника. Люди молятся. Грохот. Вой падающих бомб. Страх и ужас. Снова снижаются. Грохот, кажется, угодило в фасад, мы съеживаемся. Рядом какая-то старушка бьет себя в грудь:

— Святейшее сердце Иисуса, смилуйся над нами...

Вой самолетов и бомб.

— Святейшее сердце...

Вдруг наш дом буквально трещит по швам. Разлетаются фрамуги окон, дверные косяки, стекла. Грохот. Конец? Снова треск, потом опять грохот. В конце концов мы выходим. Двор не узнать, он весь черный, изрядно засыпанный, кругом седая пыль, окна пустые, все в щепках. Перед подъездом воронка в пол-улицы. Разглядываем всё это с нашего второго этажа. Во дворе толпы. Чуть дальше — самый настоящий ад. Толпы людей, охваченных паникой. С баулами и тюками. Бегают туда-сюда, эти в подъезд, те из подъезда. Кто-то ломится через проход в стене на Огородовую. Люди с Огородовой, в свою очередь, бегут к нам сюда. Внезапное замешательство. Страшный крик. Толпа вдруг образует круг. Что-то несут. Кого-то... Кладут на землю. Трупы? Крик... Кто это кричит?

— Это пани Гурская — ее сына убили в школе на улице Лешно.

Трупы унесли. Оказалось, что всю школу разбомбили. Лешно, дом 100 с чем-то... 111 или 113? Это та школа, куда я однажды ходил на рождественское кукольное представление. Давно, еще до войны, само собой. Во время одного из отделений в левом углу сцены оборвались одеяла, служившие кулисами. Это была катастрофа, за кулисами ждали своего выхода ангелы, короли и прочие персонажи. С визгом они сбились в угол, столпились там. Ангелы жались друг к другу, закрывали голые локти и пищали. Ох, как же мне было тяжело здесь, в этом дворе, сейчас.

(Пани Гурская, ее сын и невестка — патриоты, баптисты. Они приходили к Мама шить. Обе. Когда моя Мама спросила: «Вы бы не изменили своей вере?», ответом было: «Я? Никогда, в этой вере я выросла, в ней и умру»).

Я решил пока что заглянуть к Ирине, на Хлодную, 24. Там я застал всех в подвале. Подавленных, но зато здесь и тише, и народу меньше.

Напротив нас сидели две женщины. Одна переживала из-за детей, которых она оставила на Праге^[3], в здании кондитерской «Ведель». Вторая была ее подругой, чуть помоложе. Они сидели, сжавшись в комочек. В этом коридорчике. Когда не бомбили, они ходили за картошкой или углем.

— Как совы, — медленно и выразительно, очень в своем стиле, прошептал Стасик.

Помню, покой и облегчение. Особенно после того, что творилось в моем доме. Ночевал я здесь же. С утра было солнечно, тепло, наступило воскресенье, 6 августа. «Совы» (старшую звали Хенькой, а младшую... как же ее? Помню, что она умела раскладывать пасьянс) сказали:

— Сегодня Преображение Господне. Может, Господь что-то изменит к лучшему...

И тут же грянула новость:

— Восстание подавлено!

— Боже мой, — забегали люди в подвалах и на лестницах, бабы, толпы, — столько усилий и всё впустую, Боже! Нет, невозможно!

— Ну да...

— Боже, — заламывали руки, бегали по дворам. Сначала ругались, потом утешали друг друга. Все были в отчаянии.

И тут бегут, бегут, с газетами, с опровержением. Неправда!

Помню, что сами повстанцы заговорили о поражении восстания, начав панику. Но теперь — какая радость!

Однако воскресенье еще только начиналось. Впереди был ни с чем не сравнимый ужас. Именно тогда мы решили на время разбежаться в разные стороны. Стасик — на Сенную. Ирина

остается. Я возвращаюсь к себе. Солнце, жара, дым, пожары, грохот, я бегу домой. Кажется, как раз тогда я и застал тетю Юзю. В полдень немцы (первыми в бой шли власовцы), начали последнюю атаку на площадь Керцели, Товарову и Окопову. Керцеляк сдавался. Наши отступали, отстреливались с баррикад на углах Вроньей. Но на линии Товарова-Керцеляк-Окопова были сданы и другие улицы, уже не на Воле, а ближе к Средместью. (Впрочем, и мы на Хлодной и до самой линии Керцеляк-Товарова-Окопова находились именно что в Средместье, но не в традиционном административном смысле, а в повстанческом Средместье, как это было определено перед началом восстания, когда город особым образом поделили на несколько районов). Пока что защищали узкую полосу между Товаровой, Керцеляком и Вроньей. Однако немцы атаковали не только на улицах, в дело шли не только пехота и танки, не только артиллерия, винтовки, гранаты, огнеметы, пушки, но и, что хуже всего, самолеты. Атаковали с неба. Теперь налеты были регулярными, при поддержке с земли, прилетали целыми стаями, улетали прочь, возвращались снова и бомбили дом за домом, флигель за флигелем. Хлодная. Огородовая. Крахмальная. Лешно. Гжибовская. Луцкая. И так далее. Бомбили, стреляли и жгли. Раз, помню, кто-то кричит:

— Людей засыпало, откапываем!

Я вызвался, жду у подъезда. Нас не берут:

— Другие уже пошли.

Но тут же снова крик:

— Горит Хлодная, 39! Кто тушить?

Бежим туда. Это как раз напротив. Горит целый дом. Кажется, четырехэтажный. Воды нет. Неподалеку есть насос, ведра надо таскать через дыру в стене. Есть и земля, чтобы гасить пламя. Женщины бегают, помогают. Жар. Пламя. Все эти средства для тушения не годятся, всё без толку. А тут целая стена в огне. На четвертом этаже из-под дверей валит дым. Но двери заперты. Пытаемся их выломать. Не поддаются. Рубим топорами. Вваливаемся. Стена, голая стена горит. Бежим с ведрами за водой. Возвращаемся. Льем. Всё без толку. Выбегаем.

— Землей! Землей! — кричат бабы.

Бежим опять. Появляются самолеты. Сыплются бомбы. Обычные и зажигательные.

— Гасить бомбы!

Срываемся и бежим. Сыплем землю и песок на зажигательные бомбы. Их уже штук двадцать или даже тридцать. Целая груда на лестничной клетке. Снова на этом без пяти минут четвертом этаже. Горят, шипят. От них стена начинает заниматься огнем. Но мы всё же сыплем. Поможет ли? Ведь они падают и падают. Помогает. Но уже и другие стены, справа и слева, загорелись. Бежим вниз. Разбегаемся. Хорошо, что нас много. И еще эти женщины. Подают нам ведра с землей (не помню точно, не кончилась ли как раз вода?). Ведра они подают нам через дыру в стене, чтобы нам не приходилось бегать туда-сюда. Приносят прямо к лестницам, а тут уже мы подхватываем. Влетаем наверх. Помню, как бежал прямо по этим зажигательным бомбам. Топтал их. По-другому было никак. Те, что уже догорали, гасли под моими ногами. Целая куча. Но самое главное — огонь на стенах начинал утихать. Я глазам своим не верил. После очередной порции земли огонь скорчился и исчез. Чудеса, да и только! Погасили пожар в самом пекле. Дело сделано. Возвращаемся.

Напряжение растет. Бомбят всё сильнее. Спасенные, более или менее в сознании, прячутся в наших подвалах. Страшная паника. Во дворе тоже. Да мы и сами паникуем. Пробираемся к тете Юзе на Огородовую, 49, через ту дыру в стене. Там во дворе какие-то бабы, кухня, дым, переполох, мужики дерутся топорами. Бросают ими друг в друга. Топоры так и летают в воздухе. Я не преувеличиваю. Поднимаемся к тете на пятый этаж. Но больше двух минут там продержаться не удастся. Вместе с квартиранткой тети Юзи, пожилой дамой, и ее братом (тоже седым) сбегает на нижний этаж с нашими и их пожитками, влетаем в чью-то квартиру. На чью-то кухню. Садимся. Квартирантка тети Юзи что-то протягивает своему брату:

— Держи, это хлеб с сахаром.

Тот берет и ест.

— Дать тебе еще?

Тот кивает головой.

Я не мог ничего есть целых два дня.

Вдруг снова грохот, всё трясется, мы падаем на пол.

Появляются люди из разрушенных бомбами домов, их всё больше. Они все седые от пыли и щебня, пахнут дымом. Тетя Юзя, Стефа и Мама считали, что подвал ненадежен, дом сложен

лишь из кирпичей и досок, плюс известка. А соседний, 51-й — новый дом с кирпичными перекрытиями, еще не отштукатуренный. Быстро переходим туда через дыры в стенах, подвалами. Там уже толпы. Сидят на мокром бетонном полу. По углам газовые лампы. Мама, тетя Юзя и Стефа снимают с себя верхнюю одежду, раскладывают ее на крошечной свободной части пола. В этой давке. Кругом шум и гам. Грохот, вой снарядов, снова бомбы, сил уже нет никаких. А самое ужасное, что сюда идут эти украинцы. И режут всех подряд. Люди без умолку об этом говорят. Двадцать лет спустя, уже в наши дни, в 1964 и 65 годах, благодаря показаниям свидетелей с обеих сторон, были названы точные цифры. В газетах писали, сколько именно людей было убито на одной только Воле лишь в субботу и воскресенье, 5 и 6 августа. Это были десятки тысяч человек. Некоторых, недобитых, живьем сжигали вместе с трупами. Всех бросали в общую груды. В больнице святого Станислава на углу Вольской и Млынарской (сейчас это Инфекционная больница № 1) больных расстреливали и выбрасывали еще живыми из окон во двор. А там сжигали, живых и мертвых, как придется. Закапывали тут же, на месте. Тоже как придется. В 1946 году мне, как журналисту, довелось присутствовать при эксгумации. Я приехал с фоторепортером. Мы вошли во двор, тот самый. Там лежали три или четыре ряда только что вырытых, покрытых землей, бесформенных кусков. Они были похожи на перепачканные котлеты в тесте. Из одного куска выступала кость. Остальные были плотно покрыты землей.

В укрытие вдруг вбежала санитарка:

— Кто поможет нести раненого?

И тут вдруг гомон прекратился и, несмотря на грохот бомбежки, наступила тишина.

— Никто не поможет?

Здесь было несколько сотен женщин. И, кажется, столько же мужчин. Все замерли.

— Что, правда, никто?

— Я помогу, — встал я.

Никто не двигался. Я выскочил вслед за санитаркой на лестницу. Выбежал прямо на улицу, Огородовую.

— Сюда! Сюда!

Я схватил носилки спереди. И сразу — быстрее, быстрее. Мы пристроились в процессию с носилками, скоро оказавшись в самой ее середине. Шли в сторону Железной, а потом в сторону суда, где был повстанческий госпиталь. Все людские потоки так или иначе тянулись в центр города. Было четыре или пять пополудни, воскресенье, жара, ветер то и дело приносил клубы дыма и пыли, это значило, что где-то рядом пожар или что-то в этом роде, разрывы, грохот, брусчатка под ногами, мы шли быстрехонько, один взгляд под ноги, потом вперед, потом назад, краем глаза на дома вокруг и небо, беготня, высокие здания, бесконечные баррикады поперек улиц, карнизы. Чуть было не добавил — голуби, но их, кажется, уже не было, либо они все попрятались и поэтому не летали. Может быть, они и вспархивали при каждом взрыве, но, скорее, это разлетались в разные стороны карнизы и фрамуги. Тут я могу ошибаться, такое со мной случалось, помню, как сразу после войны, когда я жил на Познаньской, была пасхальная заутреня, и голуби — на этот раз настоящие — взлетали, перепуганные, при каждом звуке. Так что мы шли почти бегом. В подворотни — такие старые, классические, с въездом во двор и железными святыми Николаями по бокам либо просто с нишами — тоже били снаряды. И по баррикадам. И в стены.

Нам пришлось протискиваться сквозь узкий проход между баррикадой на Железной и стеной (такие проходы в целях безопасности были сделаны везде). И сразу после Железной тоже. Баррикады шли плотными рядами, повсюду. На Железной, прячась за баррикадой, лежали солдаты и стреляли из винтовок. Обычных винтовок. В сторону Керцеляка. Была паника. Гражданские убегали. Оборонявшиеся были на грани отчаяния. Постоянно приходили жуткие вести о расстрелах и сожжениях, и всё это неотвратно приближалось к нам. Мы бегали с носилками туда-сюда. Я, вместе с той санитаркой, нес женщину. Всю в пепле — и волосы, и лицо. Ее били конвульсии. Платье истрепано. Женщину засыпало. На Хлодной. За нами несли мужчину, его руки и ноги были перебинтованы, но кровь шла так сильно, что лилась прямо с носилок. Что с ним стало дальше — не знаю. Вот и здание суда. Входим в подворотню, здесь полно людей, среди них наша соседка с Хлодной, 40. При виде раненых она начинает плакать. Хотя плач стоит уже повсеместно, спазмами. По всей подворотне. Мне сказали поставить носилки с женщиной. И идти. Здесь уже госпиталь. Ставим носилки. И бежим за следующими. А этих раненых начинают вносить внутрь.

Я выбегаю на улицу, пора возвращаться. По дороге, дворами, через лесопилку, заскакиваю на Хлодную, 24, в подвал к Ирине.

Застаю и Ирену, и тех двух «сов», и пана Малиновского с повязкой сил противовоздушной обороны, старшего по дому. Было так тихо, спокойно, как нигде. По крайней мере, в этом втором флигеле, который был подальше от фасада. Грохот доносился словно бы издалека. Дела шли скверно. Но как же было спокойно в этом обычном подвале. Маленькие коридоры с внезапными поворотами и каморками. Темнота. Откуда-то сверху пробивался серый свет. Но нет, дальше мне идти не хотелось. Я рассказывал о том, что видел. Что там на Желязной. Меня расспрашивали. Я всё медлил, не уходил. Наступил вечер. Мне советуют переждать здесь. Остаться на ночь. К чему, мол, тащиться обратно по Желязной. Может быть, там еще хуже, чем раньше, может быть, там уже немцы. А отсюда легче убежать. Старый город недалеко. Почти все собирались бежать в сторону Старого города. С этими двумя «совами» мы всё больше склонялись к мысли, что бежать надо. Старшая, Хенька, с косой вокруг головы, постоянно переживала из-за детей, которых она оставила в здании кондитерской на Праге. Младшая, Ядзька кажется, стала нам гадать по картам. Я рассказал им, что у меня на улице Рыбаков есть приятель, Свен. Что он уже несколько месяцев живет на Воле, на Шленкеров, но сдается мне — сейчас он как раз на Рыбаков. Потому что там осталась его мать. Ясное дело, слабый довод. Скорее, интуиция. Ну, и попытка выдать желаемое за действительное. Я и забыл, что Тадек и Свен поругались из-за ерунды, потом из солидарности со Свеном я поругался с Тадеком, но вскоре поссорился со Свеном, помирившись с Тадеком (тем, что жил на Сташица). И вот еще что: у меня родилась идея переплыть Вислу. Девушки эту мысль подхватили, как нечто само собой разумеющееся. Я убеждал их, что улица Рыбаков — это почти как побережье Гданьска. Там стоят блочные дома, красные такие. Железобетонные. Еще неотделанные. Большие. (В одном из них вроде был приют для бездомных во время войны, но Свен до недавнего времени там жил, хотя уже всю работу общественным опекуном в Парысуве). Ну, и вот, эти дома выходят фасадами на Рыбаков, а тыльной частью — на Вислу. Плавать мы все трое умели, как выяснилось. Оттуда по-тихому можно перебраться на Жерань-Яблонне. А там уже русские. Не знаю, правда, как мы себе представляли переправу вплавь на тот берег — учитывая, что кругом немцы — а в особенности переход линии фронта. Да еще такого фронта, которого до этой войны в истории не было. Видимо, подействовало то, что это же Варшава и Жерань, что по своей-то, по знакомой земле уж как-нибудь проберемся.

Так мы просидели всю ночь. Атаки прекратились. Время от времени слышалось привычное уже погромыхивание. Иногда стояла полная тишина. Все вышли во двор. Разговоры, советы,

обсуждения. По рукам ходили газеты. Люди вновь принялись рыть подземные ходы и разбивать стены в подвалах. Пан Малиновский предлагает мне и Ирене остаться на ночь у него. Куда нам, мол, на наш четвертый этаж, опасно. А у них большая квартира в соседнем дворе, на первом этаже. Мы соглашаемся, идем. Мне достается отдельная комната. Кровать. Одеяло. Я раздеваюсь. Откидываю одеяло, чтобы лечь, и тут — как бабахнет снаряд прямо в угол дома! А потом второй, третий, четвертый. И пламя. Все срываются и выбегают на улицу, переходят во двор на Огородовой. С детьми, чемоданами, рюкзаками. Эти выходят, те только собираются Давка. Грохот. Все советуются — что делать? Переходим от группы к группе. Ирена стоит с сумкой. Решаем, как быть. Советуемся с паном Малиновским и остальными. Стоим около деревянных ворот на Огородовой. Но Ирена что-то медлит. А я убеждаю всех, что пора. Совещаемся с «совами». Решено.

— Я только пойду, отнесу Маме ключи от квартиры.

Я ведь забрал ключи, когда в общей панике выбегал из дома. И теперь они всё время бренчат у меня в кармане. Я бегу на Желязную. Перед ней, укрывшись каким-то барахлом, лежат повстанцы и стреляют в сторону Вроньей, уставшие, мокрые от пота.

— Куда, куда?

— Мне нужно на Хлодную, 40.

— Куда? Нельзя!

— Но у меня там Мать. А я забрал ключи.

— Молодой человек! Вы уже ничем не можете — ни ключами, ни вообще...

— Но я...

— Там уже немцы.

Поворачиваю назад. Вбегаю во двор к Ирине. Хенька и Ядзька уже готовы. Снова спрашиваю Ирину, как она. Но она всё стоит около ворот, в той самой группе, всё так же висит у нее на плече сумка, и до нее вообще не очень доходит, что я ей говорю. Так что мы — я, Хенька и Ядзька — выбегаем на Огородовую, теперь уже направо. И бежим...

Одна из них говорит:

— Давайте только снимем обувь, чтобы нас не было слышно.

Снимаем. Летим по Огородовой. Босиком. Баррикада. Протискиваемся между баррикадой и стеной. Бежим в сторону Сольной. Всё кругом горит и гудит. Падают балки. Шум. Перекрытия с грохотом летят в огонь. Мы бежим по Сольной. К Электоральной. Снова баррикада. Протискиваемся, бежим дальше. Электоральная. Бежим к Банковской площади (теперь это площадь Дзержинского, разве что она меньше и имеет нынче треугольную форму). Пожар на правой стороне. Целый дом — как один большой сноп пламени. Бежим дальше. Где-то за улицей Орлиной на левой стороне вновь горит целый дом. Догорает, точнее. Перекрытий почти уже нет. Да и стен тоже. Только огромный костер во все четыре этажа. Снова шумят, падая, балки. Жарко. Кажется, это Управление мер и весов. Ночь. Здесь потише. А может, атака стихает? Мы бежим не одни. Целый людской поток несется в сторону Старого города. Бежим за людьми, поворачиваем вместе с ними налево, во двор Купеческого фонда, то бишь Ротонды, бывшего Министерства финансов и дворца Лещинских. Здесь просторнее. С Банковской площади доносятся одиночные залпы. И снова карнизы. Только не такие серые. Желтые. В предрассветных сумерках кажется, что они покрыты патиной. Может, отсюда взлетали голуби. Или тоже разлетались лишь карнизы с фрамугами. Но уже иначе — за компанию с ангелами Корацци^[4]. Гирлянды. Фронтоны. Выбегаем в сторону Лешно. Неожиданно натываемся на польский конвой. Нас задерживают около баррикады, ждем, пока подойдут остальные. Здесь даже евреи со своими женщинами. Одна из евреек держит мешок под мышками. Баррикада перегораживает проход на Лешно. У евреев проверяют какие-то бумаги. Отделают их для дальнейшей проверки. Нас пропускают. Всю группу. Мы пробегаем между лешнинскими баррикадами. Бежим по Пшеязду, потом поворот направо. Через баррикаду. Улица Длуга. Отголоски разрывов. На легком изгибе Длугой — «Дворец под четырьмя ветрами». Горит целиком, сгорает весь. Воет огонь во флигелях и на фасаде. С грохотом валятся балки. Фронтон с барельефами еще держится. Сверкают медальоны. Ворота с подковами. И эти Четыре ветра на опорах ворот. У них золотые крылья. Они переливаются, светятся. Расплясались, как никогда раньше. А мы бежим дальше...

Перевод Игоря Белова

Мирон Бялошевский (1922–1983) был не только выдающимся поэтом и создателем экспериментального театра. В 1970 году вышел его «Дневник варшавского восстания», книга прозы, в которой он вспоминал о восстании, увиденном глазами простого человека. Первоначально этот текст был записан на магнитофон и лишь потом перенесен на бумагу. Многие читатели восприняли дневник Бялошевского как шокирующий и скандальный, поскольку он явно ставил под сомнение героическую легенду восстания.

1. Керцеляк — разговорное название площади Керцели в Варшаве. Здесь и далее прим. пер.
2. Воля — район Варшавы. Резня мирного населения на Воле, устроенная нацистами в первые дни августа 1944 г., стала одной самых трагических страниц Варшавского восстания.
3. Прага — район Варшавы на правом берегу Вислы.
4. Антонио Корацци (1792–1877) — итальянский архитектор, работавший в Польше, представитель классицизма.

Тадеуш Гайцы

К НАСЛЕДНИКУ

Я знаю, мы с тобой похожи:

земля у самых наших ног.

Пусть небо выхватит из ножен

зарей исписанный листок.

Вот губы цвета черепицы

целуют воздух всё сильнее,

и чуть живым ладоням снится,

что ночь их сделала черней.

Придуманное тенью слово

на пальцы мертвые легло,

как ветка дерева сухого,

как перебитое крыло.

Мир полукруглый за плечами,

шагов размеренных гранит,

и мачта звездная ночами

от боли жалобно скрипит,

над темных облаков плеядой

дрожа, глядит по сторонам

и светом умершего взгляда

отсчитывает время нам.

Как ты, я многого не знаю:

непререкаемо течет

сквозь город мой река большая,

в домах жильцам потерян счет.
В постелях, теплых аж на зависть,
они, пока не спит луна,
лежат, как в зеркало, уставясь
в киноэкран дурного сна,
а утром голосами злыми
гоняют птичьи корабли,
что робко крыльями нагими
едва касаются земли.
Встречают новый день за чаем,
за черным кружевом газет,
над головой не замечая
больших бесформенных планет,
сутулясь, прочь идут из дома
и топчут алые цветы
на пыльных волнах чернозема,
свихнувшихся от красоты.
Я что-то знаю, но немного,
о том, что умерло давно:
внутри зеленого чертога
трамвай, звеня, идет на дно,
а там, где оркестровой медью
заполнен воздуха провал,
сверкает яркий привкус снеди
и громкой музыки металл.
Ты тоже знаешь — есть два мира,

ресницы только опусти:
у бирюзового эфира
немало синих звезд в горсти.
Над птичьим гомоном невнятным
незримо движется листва,
ее блуждающие пятна
вдруг собираются в слова,
и ты стоишь, вращая в почву
там, где кончается земля,
объятый музыкой непрочной,
едва губами шевеля.
Ты сердце взвесил на ладони,
огромное, как оком,
и странный мир навеки тонет
в беззвучном пении твоём.
Иное царство, чьи пределы
давно покинула лазурь,
поставить голос мне успело,
не перекрикивая бурь.
Оно горит протуберанцем,
пьёт нефть с иссиня-черных губ
земли, и в небо тянет пальцы
фабричных омертвелых труб.
Здесь поезд по горячим рельсам
летит со свистом удалым,
и в сорняки тяжеловесом

ложится паровозный дым.
Река сквозь сон, не зная толком,
что напророчит календарь,
бежит, а рядом втихомолку
сияет ампулой фонарь,
вопрос безмолвный то и дело
взлетает ласточкой бровей,
и пламя замершего тела
всё неподвижней, всё мертвей.
Есть лишь одна земля, с которой
мне и тебе уж не сойти,
и молодость с ее простором,
так и не сбившая с пути.
Грожу я страху кулаками,
поднявши их над головой,
и жду, когда ты бросишь камень
в меня и сразу станешь мной.
Я знаю, всё тебе по силам —
не задрожит твоя рука,
когда в открытую могилу
швырнешь в лицо мне горсть песка.
В такое время чувствую плохо,
и пусть любил я, как и ты,
мне сердце выдала эпоха
в скупых объемах фронтовых.
Ты ей придумаешь название,

прочтя, что в наших городах
стояла смерть, как в наказание,
на перекрестках и углах.

Не плакать – это дело чести
в разгар вселенской духоты.
Среди обугленных созвездий
я отыщу твои черты.

Тогда мои любовь и память,
смогли бы, становясь сильнее,
к твоей любви огня добавить,
дать света памяти твоей.

Вот наши встретились ладони,
сплелись над омутом морским —
так строят дом на небосклоне
рукопожатием одним.

На кладбище метафор новых
свободных не осталось мест,
порой любое мое слово
на этой жизни ставит крест,
но темень городских подвалов
ты ритмом сердца оживишь,
и вечность поглядит устало
с оборванных войной афиш.
В небесном сумраке далеком
взмахнула веером луна,
и на столе моем широком

свеча, как карандаш, стройна.
Отец, живее всех живущих,
на фото с траурной каймой.
И громче канонад грядущих
звучит во мраке шепот мой.
Звезда улыбкой негасимой
мне шлет привет из темноты,
а на виске ее красивом —
венца тернового следы,
и тишина, среди которой
дыханье спящих всё слышней,
печальные склоняет взоры
к обрыву музыки своей.
Как только вылиняют тучи,
у свадебных колоколов
окрепнет голос их певучий,
и даже скрипкам хватит слов,
и это пение со свистом
в ночной отправится полет.
И верный сын своей отчизны
на тихом берегу уснет.
А рядом те, чья нежность смело
прошла по лезвию ножа,
за каменной стеной замшелой
в песке бесчувственном лежат.
Бомбежка им, что веронал,

но марш звучит с не меньшей силой,
чем тот снаряд, который стал
их колыбелью и могилой.

Вдоль по дороге, сбившись в стаю,
скользят большие облака,
а за плечом дрожит, сверкая,
обломанная ветвь штыка,
и песня счастья этой ночью
смешалась с заревом густым
своей небесной оболочкой,
небесным именем своим.

Но эта ночь, и время это,
и эта черная земля
сжимают сердце, лгут поэту,
что можно всё начать с нуля.

Ты на меня похож до боли:
плывущий по реке времен,
как рыба, ты вольнее воли,
и взгляд твой светом напоен.

Быть может, как и я, однажды
мгновение остановив,
ты смял его в ладонях влажных,
дымящих, как локомотив,
и в этом грохоте и дыме
ты целишь прямо в грудь тому,
кто на крестах выводит имя,

а чье — вовеки не пойму.
Быть может, вновь в пределы ада
отчизна с горечью шагнет,
и тень летящего снаряда
твой перекроет небосвод,
и станет виселицей тополь,
умолкнет пенье Аонид,
а сердце на асфальте теплом
монетой мелкой зазвенит.
И полюбить тогда придется
то, что не сгинет на войне —
песчаный холм, немного солнца,
полуживой цветок на дне.
Ты, все шаги тогда отмерив,
и все слова произнеся,
сложив ладони на бруствере,
полюбишь то же, что и я.
Но то, что нажито веками,
ни сохранить нам, ни согреть —
сквозь пальцы наши утекают
вода и листья, жизнь и смерть.
Мы отступаем в тень густую
погасших навсегда планет,
проходит юность вхолостую,
поскольку радости в ней нет.
Мы затоскуем, вспомнив хором,

как, ровным холодом дыша,
лязг оружейного затвора
деревьев шелест заглушал.
Глаза поднимем к тучам голым –
так необычен их полет.
Уже не самолет, а голубь
крылом серебряным качнет.
И только так оно и будет.
И я пишу тебе сейчас
из города, в котором люди
как будто умерли для нас.
Заря подходит к изголовью,
но город сумрачен и тих,
хоть солнце расписалось кровью
на этих черных мостовых.
Блуждает призрак неуклюжий,
кручиной взор вооружив,
а я, почти обезоружен,
пишу тебе, покуда жив.
На раскаленный лист бумаги
вдруг тихо падает – лови! –
ночная бабочка отваги,
тоски, смирения, любви.
Слепым знаменiem печали
она в мои влетает сны,
как равнодушный привкус стали,

как поцелуй взрывной волны.
И в этой песне жутковатой,
где цвел познания кошмар,
звучал свирелью вой снаряда,
мечты подкрашивал пожар.
А большому вовек не сбыться,
не порости ему быллем,
и обозначит мне границы
пера стальное острие.
Вот вывернула ночь над домом
свое колючее нутро,
и в крест почти что невесомый
вдруг превращается перо.
И опустив, как гроб в могилу,
ресниц тяжелых темный лес,
звезда неяркая вполсилы
струит свой никелевый блеск.
Что ж, одиночество и юность
тоской наполнят этот край.
Крыло с землей не разминулось,
легко срезая урожай.
Склоняется над нами небо,
но наших рук крылатых взмах
нам кажется уже нелепым,
когда оружие в руках.
Уста не запоют, как скрипка,

в глазах не вспыхнет солнца луч,
лишь сердца грустная улыбка
блеснет среди горелых туч.
От слов, что не пойдут на убыль,
однажды нашей став судьбой,
под утро кровоточат губы,
хоть еле слышен шепот мой.
Ты, собирающий при звездах
стихов моих несладкий мед,
увидишь – я иду сквозь воздух,
а следом город мой идет,
но ровное дыхание спящих
с двойным усилием хранят
замшелых стен снарядный ящик,
постелей белых плотный ряд.
И эту ночь без всякой меры
впитала, точно кровь, страна
с последним сном, с любовью первой,
что, будто ветер, солона.
Земля соединит нас снова,
а нежный завиток свечи
сейчас растает бестолково,
и дом понуро промолчит.
Из тьмы, что с веком неразлучна,
из черной этой глубины
два мира выступят беззвучно,

как чьи-то призраки, бледны.
Но звездам большего не надо,
когда их взяли на испуг
сиянием прямого взгляда,
пролившим свет на всё вокруг.
Как ты, я многого не знаю:
вот мы идем тропой огня,
и в небе с алыми краями
ты ищешь среди звезд меня.
А я, с печальным тихим словом,
несу любовь на сердце, словно
боец разбитого полка,
который темноту могилы
несет под шлемом что есть силы,
пройдя сквозь годы и века.

Перевод Игоря Белова

Тадеуш Гайцы (1922–1944) – один из самых выдающихся польских поэтов военного поколения. Принадлежал к литературной группе «Искусство и народ», был также редактором одноименного подпольного альманаха. Погиб в Варшавском восстании, незадолго до которого и было написано стихотворение «К наследнику».